

**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ.
СЕРИЯ: ЭКОНОМИКА**

Том 25 № 1 (2017)
DOI 10.22363/2313-2329-2017-25-1
<http://journals.rudn.ru/economics>

Научный журнал
Издается с 1993 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61212 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор <i>Рязанцев С.В.</i> , доктор экономических наук, профессор кафедры международных экономических отношений экономического факультета РУДН, заведующий Центром социальной демографии и экономической социологии Института социально-политических исследований РАН, член-корреспондент РАН	Заместитель главного редактора <i>Волгина Н.А.</i> , доктор экономических наук, профессор кафедры международных экономических отношений экономического факультета РУДН	Ответственный секретарь <i>Маньшин Р.В.</i> , кандидат экономических наук, доцент кафедры международных экономических отношений экономического факультета РУДН	Технический секретарь <i>Лукьянец А.С.</i> , кандидат экономических наук, доцент кафедры международных экономических отношений экономического факультета РУДН
--	--	--	---

Члены редакционной коллегии

Гусаков Н.П. — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой международных экономических отношений экономического факультета РУДН

Родионова И.А. — доктор географических наук, профессор кафедры региональной экономики и географии экономического факультета РУДН

Гишар Ж.П. — профессор факультета права и политических наук Университета Нишцы София-Антиполис (Франция)

Стрыякевич Т. — профессор, директор Института социально-экономической географии и пространственного менеджмента Университета Адама Мицкевича (Познань, Польша)

Редржепаджич С. — профессор-исследователь, заместитель директора Института экономики Сербии, Белград

Пизарро С.А. — доктор наук, профессор, Университет Буэнос-Айреса (Буэнос-Айрес, Аргентина)

ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ. СЕРИЯ: ЭКОНОМИКА

ISSN 2408-8986 (online); ISSN 2313-2329 (print)

4 выпуска в год.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Языки: русский, английский.

Включен в каталог периодических изданий Ульрих (Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>).

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka, Google Scholar, WorldCat.

Цель и тематика

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика — это научный журнал общезкономического содержания, где публикуются статьи теоретической и практической направленности. Целями журнала являются публикация статей российских и зарубежных исследователей по актуальным проблемам развития российской и мировой экономики, формирование научного сообщества экономистов, повышение научной активности сложившихся и молодых ученых РУДН и других вузов.

Журнал публикует статьи, которые направлены на достижение следующих целей: проведение экономического анализа по современным вопросам макро- и микроэкономики; осмысление опыта решения важнейших социально-экономических вопросов в различных регионах и странах мира, поощрение дискуссий и обмена мнениями в области современной экономической науки.

Основные рубрики журнала включают в себя:

- вопросы экономической теории;
- продвижение экономических реформ в России и других странах СНГ;
- экономическая интеграция и глобализация;
- экономика развитых и развивающихся стран;
- валютно-финансовые проблемы;
- экономика отраслевых рынков;
- вопросы менеджмента и маркетинга;
- междисциплинарные исследования;
- методика и методология преподавания экономических дисциплин;
- экономические обзоры и прикладные исследования;
- рецензии и пр.

Основная аудитория журнала — профессиональные экономисты, преподаватели, аспиранты вузов, руководители федеральных и региональных органов власти, представители бизнеса.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/economics>

Электронный адрес: vestnik_rudn_ec@yahoo.com

Редактор: *М.П. Малахов*
Компьютерная верстка: *О.Г. Горюнова*

Адрес редакции:

ул. Орджоникидзе, д. 3, Москва, Россия, 115419
Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: ipk@rudn.university

Адрес редакционной коллегии серии «Экономика»:

ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198
Тел.: (495) 438-83-65; e-mail: econjournalrudn@rudn.university

Подписано в печать 15.06.2017. Выход в свет 30.06.2017. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «NewtonС».

Усл. печ. л. 12,26. Тираж 500 экз. Заказ № 000. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Российский университет дружбы народов» (РУДН)
117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН
115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3, тел. (495) 952-04-41; e-mail: ipk@rudn.university

RUDN JOURNAL OF ECONOMICS

VOLUME 25 NUMBER 1 (2017)
DOI 10.22363/2313-2329-2017-25-1
<http://journals.rudn.ru/economics>
Founded in 1993

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

EDITOR-IN-CHIEF	DEPUTY OF THE EDITOR-IN-CHIEF	EXECUTIVE SECRETARY	TECHNICAL SECRETARY
<i>Ryazantsev S.V.</i> Doctor of economics, professor of the Department of International Economic Relations, Faculty of Economics, Peoples' Friendship University of Russia, Director of the Centre of Sociopolitical Research of the Russian Academy of Sciences, Corresponding member of Russian Academy of Sciences	<i>Volgina N.A.</i> Doctor of economics, professor of the Department of International Economic Relations, Faculty of Economics, Peoples' Friendship University of Russia	<i>Manshin R.V.</i> Candidate of sciences (Economics), Associate Professor of the Department of International Economic Relations, Faculty of Economics, Peoples' Friendship University of Russia	<i>Lukyanets A.S.</i> Candidate of sciences (Economics), Associate Professor of the Department of International Economic Relations, Faculty of Economics, Peoples' Friendship University of Russia

EDITORIAL BOARD

Goussakov N.P. — Doctor of economics, head of the Department of International Economic Relations, Faculty of Economics, Peoples' Friendship University of Russia

Rodionova I.A. — Doctor of geography, professor of the Department of Regional Economics and Geography, Faculty of Economics, Peoples' Friendship University of Russia

Guichard, Jean-Paul — Professor of economics, Department of Law and Political Sciences, University of Nice Sophia-Antipolis, France

Stryjakiewicz, Tadeusz — full professor, director of the Institute of Socio-Economic Geography and Spatial Management, Adam Mickiewicz University in Poznań, Poland

Redžepagić, Srdjan — Doctor of economics, research professor, deputy director of the Serbian Academy of Sciences, Serbia, Belgrade

Pizarro, Cynthia Alejandra — independent researcher, Technical and Scientific Research Council

Professor of Anthropology, School of Agriculture, University of Buenos Aires, Argentina

RUDN JOURNAL OF ECONOMICS.

Published by the Peoples' Friendship University of Russia, Moscow

ISSN 2408-8986 (online); ISSN 2313-2329 (print)

4 issues per year.

Languages: Russian, English.

Indexed in Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>

The journal is presented on the sites of Peoples' Friendship University of Russia, Facebook, Mendeley, in the database of Russian Science Citation Index.

Aim and Scope

RUDN Journal of Economics is a general-interest economic journal, which publishes papers of theoretical, empirical and practical issues.

The goals of the journal are publication of papers of Russian and foreign authors on topical questions of national and world economic development, as well as building-up of academic economic society, increasing of scientific activity of senior and young researchers from Peoples' Friendship University of Russia (PFUR) and other higher institutions.

The journal aims to publish articles that will serve several goals: to provide economic analysis in the field of macro- and microeconomics and finance; to integrate lessons learned from different regions and countries experience in tackling socio-economic problems; to encourage cross-fertilization of ideas among the fields of economic thinking.

Main subject fields of the journal include:

- questions of economic theory;
- economic reforms in Russia and Commonwealth countries;
- economic integration and globalization;
- developed and developing countries economy;
- monetary and financial questions;
- industrial organization markets
- questions of management and marketing;
- interdisciplinary research;
- methodology of teaching economic subjects;
- economic reviews and applied research;
- books' reviews and oth.

Main audience of the journal — professional economists, high school teachers, post-graduate students, representatives of federal and municipal government bodies as well as business leaders.

Further information regarding notes for contributors, subscription, and back volumes is available at <http://journals.rudn.ru/linguistics>

E-mail: vestnik_rudn_ec@yahoo.com

Editor *M.P. Malakhov*

Computer design: *O.G. Gorunova*

Address of the editorial board:

Ordzhonikidze str., 3, Moscow, Russia, 115419

Ph. +7 (495) 955-07-16; e-mail: ipk@rudn.university

Address of the editorial board Series "Economics":

Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

Ph. +7 (495) 438-83-65;

e-mail: econjournalrudn@rudn.university

Printing run 500 copies. Open price.

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education

"Peoples' Friendship University of Russia"

6 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia,

Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: ipk@rudn.university

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ

- Старикова Е.А.** Современные подходы к трактовке концепции устойчивого развития.... 7
- Рыбаковский О.Л., Тер-Акопов А.А.** Теоретические подходы к проблеме изучения дифференцированной экономической интеграции..... 18
- Андреев П.С.** Методика оценки результативности России в GVC и формирование эффективных цепочек стоимости с участием стран АТР 28

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И ИННОВАЦИИ В МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

- Диесперова Н.А.** «Псевдоинновации» и «псевдоинвестиции» в экономике России 41
- Тихонова Л.Е., Фокеева Л.В., Кормильчик Н.А.** Экспорт образовательных услуг Беларуси: тенденции развития и география потоков 54

МЕЖДУНАРОДНАЯ ТОРГОВЛЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

- Анисимов В.Г., Анисимов Е.Г., Гапов М.Р., Сауренко Т.Н.** Модель для прогнозирования объема и структуры «серого импорта» 63
- Орехова С.В., Кислицын Е.В.** Содержательный фундамент и методический инструментарий оценки властной асимметрии товарного рынка 74
- Худжатов М.Б.** Исследование дифференциации внешнеторговых цен с применением дисперсионного анализа..... 91

МИРОВОЙ РЫНОК ТРУДА И МЕЖДУНАРОДНАЯ МИГРАЦИЯ

- Virkkunen J.** Economic aspects of migration from Central Asia in Russia (Экономические аспекты миграции из Центральной Азии в Россию)..... 102
- Marushiakova E., Popov V.** Current trends in the social-economic integration of Gypsy migrants in the European Union (Современные тренды социально-экономической интеграции мигрантов-цыган в Европейском Союзе)..... 112

ЭТНИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

- Рязанцев С.В.** «Русскоязычная» экономика как механизм интеграции русскоговорящих мигрантов в принимающих странах..... 122
- Pizarro C.** Paraguayans in the forest sector of the Argentine economy (Парагвайцы в лесной отрасли экономики Аргентины)..... 137

CONTENTS

GLOBALIZATION AND ECONOMIC INTEGRATION

- Starikova E.A. (Moscow, Russia)** The Contemporary Approaches to Interpretation of the Sustainable Development Concept..... 7
- Rybakovskiy O.L. (Moscow, Russia), Ter-Akopov A.A. (Moscow, Russia)** Theoretical Approaches to the Study of Differentiated Economic Integration 18
- Andreev P.S. (Irkutsk, Russia)** Methods of performance evaluation of Russia's participation in GVC and the forming of effective value chains involving Asia-Pacific countries..... 28

ECONOMIC GROWTH, SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT AND INNOVATION IN THE WORLD ECONOMY

- Diesperova N.A. (Moscow, Russia)** "Pseudo Innovations" and "Pseudo Investments" in Russian Economy..... 41
- Tihonova L.A. (Minsk, Belarus), Fokeeva L.V. (Minsk, Belarus), Kormilchik N.A. (Minsk, Belarus)** Export of Educational Services of Belarus: Trends and Directions of Streams 54

INTERNATIONAL TRADE IN THE CONDITIONS OF GLOBALIZATION

- Anisimov V.G. (St. Petersburg, Russia), Anisimov E.G. (Moscow, Russia), Gapov M.R. (Moscow, Russia), Saurenko T.N. (Moscow, Russia)** Model for Forecasting of Volume and Structure "Grey Import" 63
- Orehkova S.V. (Ekaterinburg, Russia), Kislitsyn E. V (Ekaterinburg, Russia)** Theoretical Foundation and Methods for Assessment Commodity Market Power Asymmetry 74
- Khudzhatov M.B. (Moscow, Russia)** The Study of Differentiation of Foreign Trade Prices by Using of Dispersion Analysis..... 91

INTERNATIONAL LABOR MARKET AND INTERNATIONAL MIGRATION

- Virkkunen J. (Joensuu, Finland)** Economic Aspects of Migration from Central Asia in Russia..... 102
- Marushiakova E. (Sofia, Bulgaria), Popov V. (Sofia, Bulgaria)** Current Trends in the Social-Economic Integration of Gypsy Migrants in the European Union 112

ETHNIC ECONOMY IN THE CONDITIONS OF GLOBALIZATION

- Ryazantsev S.V. (Moscow, Russia)** «Russian-Speaking» Economy as the Mechanism of the Inegration of Russian-Speaking Migrants in the Receiving Countries 122
- Pizarro C. (Buenos Aires, Argentina)** Paraguayans in the forest sector of the Argentine economy 137

DOI 10.22363/2313-2329-2017-25-1-7-17

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ТРАКТОВКЕ КОНЦЕПЦИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Е.А. Старикова

Московский государственный институт международных отношений (университет)

МИД России

пр. Вернадского, 76, Москва, Россия, 119454

В данной статье автор анализирует современные подходы к трактовке концепции устойчивого развития как научного феномена. Ключевая тенденция, характеризующая данный феномен, заключается в том, что нет общепризнанного определения понятия «устойчивое развитие», что во многом обуславливает появление новых направлений его интерпретации. По мнению автора, понимание концепции видоизменяется с учетом меняющихся внешних факторов, при этом каждый научный подход по-своему отвечает на запросы времени. Данная статья дополняет и углубляет существующие исследования, разъясняет терминологическую базу и концептуальные основы устойчивого развития, выявляет актуальные его интерпретации, наиболее отвечающие запросам глобальной повестки. Автор приходит к выводу о том, что триединая концепция устойчивого развития в настоящее время является прогрессивна, поскольку в той или иной степени она систематизирует и охватывает остальные подходы. В этой связи подчеркивается необходимость принятия мер глобального характера для практической реализации целей и принципов концепции.

Ключевые слова: концепция устойчивого развития, эколого-системный подход, сильная устойчивость, слабая устойчивость, триединая концепция, устойчивое развитие компании, корпоративная устойчивость, концепция тройного критерия, стратегия тройной выгоды, кластерный подход

Введение

Концепция устойчивого развития получила статус научного феномена начиная с 1987 года, когда Комиссия Брундтланд сформулировала классическое определение термина: «модель движения вперед, при которой достигается удовлетворение жизненных потребностей нынешнего поколения людей без лишения будущих поколений такой возможности» (Наше общее будущее / под ред. Евтева С.А., Перелета Р.А., 1989). Среди недостатков данной дефиниции исследователи отмечают то, что она «скорее отражает стратегическую цель, чем указывает конкретный путь для практических действий» (Бегун Т.В., 2012). Этим объясняется дальнейший поиск многими авторами более практико-ориентированного определения. Опираясь на изучение различных источников, приходим к выводу, что понятие «устойчивое развитие» насчитывает более 50 различных интерпретаций. Как справедливо предположил российский ученый А.Д. Урсул, количество его дефиниций будет только возрастать, поскольку «идет процесс

осознания будущего развития, которое в принципе неопределенно и многовариантно» (Урсул А.Д., 2005). Отсутствие единой трактовки связано, во-первых, со сложностью и комплексностью данной концепции, включающей различные аспекты развития, а во-вторых, с существенными различиями во взглядах на данную проблему со стороны научных кругов, представителей бизнес-сообщества и политических элит.

Дискуссионный характер самой формулировки понятия («устойчивость развития») и значительный по охвату круг задач, которые вбирает в себя и призвана решить концепция (экологическая проблема, экономическое неравенство, изменение существующих ныне и уже доказавших свою несостоятельность социально-экономических моделей и др.), обуславливают всевозрастающую актуальность данного научного феномена. Рассматривать устойчивое развитие как оформленную научную концепцию представляется затруднительным, поскольку поиск мировым сообществом элементов этой концепции и выработка ее понятийного аппарата на основе уже имеющихся общепризнанных идей, целей и политических решений продолжается и в настоящее время (Логунцев Е.Н., 2000). Очевидно, что «устойчивое развитие» принадлежит к категории понятий, в довольно обобщенном виде отражающих ряд принципов или даже идеальную модель, которую затруднительно представить с использованием точных количественных расчетов. Тем не менее, это не лишает данную концепцию ее научного или практического смысла, а напротив, только расширяет как возможности ее интерпретации, так и перспективы междисциплинарного сотрудничества представителей научного сообщества. Начиная с периода 1970-х годов и до настоящего времени представители различных исследовательских школ демонстрируют отличающиеся друг от друга, подчас диаметрально противоположные подходы к изучению устойчивого развития, среди которых будут подробно рассмотрены *эколого-системный (биосфероцентрический), антропоцентрический, триединый, кластерный и корпоративный (устойчивое развитие компании)*. Целями настоящей статьи являются дополнение и углубление существующих исследований, разъяснение терминологии и концептуальных основ устойчивого развития как научного феномена, а также выявление актуальных его интерпретаций, наиболее отвечающих запросам глобальной повестки.

Ключевые научные подходы к интерпретации устойчивого развития

С самого начала подходы к устойчивому развитию были основаны на так называемом принципе «конкурирующих целей» (competing objectives), при котором достижение устойчивости предполагалось исключительно для одного из данных направлений — сохранение окружающей среды и природных ресурсов, экономический рост или удовлетворение потребностей человека. По сути, устойчивое развитие, с позиции некоторых исследовательских подходов, представляло собой не что иное, как «игру с нулевой суммой», однако с течением времени эти изначально взаимоисключающие парадигмы претерпевали существенные изменения, подстраивались под актуальную повестку дня, синтезировались и приобретали новое значение под влиянием друг друга.

Эколого-системный подход к устойчивому развитию. Как уже отмечалось ранее, *эколого-системный подход* сформировался и был наиболее распространен на начальном этапе эволюции концепции устойчивого развития. Этот подход является *экоцентрическим* (биосфероцентрическим), поскольку в его рамках природоохранная проблематика и вопросы экологии признаются основополагающими элементами. Устойчивое развитие в данном случае рассматривается как синоним устойчивости окружающей среды (*environmental sustainability*), при этом экономическая и социальная сферы резко противопоставляются этой устойчивости и воспринимаются как угроза для нее. Рассматривая более детально позиции ярких представителей эколого-системного подхода к устойчивому развитию в зарубежной и отечественной науке, видно следующее.

В.И. Данилов-Данильян определил устойчивое развитие как «развитие, при котором воздействия на окружающую среду остаются в пределах хозяйственной емкости биосферы, так что не разрушается природная основа для воспроизводства жизни человека» (Данилов-Данильян В.И., 2000). В коллективной монографии «Стратегия и проблемы устойчивого развития России в XXI веке» *А.Г. Гранберг* дает следующее определение термина: устойчивое развитие — это «стабильное сбалансированное социально-экономическое развитие, не разрушающее окружающую природную среду и обеспечивающее непрерывный прогресс общества», выделяя четыре его направления: «сохранение естественных экосистем», «стабилизацию численности населения», «экологизацию производства» и «рационализацию модели потребления» (Гранберг А.Г., Данилов-Данильян В.И., 2002).

Одним из наиболее прогрессивных направлений эколого-системного подхода служит *ноосферный подход* (*Э. Леруа, П. Тейяр де Шарден, В.И. Вернадский, А.Д. Урсул*), предполагающий гармоничное сосуществование природы и человека, которое будет возможно благодаря применению знаний и развитию духовных ценностей последнего. Выступая на деловом саммите АТЭС «Бизнес и глобализация» 15 ноября 2000 года в Брунее, российский президент В.В. Путин заметил: «Наш соотечественник Владимир Вернадский еще в начале XX века создал учение об объединяющем человечество пространстве — ноосфере. В нем сочетаются интересы стран и народов, природа и общество, научное знание и государственная политика. Именно на фундаменте этого учения фактически строится сегодня концепция устойчивого развития».

Упор на экологическую составляющую и ресурсные возможности планеты был сделан в докладе «Пределы роста», соавтором которого стал Деннис Медоуз. В 1970-е годы американский ученый подчеркивал, что максимальный популяционный и экономический рост способен привести человечество к катастрофическим последствиям — необратимым климатическим изменениям и спровоцированным ими природным катастрофам, деградации сельскохозяйственных угодий, дефициту продовольствия и пресной воды. Американский ученый-эколог, заслуженный профессор Института экологии Университета Джорджии Фрэнк Б. Голлей (1930—2006) считал, что экономическая и социальная системы являются подсистемами окружающей среды, а устойчивость этих двух сфер зависит от общего состояния экологической системы. Таким образом, главный актив, который необходимо поддерживать в состоянии устойчивости, по мнению Ф.Б. Голлея,

это способность экосистем стойко реагировать на внешние потрясения и изменения.

Концепции «слабой» и «сильной» устойчивости. Г. Дейли и Р. Костанза в труде «Природный капитал и устойчивое развитие» определяют сущность концепции как «развитие без роста», т.е. «социально устойчивое развитие, при котором валовый экономический рост не должен выходить за пределы несущей способности систем жизнеобеспечения» (Costanza R., Daly H.E., 1992). Еще в 1987 г. ученые высказывают идею о том, что современная классическая и неоклассическая экономические теории недооценивают такие составляющие развития, как природные ресурсы, и игнорируют вклад немонетарных ценностей в развитие. Г. Дейли и Р. Костанза формулируют положения *экологической экономики*, которая представляла собой так называемую *концепцию сильной устойчивости* (strong sustainability). В рамках новой парадигмы в том же году большой коллектив авторов (Costanza R., d'Arge R., de Groot R., Farber St., 1987) разработал понятие природного капитала в сопоставлении его с банковским, промышленным и информационным капиталами, а также ввел термины «экосистемные услуги». Именно Г. Дейли и Р. Костанза осуществили первую попытку выразить экосистемные услуги биосферы в монетарном измерении. Экологические экономисты настаивали на том, что экономический учет и стоимостная оценка экосистемных товаров и услуг является непременным условием достижения устойчивого развития. Также сторонники «сильной» версии устойчивости призывали к строгому сохранению (неуменьшению) природного капитала (сырьевых ресурсов и экологических услуг) и подчинению экономической активности строгим ограничениям в интересах обеспечения экологической устойчивости: ограничению потребления, минимизации замены природного капитала искусственным, жесткому ограничению или исключению экономического роста в целях сохранения ресурсов. Таким образом, в рамках экоцентристского подхода развитие общества и экономическое развитие рассматривается как часть эволюции природы, что требует подчинения человека законам природы.

Сильную и слабую модели устойчивого развития описывали в своих исследованиях Г. Аткинсон, Д. Пирс, К. Уильямс, Э. Миллингтон, Р. Тёрнер. В своей статье «Различные и конкурирующие значения устойчивого развития» (2004) Колин Уильямс и Эндрю Миллингтон выделяют следующие признаки *слабой устойчивости*: «господство антропоцентрического взгляда на развитие, ориентация на рост как ключевой фактор экономического развития, восприятие природы как запаса ресурсов, которые могут быть заменены и компенсированы технологиями» (Williams C.C., Millington A.C., 2004). Таким образом, *антропоцентрический* подход, или *концепция слабой устойчивости* (weak sustainability) предполагает экономический рост, прежде всего, за счет развития научно-технического прогресса, который ослабляет влияние фактора ограниченности природных ресурсов в результате возникающей возможности их замены. Концепция слабой устойчивости строится по правилам, которые устанавливает человек, и базируется на требованиях, которые тот предъявляет к качеству окружающей среды обитания в целях удовлетворения собственных потребностей, при этом данный подход не отрица-

ет необходимости согласованного развития экономики и экологии, рационального использования и воспроизводства природных ресурсов, сохранения биоразнообразия и обеспечения экологической безопасности. Однако сторонники антропоцентрической модели развития воспринимают природу как объект, отличающийся способностью к адаптации к деятельности человека.

Упомянутые концепции «слабой» и «сильной» устойчивости описывают крайние, полярно противоположные теории, однако следует понимать, что существуют иные подходы к классификации моделей устойчивого развития. Например, некоторые исследователи выделяют биосферную, ресурсную, эколого-экономическую, технологическую парадигмы, объединяя их в рамках одного единого антропоцентристского направления.

Триединая концепция устойчивого развития. Триединая концепция зародилась в процессе работы «Римского клуба», когда ее создатели обратили внимание на взаимозависимость трех ключевых аспектов развития — экологического, экономического и социального. Одним из основоположников этого самого популярного на данный момент научного подхода к устойчивому развитию можно считать профессора экономики Эдварда Барбье, в работах которого впервые в 1987 году были опубликованы результаты исследования применительно к концепции устойчивого экономического развития, где ученый сделал вывод о том, что цели охраны окружающей среды и экономическое развитие не только не противоречат друг другу, а напротив, могут способствовать взаимному усилению (Barbier E., 1987). Триединый подход неоднократно подвергался критике ввиду его комплексного, системного характера: в рамках такого понимания устойчивого развития экологические, социальные и экономические проблемы рассматриваются как единое целое. При этом предпринимается амбициозная попытка свести воедино показатели развития в трех сферах, выявив тем самым сложную систему взаимосвязей и закономерностей.

Подобное понимание устойчивого развития подразумевает оптимальное сочетание интересов общества и бизнеса, а также сохранение и поддержание благополучного состояния окружающей среды. Вследствие этого сторонники данного направления настаивают на том, чтобы под устойчивым развитием подразумевали три ключевых и неразрывно связанных компонента: экономическую эффективность, социальное равновесие и защиту окружающей среды. Таким образом, целями устойчивого развития являются достижение высокого уровня жизни населения, процветающая экономика и сохраняемая природа.

Экологическая устойчивость предполагает сохранение целостности природных систем и поддержание жизнеспособности биосферы. Социальная составляющая устойчивого развития нацелена на поддержание в стабильном состоянии социальных и культурных систем, что включает в себя справедливое распределение благ, сохранение социальной стабильности, предотвращение конфликтов, сохранение культурного наследия и плюрализма, популяризация культур социальных меньшинств. Экономическая составляющая устойчивого развития предусматривает идею, в соответствии с которой будет достигнуто оптимальное и максимально рациональное использование ограниченных экономических ресурсов,

реализуя тем самым на практике модель сбалансированной экономики (Мячин Ю.В., 2005). Проблема возможностей достижения непрерывного экономического роста выходит на передний план в рамках триединой теории, благодаря чему тезис ряда исследователей о том, что «в самой концепции устойчивого развития нет ни слова о необходимости сокращения масштабов материального производства и потребления» (Акимова Т.А., 2009), становится все более убедительным. Такая модель предполагает также внедрение и активное применение экологически чистых, энерго- и материалосберегающих технологий, минимизацию выбросов и эффективную переработку производственных отходов. Американский экономист, директор Института Земли Колумбийского университета Джеффри Дэвид Сакс в своем труде «Век устойчивого развития» (Jeffrey D. Sachs., 2015) определяет концепцию, прежде всего, как «социально инклюзивное и экологически устойчивое экономическое развитие. При этом ученый подчеркивает, что характеристики роста ведущих экономик мира совершенно не соответствуют критериям устойчивого развития. Кроме того, Д.Д. Сакс выделяет четвертый неотъемлемый элемент — управленческий, указывая тем самым на то, что качественные характеристики политических институтов и принимаемых властными структурами решений могут иметь определяющее значение в реализации заявленных целей устойчивого развития.

В трактовках концепции, предлагаемых Всемирным банком, также прослеживается приверженность триединому пониманию концепции. Согласно определению организации, оно выражается в «процессе управления совокупностью (портфелем) активов, направленном на сохранение и расширение возможностей, имеющихся у людей»¹. Под «портфелем активов» Всемирный банк подразумевает совокупность физического, природного и человеческого капиталов, которой необходимо рационально управлять для гармонизации интересов и достижения устойчивости во всех трех составляющих — экономической, экологической и социальной (Бегун Т.В., 2012).

Концепция корпоративной устойчивости. Американский экономист и предприниматель Джон Элкингтон предложил иной подход к пониманию концепции устойчивого развития — а именно, рассматривать ее сквозь призму *устойчивого развития компании*, под которым автор понимает «беспроигрышную корпоративную стратегию, ведущую к устойчивому развитию» (Elkington J. Towards, 1994). Сторонники этого направления уделяют пристальное внимание устойчивому развитию с позиции корпорации, анализируя и взвешивая риски и выгоды, предлагаемые бизнесу. Данный подход получил дальнейшее развитие в работах ученых Р. Штойрера, Т. Диллика, К. Хокерта (Dyllick T., Hockerts K., 2002). Синтезируя интерпретации понятия *корпоративной устойчивости*, предложенные этими исследователями, можно определить его, с одной стороны, как «баланс экономической, экологической и социальной ответственности, и с другой стороны, как «индикатор доверия всех заинтересованных сторон компании» (Белоусов К.Ю., 2012). Принципиальным отличием этого направления является то, что концепция

¹ Показатели устойчивости развития. [Электронный ресурс]. URL: http://www.worldbank.org/depweb/beyond/wgru/wnr_17.pdf (дата обращения: 13.03.2017).

устойчивого развития, традиционно рассматриваемая на макроэкономическом уровне, в данном случае переносится на уровень микроэкономический. Таким образом, становится очевидно, что термины «устойчивое развитие» и «корпоративная устойчивость», а также их англоязычные аналоги (sustainable development и corporate sustainability) неправомерно рассматривать в одном синонимичном ряду или отождествлять с научной точки зрения. Как бы то ни было, подход, предложенный Дж. Элкингтоном, закрепил целесообразность триединого подхода к устойчивому развитию вне зависимости от того, на каком уровне оно рассматривается — глобальном или локальном (в данном случае корпоративном). Именно он вывел «концепцию тройного критерия» (triple bottom line — TBL, 3BL), которая рассматривала упомянутые три измерения устойчивого развития (экологическое, экономическое, социальное) применительно к деятельности компании, выделив при этом три основополагающих элемента корпоративной устойчивости — так называемые «3 Пи» (3P — People, Planet, Profit) — «люди — планета — прибыль». В целом, модель TBL раскрывает предложенную ученым «стратегию тройной выгоды» (triple-win strategy) (Elkington J. 2004. 1], в рамках которой прибыль получают бизнес, клиенты устойчивой компании и все остальные члены общества. В настоящее время, однако, концепция тройного критерия уже получила расширенное толкование, преобразовавшись в концепцию четырехмерного критерия, в которой, как уже отмечалось ранее, рассматривается также четвертое измерение — управленческое.

Кластерный подход к устойчивому развитию. Сторонники следующей теории — кластерной (М. Портер, М. Креймер, А. Кэрролл и др.) — придерживаются позиции, что реализовать на практике устойчивое развитие возможно посредством создания так называемых «кластеров» — «географически концентрированных групп взаимосвязанных компаний и связанных с их деятельностью организаций» (университетов, учреждений по сертификации и стандартизации, торговых объединений) (Портер М., 1993). В основе кластерного подхода лежит концепция корпоративного гражданства, а его принципы находят отражение в теории создания общих ценностей. Основная цель кластера — это, в первую очередь, «повышение конкурентоспособности входящих в него предприятий», распространение выгоды на всех стейкхолдеров, что служит условием поддержания устойчивого развития кластера. В сущности, данный подход воспринимается в научном сообществе как «инструмент формирования устойчивого развития на региональном уровне» (Древинг С.Р., 2009), который, с одной стороны, обеспечивает повышение конкурентоспособности всех компаний, входящих в кластер, с другой стороны, способствует «повышению уровня жизни местного сообщества» (Белосусов К.Ю., 2015). Таким образом, кластерный подход анализирует проблему устойчивого развития на микро- и мезо-уровне и в значительной степени развивает принципы концепции корпоративной устойчивости. Ряд российских ученых (Тегиор А.Н., Капицын В.М., Тимофеева О.И., Барсуков И.Е., Шевчук Л.Т. и др.) также сходятся во мнении, согласно которому «устойчивая жизнь людей на Земле невозможна без устойчивости местных сообществ»¹, полагая, что необходимым

¹ Хартия «Города Европы по пути к устойчивому развитию». URL: http://sustainable-cities.eu/upload/pdf_files/ac_russian.pdf (дата обращения: 25.02.2012).

условием устойчивого развития всего мира выступает устойчивое развитие стран, отдельных регионов, городов и предприятий.

Заключение

Подводя итог, отметим, что концепция устойчивого развития не только претерпела длительную эволюцию за последние десятилетия, но и продолжает видоизменяться в соответствии с новыми вызовами, появляющимися в рамках глобальной повестки дня. При этом одни подходы устаревают и видоизменяются под воздействием более прогрессивных и комплексных направлений (триединый подход, метод «кругов устойчивости»), ряд из которых ставит целью разъяснить общие закономерности на примере частного (концепция корпоративной устойчивости и кластерный подход). Однако несмотря на дискуссионность и непроработанность теоретических подходов и методического инструментария реализации устойчивого развития, очевидно, что воплотить его цели в полном объеме возможно только на глобальном уровне, поскольку «нарушение требований устойчивого развития в каком-то одном месте вполне способно вызвать глобальные последствия» (Угольницкий Г.А., 2010). В этой связи неперенным условием достижения целей устойчивого развития выступает координация усилий и принятие общих, обязательных к исполнению решений в этой области на надгосударственном уровне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акимова Т.А. Экономика устойчивого развития: учеб. пособие // Т.А. Акимова, Ю.Н. Мосейкин. М.: Изд-во «Экономика», 2009. 430 с.
- Бегун Т.В. Устойчивое развитие: определение, концепция и факторы в контексте моногородов // Экономика, управление, финансы: материалы II межд. науч. конф. (г. Пермь, декабрь 2012 г.). Пермь: Меркурий, 2012. С. 158—163. URL: <http://moluch.ru/conf/econ/archive/57/3117/>
- Белоусов К.Ю. Устойчивое развитие компании и корпоративная устойчивость: проблемы интерпретации // Проблемы современной экономики. 2012. № 4. С. 122. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/ustoychivoe-razvitie-kompanii-i-korporativnaya-ustoychivost-problemy-interpretatsii>
- Белоусов К.Ю. Корпоративная социальная ответственность как фактор устойчивого развития компании: дисс. ... канд. эконом. наук: 08.00.01 и 08.00.05. СПбГУ, 2015. С. 25.
- Гранберг А.Г., Данилов-Данильян В.И. Стратегия и проблемы устойчивого развития России в XXI веке. М.: Изд-во «Экономика», 2002. 414 с.
- Данилов-Данильян В.И. Экологический вызов и устойчивое развитие / В.И. Данилов-Данильян, К.С. Лосев. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 416 с. С. 416.
- Древинг С.Р. Кластерная концепция устойчивого развития экономики / С.-Петерб. гос. ун-т. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009. 161 с.
- Логунцев Е.Н. Концепция устойчивого развития с позиций междисциплинарного подхода // Городское управление. 2000. № 11. С. 24—32.
- Мячин Ю.В. Устойчивое развитие: теория и практика / Ю.В. Мячин, В.П. Попков // Вестник ИНЖЭКОНА. Серия «Экономика». 2005. Вып. 4. С. 240.

- Наше общее будущее. Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР) / пер. с англ.; под ред. С.А. Евтеева и Р.А. Перелета. М.: Прогресс, 1989. 372 с.
- Портер М. Международная конкуренция: конкурентные преимущества стран / М. Портер.; пер. с англ.; под ред. и с предисл. В.Д. Щетинина. М.: Международные отношения, 1993. 896 с.
- Угольницкий Г.А. Иерархическое управление устойчивым развитием. М.: Изд-во физико-математической литературы, 2010. 336 с.
- Урсул А.Д. Концептуальные проблемы устойчивого развития // Бюллетень РАН. Использование и охрана природных ресурсов в России. 2005. № 1. С. 30—38.
- Хартия «Города Европы по пути к устойчивому развитию». URL: http://sustainable-cities.eu/upload/pdf_files/ac_russian.pdf (дата обращения: 25.02.2012).
- Barbier E. The Concept of Sustainable Economic Development // *Environmental Conservation*. July 1987. Vol. 14. Issue 2. Pp. 101—110.
- Costanza R., d'Arge R., de Groot R., Farber St. The Value of the World's Ecosystem Services and Natural Capital // *Nature*. 1987. Vol. 387. Pp. 253—260.
- Costanza R., Daly H.E. Natural Capital and Sustainable Development // *Conservation Biology*. Mar., 1992. Vol. 6. No. 1. Pp. 37—46 [Electronic resource]. Mode of access [http://www.life.illinois.edu/ib/451/Costanza%20\(1992\).pdf](http://www.life.illinois.edu/ib/451/Costanza%20(1992).pdf)
- Dyllick T., Hockerts K. Beyond the Business Case for Corporate Sustainability // *Business Strategy and the Environment*. 2002. № 11. Pp. 130—141. Mode of access <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/bse.323/abstract>
- Elkington J. The Triple Bottom Line: Does it All Add Up? Assessing the Sustainability of Business and CSR // Edited by Adrian Henriques and Julie Richardson. Earthscan Publications. London, 2004. Pp. 1—16.
- Elkington J. Towards the Sustainable Corporation: Win-Win-Win Business Strategies for Sustainable Development // *California Management Review* 36(2). 1994. P. 90.
- Jeffrey D. Sachs. The Age of Sustainable Development / Columbia University Press. 2015. 544 p.
- Williams C.C., Millington A.C. The Diverse and Contested Meaning of Sustainable Development / *The Geographical Journal*. 2004. Vol. 170. № 2. Pp. 99—104.

© Старикова Е.А., 2017

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 2 декабря 2016

Дата принятия к печати: 18 января 2017

Для цитирования:

Старикова Е.А. Современные подходы к трактовке концепции устойчивого развития // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика*. 2017. Т. 25. № 1. С. 7—17.

Сведения об авторе:

Старикова Евгения Андреевна, преподаватель кафедры экономической политики и государственно-частного партнерства МГИМО МИД России. Контактная информация: e-mail: evan3132@gmail.com

THE CONTEMPORARY APPROACHES TO INTERPRETATION OF THE SUSTAINABLE DEVELOPMENT CONCEPT

E.A. Starikova

Moscow State Institute of International Relations (University) of the MFA of Russia
Prospect Vernadskogo, 76, Moscow, Russia, 119454

Abstract. In this article, the author analyzes the current approaches to interpretation of such a modern scientific phenomenon as the sustainable development concept. Actually, the inception of new attitudes to it derives from the fact that there is no generally accepted meaning of the term. The author emphasizes that the concept interpretation depends much on the changing global context, so every scientific approach tackles the tasks of the particular historic period. The paper elaborates and deepens the current research, clarifies the definitions and conceptual framework of sustainable development, determines its topical interpretations that correspond to the global agenda. In conclusion, the article suggests that the triune concept of sustainable development tends to be the most progressive one as it, to a certain extent, systemizes and embraces other approaches. In this regard, the author underlines the necessity of taking action at a global scope in order to achieve implementation of the goals and principles of the sustainable development concept.

Key words: sustainable development concept, ecological system approach, strong sustainability, weak sustainability, triune concept of sustainable development, corporate sustainability, triple bottom line (TBL, 3BL), triple-win strategy, cluster approach

REFERENCES

- Akimova T.A. *Ekonomika ustoichivogo razvitiya: ucheb. posobie* // T.A. Akimova, Yu.N. Moseikin. M.: Izd-vo «Ekonomika», 2009. 430 s. (In Russ).
- Begun T.V. *Ustoichivoe razvitie: opredelenie, kontseptsiya i faktory v kontekste monogorodov* // *Ekonomika, upravlenie, finansy: materialy II mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (g. Perm', dekabr' 2012 g.)*. Perm': Merkurii, 2012. S. 158—163. URL: <http://moluch.ru/conf/econ/archive/57/3117/> (In Russ).
- Belousov K.Yu. *Ustoichivoe razvitie kompanii i korporativnaya ustoichivost': problemy interpretatsii* // *Problemy sovremennoi ekonomiki*. 2012. № 4. S. 122. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/ustoychivoe-razvitie-kompanii-i-korporativnaya-ustoychivost-problemy-interpretatsii> (In Russ).
- Belousov K.Yu. *Korporativnaya sotsial'naya otvetstvennost' kak faktor ustoichivogo razvitiya kompanii: diss. ... kand. ekonom. nauk: 08.00.01 i 08.00.05*. SPbGU, 2015. S. 25 (In Russ).
- Granberg A.G., Danilov-Danil'yan V.I. *Strategiya i problemy ustoichivogo razvitiya Rossii v XXI veke*. M.: Izd-vo «Ekonomika», 2002. 414 s. (In Russ).
- Danilov-Danil'yan V.I. *Ekologicheskii vyzov i ustoichivoe razvitie* / V.I. Danilov-Danil'yan, K.S. Losev. M.: Progress-Traditsiya, 2000. 416 s. S. 416 (In Russ).
- Dreving S.R. *Klasternaya kontseptsiya ustoichivogo razvitiya ekonomiki* / S.-Peterb. gos. un-t. SPb.: Izd-vo SPbGU, 2009. 161 s. (In Russ).
- Loguntsev E.N. *Kontseptsiya ustoichivogo razvitiya s pozitsii mezhdistsiplinarnogo podkhoda* // *Gorodskoe upravlenie*. 2000. № 11. S. 24—32 (In Russ).
- Myachin Yu.V. *Ustoichivoe razvitie: teoriya i praktika* / Yu.V. Myachin, V.P. Popkov // *Vestnik INZHEKONA. Seriya «Ekonomika»*. 2005. Vyp. 4. S. 240 (In Russ).
- Nashe obshchee budushchee. *Doklad Mezhdunarodnoi komissii po okruzhayushchei srede i razvitiyu (MKOSR) / per. s angl.; pod red. S.A. Evteeva i R.A. Pereleta*. M.: Progress, 1989. 372 s. (In Russ).

- Porter M. *Mezhdunarodnaya konkurentsia: konkurentnye preimushchestva stran* / M. Porter; per. s angl.; pod red. i s predisl. V.D. Shchetinina. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1993. 896 s. (In Russ).
- Ugol'nitskii G.A. *Ierarkhicheskoe upravlenie ustoichivym razvitiem*. M.: Izd-vo fiziko-matematicheskoi literatury, 2010. 336 s. (In Russ).
- Ursul A.D. *Kontseptual'nye problemy ustoichivogo razvitiya* // *Byulleten' RAN. Ispol'zovanie i okhrana prirodnykh resursov v Rossii*. 2005. № 1. S. 30–38. (In Russ).
- Khartiya «Goroda Evropy po puti k ustoichivomu razvitiyu». URL: http://sustainable-cities.eu/upload/pdf_files/ac_russian.pdf (data obrashcheniya: 25.02.2012). (In Russ).
- Barbier E.* The Concept of Sustainable Economic Development // *Environmental Conservation*. July 1987. Vol. 14. Issue 2. Pp. 101–110.
- Costanza R., d'Arge R., de Groot R., Farber St.* The Value of the World's Ecosystem Services and Natural Capital // *Nature*. 1987. Vol. 387. Pp. 253–260.
- Costanza R., Daly H.E.* Natural Capital and Sustainable Development // *Conservation Biology*. Mar., 1992. Vol. 6. No. 1. Pp. 37–46 [Electronic resource]. Mode of access [http://www.life.illinois.edu/ib/451/Costanza%20\(1992\).pdf](http://www.life.illinois.edu/ib/451/Costanza%20(1992).pdf)
- Dyllick T., Hockerts K.* Beyond the Business Case for Corporate Sustainability // *Business Strategy and the Environment*. 2002. № 11. Pp. 130–141. Mode of access <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/bse.323/abstract>
- Elkington J.* *The Triple Bottom Line: Does it All Add Up? Assessing the Sustainability of Business and CSR* // Edited by Adrian Henriques and Julie Richardson. Earthscan Publications. London, 2004. Pp. 1–16.
- Elkington J.* Towards the Sustainable Corporation: Win-Win-Win Business Strategies for Sustainable Development // *California Management Review* 36(2). 1994. P. 90.
- Jeffrey D. Sachs.* *The Age of Sustainable Development* / Columbia University Press. 2015. 544 p.
- Williams C.C., Millington A.C.* The Diverse and Contested Meaning of Sustainable Development / *The Geographical Journal*. 2004. Vol. 170. № 2. Pp. 99–104.

Article history:

Received: 2 December 2016

Revised: 10 January 2017

Accepted: 18 January 2017

For citation:

Starikova E.A. (2017) The Contemporary Approaches to Interpretation of the Sustainable Development Concept. *RUDN Journal of Economics*, 25 (1), 7–17.

Bio Note:

Starikova Evgeniya Andreevna, assistant lecturer, Economic Policy and PPP Department, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University). *Contact information*: e-mail: evan3132@gmail.com

DOI 10.22363/2313-2329-2017-25-1-18-27

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ ДИФФЕРЕНЦИРОВАННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

О.Л. Рыбаковский, А.А. Тер-Акопов

Институт социально-экономических проблем народонаселения
Российской академии наук (ИСЭПН РАН)
Нахимовский пр-т 32, Москва, Россия, 117218

Некоторые теоретические и практические аспекты интеграционных отношений в региональных группировках почти не изучены и требуют дальнейшего анализа. Экономисты и практики подчеркивают, что единой теории интеграции, охватывающей различные стороны этого процесса, пока не разработано. Анализ научной отечественной и зарубежной литературы показывает, что на сегодняшний день нет четкого определения понятия «дифференцированная экономическая интеграция», которая представляет собой систему альтернативных теорий международной экономической интеграции.

В настоящем исследовании акценты расставлены таким образом, что, во-первых, особое внимание уделяется именно экономической интеграции, а не политической. Изначально дифференцированная интеграция позиционировалась как многоуровневое управление в области принятия решений, что позволяет говорить о политической природе данного понятия. В данной работе предпринимается попытка исследования дифференцированной интеграции через призму экономических категорий; во-вторых, в соответствии с предметом исследования, особый интерес вызывают не классические теории и подходы к экономической интеграции, а система альтернативных теорий экономической интеграции.

Ключевые слова: дифференцированная экономическая интеграция, Европейский союз, геоэкономика, Евразийский экономический союз, регионализация, мировая экономика

Введение

Доминирующей тенденцией международных экономических отношений в современном мире является интеграция. Сегодня для мирового сообщества свойственно экономическое взаимодействие стран на региональном уровне, формирование крупных интеграционных объединений, цель организации которых заключается в создании самостоятельных центров мировой экономики (Щенин Р.К., 1998, с. 4).

По словам Христенко В.Б., несмотря на то, что на протяжении длительного времени наблюдается углубление глобализационных процессов, сегодня можно говорить о кризисе глобализации, в частности институтов глобализации. Регионализация приобретает качественно новый уровень, ее развитие имеет более выраженную, активную форму, которая представлена в виде сосуществования глобализации и регионализации (Христенко В.Б., 2015).

В связи с активным углублением процессов международного движения товаров, услуг, капитала, миграции населения, инновационно-инвестиционного со-

трудничества, основными направлениями развития современного мирового хозяйства во второй половине XX столетия стали международные экономические интеграционные процессы. В результате между акторами мирового хозяйства начался процесс формирования устойчивых и стабильных торгово-экономических связей, начали стираться барьеры и преграды на пути движения основных факторов производства, что, в конечном счете, привело к образованию особых зон влияния, «полюсов силы» отдельных групп стран.

Отечественный научный анализ интеграционных процессов продолжительное время строился на основе западноевропейской модели интеграции, так как наибольших успехов международная экономическая интеграция (МЭИ) достигла в Европе, в связи этим основные теоретические аспекты и практические модели региональной интеграции во второй половине XX века разрабатывались и иллюстрировались на примере функционирования Европейского Союза. Увлеченность вопросами евроинтеграции не позволило отечественному научному сообществу в свое время, сформулировать унифицированную теорию интеграции, предложить ряд рекомендаций по строительству интеграционного блока на постсоветском пространстве.

Стоит отметить, что с позиции модели гибкой, дифференцированной интеграции, нельзя беспечно использовать опыт ЕС, так как он развивался и продолжает развиваться по принципу «расширение, в ущерб углублению» — это главная системная ошибка, которая в свою очередь приводит к эффекту недоинтеграции, который по словам Христенко В.Б., председателя Коллегии ЕЭК (2012–2016), «является «раковой клеткой», «бичом» современных интеграционных процессов» (Христенко В.Б., 2015).

Сегодня важную роль в системе мирового хозяйства приобретают механизмы формирования дифференцированной экономической интеграции (ДЭИ) или равноуровневой экономической интеграции (РЭИ). С целью выяснить содержание ДЭИ видится целесообразным провести краткий анализ альтернативных теорий интеграции, которые сегодня получили широкое распространение. Всестороннее развитие общества привело к трансформации экономических процессов, стали появляться новые формы и типы МЭИ, базирующиеся на системе дифференцированных принципов.

Обзор литературы

Важно отметить, что вопросы интеграционного строительства и интеграции вообще, с самого первого упоминания процесса интеграции привлекли внимание огромного множества как зарубежных, так и отечественных ученых.

Зарубежные исследователи оказались первыми, кто начал говорить о процессах интеграции. Основы понимания интеграции как явления и процесса раскрыты в трудах зарубежных социологов М. Вебера о принципах организации общественной деятельности, Э. Дюркгейма об общественном разделении труда и Т. Парсонса о принципах и особенностях развития общества. Стоит также отметить научные работы К. Дойча, Д. Митрани, А. Спинелли, Э. Хааса, в которых заложены теоретические основы понимания современных интеграционных процессов. К числу фундаментальных работ, раскрывающих сущность интеграции

стоит отнести научные монографии: Ч. Петланда «Международная теория и европейская интеграция», в которой он одним из первых сформулировал теоретические модели интеграционных процессов в разных регионах мира; коллективную монографию Оксфордского университета под редакцией А. Винера и Т. Диеса «Теория европейской интеграции», в которой исследователи систематизировали основные признаки интеграции, синтезировав экономический, историко-политический и культурно-психологический аспекты анализа региональных моделей.

Отечественная школа интеграционных исследований также представлена множеством работ. Большое внимание вопросам сущности и развитию интеграционных процессов уделено в исследованиях Н.К. Арбатовой, В.Г. Барановского, О.В. Буториной, В.В. Журкина, В.Б. Княжинского, Н.П. Малетина, В.М. Матюшка, В.В. Михеева, Е.М. Примакова, Г.И. Чуфрина, Ю.В. Шишкова, Н.П. Шмелева и др. Сравнительные исследования интеграционных процессов представлены в работах Е.Ю. Лицаревой, М.В. Стрежневой, Ю.В. Шишкова. Отдельно стоит отметить исследования отечественных ученых Н.П. Гусакова, И.В. Ивахнюк, А.А. Мигранян, С.В. Рязанцева, М.Ф. Ткаченко в области разноуровневой экономической интеграции на постсоветском пространстве.

Методы и подходы

Методология исследования основана на принципах системного анализа, формальной логики и междисциплинарного научного подхода к исследуемой проблеме. При проведении исследования использовались общенаучный, эмпирико-теоретический (сбор, изучение и сравнение данных), исторический, сравнительный, системный методы исследования, метод синтеза теоретического и практического материала, а также метод экспертных оценок. Был использован статистический, факторный, нормативный и контент-анализ. При обработке и систематизации данных применялись методы группировок и классификации. Теоретическую основу исследования составили работы отечественных и зарубежных экономистов, социологов и политологов; материалы научных конференций, форумов, семинаров, а также научные публикации в периодических изданиях и материалы, размещенные в сети Интернет.

Результаты

В рамках существующих научных школ были выработаны альтернативные концепции МЭИ. Они классифицируются в зависимости от целей и временного фактора прохождения этапов интеграции. Содержательным аспектом в данном случае выступает тот факт, что акторы интеграции, стремящиеся к единой цели, располагая при этом разными стартовыми условиями и возможностями, могут затратить разное количество времени для ее достижения. То есть, речь идет о разноскоростной интеграции. Примерами разноскоростной интеграции могут служить Маастрихтские соглашения (1992) о критериях конвергенции в отношении создания общего внутреннего рынка ЕС и Европейского валютного союза. На постсоветском пространстве процессы разноскоростной интеграции проявляются в развитии Евразийского экономического союза.

В условиях расширения ЕС было разработано несколько моделей развития европейской интеграции по пути ее углубления, среди которых выделяются модели «концентрических кругов» Ж. Делора, «ступенчатой интеграции», «гибкой геометрии или селективной интеграции» (Rosamond B., 2000). Первые две концепции основываются на создании в Европейском союзе «ядра» из экономически развитых акторов, вокруг которого формируются «круги» из акторов с меньшей глубиной интеграции. Модель «гибкой геометрии» или «селективной интеграции» строится по принципу выборочного участия, т.е. предоставляет возможность полноправным акторам интеграционного объединения, потенциальным акторам или третьим странам принимать участие в отдельных интеграционных мероприятиях. Примером такой интеграции может служить сотрудничество стран ЦВЕ с Европейским инвестиционным банком.

К системе дифференцированной экономической интеграции можно также отнести «частичное участие» акторов мировой экономики в тех или иных интеграционных мероприятиях. «Частичное участие» проявляется в присоединении того или иного государства к определенным сферам международных отношений, например внешняя политика, обеспечение безопасности, финансовое сотрудничество, либо участие в одном из этапов или форм интеграции, например, присоединение к Договору о Зоне свободной торговли.

По завершении первого десятилетия после подписания 18 апреля 1951 года в Париже Договора об учреждении Европейского объединения угля и стали и 25 марта 1957 года в Риме договоров об образовании ЕЭС и Евроатома отчетливо проявилась неадекватность понимания государствами-членами концепции европейской интеграции. Как отмечает Шеленкова Н.Б.: «в Европейских сообществах назрел конфликт между необходимостью дальнейшего углубления сотрудничества и стремлением к сохранению известной гетерогенности национального регулирования» (Шеленкова Н.Б., 2003).

Впервые о дифференцированной интеграции было сказано в докладе Л. Тиндмана в декабре 1975 года, в «Общей Концепции Европейского союза», в котором говорилось об эффективности различной степени интеграции между отдельными странами-участницами. Идея дифференцированной интеграции получила развитие в Маастрихтском договоре от 07 февраля 1992 года в отношении социальной политики и Экономического и валютного союза. В Амстердамском договоре от 02 октября 1997 года модель дифференцированной интеграции получила новое содержание через категорию «более тесного сотрудничества». В Ниццком договоре от 26 февраля 2001 года допускается проведение «более тесного сотрудничества» в области общей внешней политики и политики безопасности (Бондарев С.А., 2008). В Лиссабонском договоре от 13 декабря 2007 года также содержится идея дифференцированной интеграции, которая проявляется через категории «твердого ядра» и «периферии». Речь идет о создании «авангарда» в сфере юстиции и внешней политики, о более тесной координации экономической политики. В Лиссабонском договоре прописаны механизмы создания «твердого ядра». Это означает отказ от базового принципа европейской интеграции — совместного движения к общим целям. Как отмечает Кавешников Н.Ю.: «для реализации этого принципа Евросоюз стал слишком велик и слишком разнороден;

то, что было возможно в формате 6 и даже 15 стран, стало практически невозможно в формате 27» (Кавешников Н.Ю., 2015), а сегодня в формате 28 стран.

Следует отметить, что предпосылкой появления теории дифференцированной интеграции стало развитие концепции многоуровневого управления. Ключевыми категориями данной концепции являются факт существования взаимно пересекающихся компетенций различных управленческих уровней и акцент на взаимодействии их акторов. Таким образом, речь идет об обширной сети взаимодействий, охватывающей все уровни одновременно. Другими словами, уровень властного управления необходимо определять в зависимости от масштабности решаемой проблемы (Hooghe L., Marks G., 2003).

Термин «многоуровневое управление» возник при исследовании интеграционного строительства ЕС, а именно — реформы структурных фондов 1988 года. Впоследствии было выделено два типа многоуровневого управления — федералистский и функциональный. Идеи дифференцированной интеграции представлены в рамках функционального типа многоуровневого управления. При функциональном типе многоуровневого управления территориальные границы утрачивают первостепенное значение при принятии решений и управлении. Особое значение приобретает переплетение друг с другом различных юрисдикций. В результате появляется множество автономных центров принятия решений. Наглядный пример такой организации — Европейский союз, в котором уже на протяжении длительного времени имеет место обширная дифференциация. Понятие дифференцированной интеграции, в первую очередь имеет политическую природу и в данном случае подразумевает появление в политике регионального объединения такого образования как «Шенгенская зона», а если рассматривать экономическую сторону дифференцированной интеграции, то можно выделить «зону евро», межправительственную организацию, экономический и таможенный союз — «Бенилюкс». В данные образования в полной мере вовлекаются не все государства-участницы ЕС, а также некоторые государства, не состоящие в ЕС. Таким образом, дифференцированная интеграция представлена политической, правовой и экономической категориями, последней из которых уделяется незначительное внимание и не всегда правильная трактовка.

Сущность модели «дифференцированной интеграции» заключается в том, что расширение Европейского союза в состоянии изменить принципиальные особенности интеграции и предполагает дифференциацию скорости интеграционных процессов по различным странам. Несмотря на использование различных терминов в отношении Европейской интеграции, которые относятся к одной и той же проблеме (дифференцированная европейская интеграция, многоскоростная Европа, концентрические круги, избирательная геометрия), политика «более тесного сотрудничества» означает, что не все страны-участницы реализуют интеграционный процесс с одинаковой скоростью.

В случае разногласий между странами-участницами интеграционного процесса, политику углубленного сотрудничества необходимо реализовывать в различных направлениях, учитывая интересы каждого актора интеграции, с целью не допустить нарушения системы принятия решений и избежать принципа «развитие одного за счет другого». По словам исследователя Бондарева С.А.: «углу-

бленное сотрудничество не должно приводить к дискриминации или ограничению торговли между странами-участницами, а также нарушать условия конкуренции между ними» (Бондарев С.А., 2008).

Также как и «ступенчатая», «дифференцированная» интеграция направлена на углубление интеграции, но при этом исключает необходимость подписания договоров и временные ограничения. Учитывается также создание «ядра» с разным составом акторов. Таким образом, рассмотренные альтернативные теории интеграции служат яркими примерами дифференцированной экономической интеграции. Можно прийти к выводу, что перечисленные модели интеграционного процесса являются: содержательной частью системы дифференцированной экономической интеграции; элементами, разновидностями одного и того же процесса. Другими словами, при использовании одной из представленных моделей, можно говорить о дифференцированной экономической интеграции.

Из проведенного обзора, следует вывод, что альтернативные модели интеграции, как правило, были разработаны применительно к Европейскому союзу, строились на принципах расширения и углубления европейской интеграции. ДЭИ была характерна для ЕС периода 90-х годов XX века, когда наблюдался процесс объединения стран-участниц союза в «группы по интересам», чья политика не соответствовала общему вектору развития ЕС. Стоит также отметить, что предложенная для развития ЕС теория дифференцированной интеграции имела в большей степени политическую природу, основа которой базировалась на многоуровневом управлении.

Однако постепенно ДЭИ получила широкое практическое применение и на постсоветском пространстве. С середины 1990-х в ряде стран СНГ стали говорить о разносторонней интеграции, поскольку не все страны были готовы к реализации соглашений, направленных на укрепление экономического сотрудничества, к одновременному выполнению одинаковых интеграционных требований. Это заставило страны постсоветского пространства развивать двусторонние контакты, вступать в многосторонние соглашения, а также формировать внутренние «группы по интересам»: Центральноазиатское экономическое сообщество, Организация экономического сотрудничества, ГУАМ, Таможенный союз, союз между Москвой и Минском и др. Подобный процесс интеграционного строительства, с одной стороны, привел к определенной фрагментации постсоветского пространства, с другой стороны, к созданию прочного, перспективного Евразийского экономического союза, который также не лишен дифференцированной, разноразмерной структуры.

В настоящем исследовании раскрывается экономическая сущность дифференцированной интеграции, вводится понятие дифференцированная экономическая интеграция и указывается, что ДЭИ обладает двумя свойствами. С одной стороны, ДЭИ можно рассматривать с позиции институционального, нормативного подхода, в случае, когда национальные экономики имеют право самостоятельно определять, в каких интеграционных мероприятиях им принимать участие и в каком объеме. Кроме того, можно выделить временной фактор присоединения и определить интеграцию как асинхронную, когда момент присоединения к тому или иному международному договору определяется индивидуально каждым го-

сударством. С другой стороны, в работе выделяется фундаментальный, определяющий, экономический подход, с позиции которого, дифференцированная экономическая интеграция — это процесс разноскоростного, в некоторых случаях ассиметричного экономического сотрудничества в области международной торговли товарами и услугами, передвижения капитала и рабочей силы, трансфера технологий, разделения труда, а также сотрудничества в сфере развития инновационно-инвестиционной инфраструктуры, внешней политики и безопасности. Говоря другими словами, это взаимодействие экономик стран-участниц интеграционных объединений на различных уровнях и в различных формах. Следовательно, систематизируя понятие «дифференцированная экономическая интеграция», приходим к выводу, что субстанциональную роль в определении ДЭИ играет экономический подход. Соответственно, ДЭИ — это взаимодействие, кооперация стран-участниц с различным уровнем экономического развития, различным уровнем развития производительных сил (ВВП на душу населения), доходов (ВНД на душу населения), интеграция стран, имеющих разный уровень конкурентоспособности и обладающих разной степенью включенности в интеграционный процесс. Суть ДЭИ в том, что формы и глубина экономического сотрудничества избираются в зависимости от степени взаимной готовности и заинтересованности стран-участниц. Кроме того, основной предпосылкой и обязательным условием формирования ДЭИ служит умеренная дивергенция в экономическом развитии стран-участниц. ДЭИ — это процесс, который есть следствие геополитической, в частности, геоэкономической интеграции. Стоит отметить, что основная цель ДЭИ должна заключаться в последующем развитии интеграции и углублении интеграционных процессов.

Выводы

Таким образом, ДЭИ с позиции сегодняшнего дня — реальная, адекватная форма интеграционных взаимодействий. Сегодня почти каждое интеграционное объединение основано на принципах дифференцированной экономической интеграции. Сложно говорить, является ли подобная интеграция «оптимальной» или все-таки оказывает деструктивное воздействие, однако как было установлено, ДЭИ направлена на углубление экономической интеграции и как показывает опыт интеграционного строительства на постсоветском пространстве, дифференцированная экономическая интеграция не приводит к расколу внутри интеграционного объединения. «Сильные акторы» интеграции вырабатывают инструменты, политику, средства, приемы, для того, чтобы за ними получали свое развитие все остальные акторы интеграции. В данном случае, важно, чтобы интеграция развивалась вглубь (интенсивная интеграция), а невширь (экстенсивная интеграция), т.е. проявлялась не столько в увеличении количества стран-участниц, сколько в углублении интеграционной взаимозависимости между странами и усилении наднациональных институтов. Кроме того, подобная интеграция не должна носить дискриминационный характер, основанный на принципе «развитие одного за счет другого», а, наоборот, во внимание должны быть приняты принципы группового взаимодействия, которые основываются на достижении

оптимального уровня развития всех стран-участниц интеграционного объединения. Другими словами, актору интеграции необходимо действовать не только в собственных интересах, но и в интересах группы, тоже самое касается процесса принятия решений. Подобная модель реализации интеграционной политики, позволит решить проблему «наличия общего и отсутствия единого». Стоит отметить, что существование различных теорий и концепций интеграции обусловлено многообразием современной мировой экономики. Это объективно связано со сложностью объекта исследования, требующего междисциплинарного подхода.

В заключение стоит отметить, что ДЭИ имеет как преимущества, так и недостатки для стран-участниц интеграционного объединения, при этом недостатков больше, иначе бы эта проблема не была такой актуальной. ДЭИ — это результат геополитической и геоэкономической интеграции, в связи с этим странам-участницам остается выработать совместную единую экономическую политику, которая бы оказала положительное воздействие не на отдельного актора, а на всю группу целиком. К преимуществам ДЭИ стоит отнести основную цель подобной интеграции — ее углубление и развитие. Кроме того, еще одно преимущество заключается в том, что «слабые акторы», не всегда могут быть услышаны, поняты в международном сообществе, поэтому они стремятся к партнерству с ближайшими соседями, что обеспечивает принцип комплементарности, усиление позиций и повышение уровня конкурентоспособности. К недостаткам ДЭИ следует отнести зачастую высокий уровень дивергенции в экономическом развитии, отсутствие общих экономических целей и векторов развития. Разумеется, чем выше уровень конвергенции в экономическом развитии акторов интеграции, тем более стабильной можно считать данную систему, поэтому ДЭИ можно трактовать как систему, стремящуюся к стабильности, уравновешенности и балансу интересов. Таким образом, неизбежность ДЭИ с рядом недостатков призывает к выработке определенной интеграционной политики. Единственным вектором дальнейшего развития интеграции в ЕАЭС видится развитие по модели ДЭИ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бондарев С.А.* Интеграционные процессы на постсоветском пространстве: дисс. ... канд. экон. наук. М., 2008. С. 35.
- Выступление Христенко В.Б. в рамках летней школы ЕЭК и РСМД «Евразийская экономическая интеграция: приоритеты, перспективы, инструменты» 13–18 июля 2015 г.
- Кавешников Н.Ю.* Лиссабонский договор: как меняется Европейский союз. «Перспективы». URL: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=44723> (дата обращения: 17.02.2017).
- Шеленкова Н.Б.* Дифференцированная интеграция: новая стратегия европейского строительства? // Журнал российского права. 2003. № 3. С. 128.
- Щенин Р.К.* Западно-европейская интеграция. М.: ГУУ, 1998. С. 4.
- Hooghe L., Marks G.* Unravelling the Central State, but How? Types of Multi-level Governance // *American Political Science Review*. May 2003. Vol. 97. No. 2. P. 232–243.
- Rosamond B.* Theories of European Integration. L., 2000. P. 58–72.

© Рыбаковский О.Л., Тер-Акопов А.А., 2017

Благодарности и финансировании:

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект 16-36-00411 мол_а.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 8 декабря 2016

Дата принятия к печати: 15 января 2017

Для цитирования:

Рыбаковский О.Л., Тер-Акопов А.А. Теоретические подходы к проблеме изучения дифференцированной экономической интеграции // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Экономика. 2017. Т. 25. № 1. С. 18—27.

Сведения об авторах:

Рыбаковский Олег Леонидович, доктор экономических наук, заведующий отделом демографии Института социально-экономических проблем народонаселения Российской академии наук (ИСЭПН РАН). *Контактная информация:* e-mail: 1246185@mail.ru

Тер-Акопов Александр Александрович, кандидат экономических наук, научный сотрудник лаборатории проблем воспроизводства населения Института социально-экономических проблем народонаселения Российской академии наук (ИСЭПН РАН). *Контактная информация:* e-mail: ata1233@mail.ru

THEORETICAL APPROACHES TO THE STUDY OF DIFFERENTIATED ECONOMIC INTEGRATION

O.L. Rybakovskiy, A.A. Ter-Akopov

The Institute of Social and Economic Studies of Population of the Russian Academy of Sciences
Nahimovskiy pr-t 32, Moscow, Russia, 117218

Abstract. Some theoretical and practical aspects of integration relations in regional groupings has not been studied and require further analysis. Economists and other practitioners stress that there has not been developed yet a unified theory of integration covering various aspects of this process. Analysis of domestic and foreign scientific literature shows that currently there is no clear definition of the «differentiated economic integration» concept, which is a system of alternative theories of international economic integration.

In this study the emphasis is placed: firstly special attention is paid to economic integration, not political. Initially, differentiated integration was positioned as multi-level governance in the field of decision-making that allows us to speak about the political nature of the concept. In this article, we attempt the study of differentiated integration through the prism of economic categories. Secondly, in accordance with the subject of study, special interest triggers not the classical theory and approaches of economic integration, but the system of alternative theories of economic integration.

Key words: differentiated economic integration, European Union, geoeconomics, Eurasian economic Union, regionalization, the world economy

REFERENCES

- Bondarev S.A. Integracionnyye processy na postsovetском prostranstve: diss. ... kand. jekonomich. nauk. M., 2008. P. 35. (In Russ).
- Khristenko V.B. Speech by Viktor Khristenko in the framework of the summer school of EEC and the RIAC “Eurasian economic integration: priorities, prospects and tools” from 13 to 18 July 2015. (In Russ).]
- Kaveshnikov N.Ju. Lissabonskij dogovor: kak menjaetsja Evropejskij sojuz. «Perspektivy». Retrieved from: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=44723> (date accessed: 17.02.2017). (In Russ).
- Shelenkova N.B. Differencirovannaja integracija: novaja strategija evropejskogo stroitel'stva? // Zhurnal rossijskogo prava. 2003. Vol. 3. P. 128. (In Russ).
- Shhenin R.K. Zapadno-evropejskaja integracija. M.: GUU, 1998. P. 4. (In Russ).
- Hooghe L., Marks G. Unravelling the Central State, but How? Types of Multi-level Governance // American Political Science Review. May 2003. Vol. 97. No. 2. P. 232–243.
- Rosamond B. Theories of European Integration. L., 2000. P. 58–72.

Article history:

Received: 8 December 2016

Revised: 10 January 2017

Accepted: 15 January 2017

For citation:

Rybakovskiy O.L., Ter-Akopov A.A. (2017) Theoretical Approaches to the Study of Differentiated Economic Integration. *RUDN Journal of Economics*, 25 (1), 18–27.

Bio Note:

Rybakovskiy Oleg Leonidovich, Dr. of Economy, Head of the Department of Demography, The Institute of Social and Economic Studies of Population of the Russian Academy of Sciences. *Contact information*: e-mail: 1246185@mail.ru

Ter-Akopov Aleksandr Aleksandrovich, Candidate of Science (Economics), Researcher, Laboratory of Population Reproduction Problems, The Institute of Social and Economic Studies of Population of the Russian Academy of Sciences. *Contact information*: e-mail: ata1233@mail.ru

DOI 10.22363/2313-2329-2017-25-1-28-40

МЕТОДИКА ОЦЕНКИ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ РОССИИ В GVC И ФОРМИРОВАНИЕ ЭФФЕКТИВНЫХ ЦЕПОЧЕК СТОИМОСТИ С УЧАСТИЕМ СТРАН АТР

П.С. Андреев

Иркутский государственный университет путей сообщения
ул. Чернышевского, 15, Иркутск, Россия, 664074

Обострение конкурентной борьбы за потребителя между производителями стран АТР ведет к непрерывному поиску инструментов, предоставляющих долгосрочные конкурентные преимущества и позволяющих эффективно функционировать предприятиям в волатильных условиях внешней среды. Одним из таких инструментов является участие страны в глобальных цепочках добавленной стоимости (GVC). Высокие темпы развития большинства государств АТР связаны именно с ростом их вовлеченности в GVC, а также с использованием импортных компонентов и материалов для расширения производства и экспорта.

Цель работы состоит в понимании структуры GVC, выявлении потенциальных возможностей встраивания РФ в цепочки, как в отраслевом, так и в страновом разрезе. В статье проанализирована современная методологическая основа по исследованию GVC, выявлены недостатки существующих методов, представлена методика оценки результативности и совершенствования GVC для предприятий РФ с участием стран АТР.

Ключевые слова: GVC, цепочки добавленной стоимости, фрагментация производства, международная кооперация, АТР

Введение

При сборе статистических данных о международном взаимодействии, производстве и торговле России со странами АТР возникает ряд серьезных методологических проблем, так как общая статистика большинства официальных источников дает искаженную картину анализируемых процессов. В ней используются укрупненные показатели, которые несколько раз учитывают стоимость промежуточных компонентов при производстве одного продукта. В итоге страна конечного производителя принимает на себя наибольшее значение добавленной стоимости, при этом роль государств — поставщиков промежуточных товаров, остается недооцененной. Национальная статистика объемов производства и двусторонней торговли не в полной мере визуализирует цепочки стоимости, сети и связи в производственном процессе.

Основной вопрос в исследованиях GVC состоит в том, как различные формы управления и контроля над цепочками способствуют, либо препятствуют улучшению положения компаний в GVC. Единицей анализа в современных исследованиях выступают не только промышленные кластеры и отрасли, но и государства. По природе своего действия GVC в большей степени «региональные», чем «гло-

бальные» и концентрируются в трех центрах: Северной Америке, Европе и Восточной Азии. Первые два региона — преимущественно центры спроса, последний — центр предложения, хотя эта тенденция в среднесрочной перспективе будет меняться по мере реформирования Китая своей экономики в сторону роста потребительского спроса.

Существующие теории и методы оценки *GVC*

Поскольку *GVC* нельзя оценивать инструментарием, разработанным под валовые показатели экспорта и импорта, исследователями уже было предпринято несколько попыток сбора и организации статистической информации в этой сфере. Принципы построения межстрановых моделей с помощью таблиц «затраты — выпуск» были сформулированы еще в 1950—1960-х годах в работах У. Айзарда (Isard W., 1951), В. Леонтьева и А. Струта (Leontief W. and Strout A., 1963). В настоящее время исследования глобальных производственных цепочек ведутся по двум основным направлениям:

1) устранение проблемы двойного учета в торговой статистике, выделение потоков добавленной стоимости;

2) определение национального происхождения компонентов добавленной стоимости.

Р. Купман, Ч. Ванг и Ш. Вэй (2012) установили, что совокупный экспорт большинства развитых стран АТР, а также стран-экспортеров природных ресурсов состоит, в большей степени, из собственной добавленной стоимости: США (87,0%), Япония (87,8%), Австралия (88,6%), Россия (89,8%). Страны, занимающие центральное положение в *GVC*, показали следующие результаты: Тайвань — 59,0%, Малайзия — 59,5%, Таиланд — 60,3%, Вьетнам — 63,0%, Китай — 63,6%, Южная Корея — 66,1%.

Специфика вовлеченности России в *GVC* с экономиками АТР заключается в том, что большинство российских связей являются восходящими, т.е. страны АТР используют товары из России как сырье или компоненты в собственном производстве. Такое положение не позволяет формировать высокую долю добавленной стоимости в цепочках. Ранее экспортируемые ресурсы поступают в российскую экономику уже в виде готового товара с определенной наценкой.

Таблицы «затраты — выпуск», как и любая модель, имеет определенные допущения и ограничения, влияющие на точность результатов. К ним следует отнести линейную зависимость спроса и предложения, а также неизменную структуру внешнего спроса. Кроме того, существенными недостатками доступных в настоящее время информационных баз являются значительный временной лаг — не менее 3-х лет от рассматриваемого периода до выпуска обработанной информации, а также высокая степень агрегации данных (более 30 секторов).

Сегодня перед исследователями стоит задача улучшения достоверности и доступности данных, а также формулирования более четких рекомендаций для лиц, принимающих внешнеэкономические и внешнеполитические решения. В большей степени усилия направлены на формирование единой гармонизированной таблицы «затраты — выпуск», построенной с учетом данных национальных счетов и других статистических показателей национального уровня. Однако следует

обратить внимание на то, что оценка международных цепочек и роли России в этом процессе в первую очередь необходима для выбора политики, которая бы позволяла максимизировать доход от участия в *GVC*.

Исследователями уже разработаны некоторые методики для принятия решений (Gereffi, 1999; Gereffi, Humphrey, Sturgeon, 2005). Г. Джереффи (1999) выделяет два пути такого продвижения: «сверху вниз» и «снизу вверх». Первый путь обозначает положение компаний и организацию их производственного процесса, второй путь рассматривает увеличение роли внутри *GVC*. На первой ступени предприятие выполняет только сборку, на второй — выступает поставщиком «под ключ» (original equipment manufacturing), на третьей — становится разработчиком собственных дизайнерских решений (original design manufacturing), на четвертой — создателем своих брендов (original brand manufacturing). Этот путь демонстрирует так называемая диаграмма «Smiling Curve», которая характеризует доходность участия в *GVC* на разных стадиях производства. Процесс добавления стоимости проходит три стадии: предпроизводственную, производственную и логистическую (рис. 1).

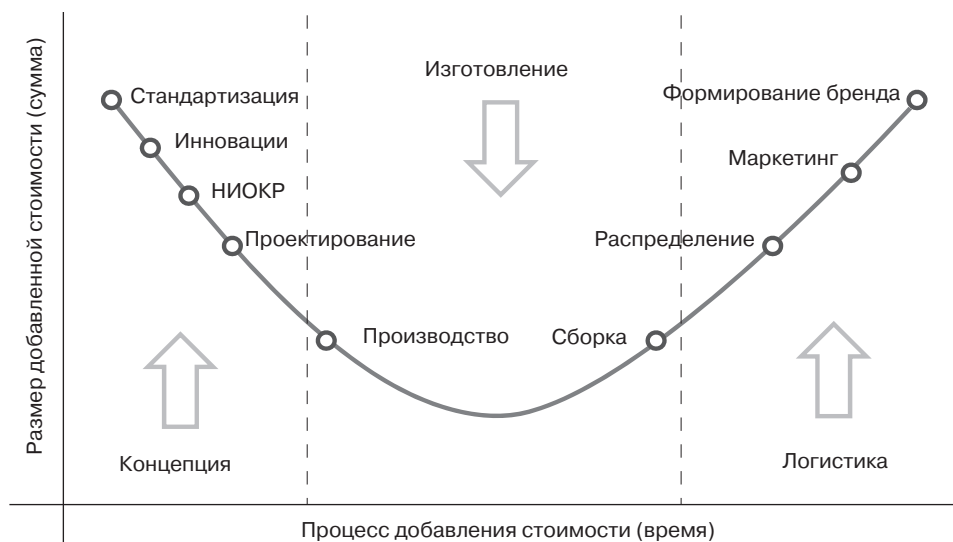

Рис. 1. Диаграмма «Smiling Curve»
(Figure 1. Diagram «Smiling Curve»)

Примечание: составлено на основе концепции, представленной в 1992 году Стэном Ши (Ши Чжэнь-жун), основателем, генеральным директором и председателем совета директоров компании Ascer.

Участие в первой и третьей стадиях приносит компаниям наибольший доход, во второй — минимальный. Такая ситуация характерна для *GVC* XXI века, в 70-х годах XX века линия на диаграмме была практически прямой. Согласно логике развития *GVC* инвестиции, которые делают национальные компании за рубежом, свидетельствуют о ее продвижении «вверх» по цепочке создания стоимости и получении большего дохода в наиболее прибыльных сферах.

У российских промышленных предприятий есть все объективные предпосылки для мажоритарного участия в первой и третьей стадиях, при этом во вторую

стадию — производственный процесс — возможно постепенное включение компаний из таких стран АТР, как Китай, Тайвань, Таиланд и Малайзия. В зависимости от определенного вида деятельности предприятия на первой стадии *GVC* возможно привлечение опыта высокотехнологичных компаний из Японии и Южной Кореи. При этом как у азиатских, так и у российских партнеров должно быть четкое понимание, выгодно ли им сотрудничество в рамках *GVC*.

На основе проведенного анализа, а также резюмируя сказанное, можно сделать следующие выводы. *GVC* являются частью мировой экономической системы, под воздействием которой формируется и определяется конкурентоспособность национальных экономик, уровень их развития и место в производственном процессе. Западные экономисты предложили изменения, которые необходимо включить в теории международной торговли, а также разработали статистические методы, с помощью которых можно оценить *GVC*. Однако эти работы пока не представляют собой законченную и сформировавшуюся систему. Существует ряд разногласий в области теорий и получаемых на их основе выводов, статистические и эконометрические расчеты делаются с погрешностями, так как собираемые данные ориентированы на устаревшие показатели. Анализ *GVC* требует дальнейшего совершенствования и развития. Большая часть проводимых исследований сконцентрирована на определении места страны в цепочках. При этом для улучшения качества связей и роли конкретной страны в *GVC* необходимы практические рекомендации и определенная методология. Современная концепция *GVC* не позволяет исследовать отдельные аспекты межфирменного взаимодействия, выявить преимущества и недостатки компаний в глобальных цепочках, определить барьеры и выработать рекомендации по ликвидации препятствий их развитию.

Методика проектирования глобальных цепочек стоимости на уровне хозяйствующих субъектов

Для решения описанных проблем, а также для улучшения качества связей России в *GVC* со странами АТР автором представлена методика проектирования глобальных цепочек стоимости на уровне хозяйствующих субъектов (рис. 2). Данная методика может распространяться как на компании, которые уже имеют внешнеэкономические связи, так и на те субъекты, которые только планируют организацию производства с участием зарубежных партнеров. Под проектированием *GVC* подразумевается процесс определения нескольких потенциальных вариантов цепочек и выбора наиболее результативного из них. Проектирование цепочек российскими компаниями возможно как по отношению к уже выпускаемому продукту, так и к продукту, только планируемому к выпуску. Научной базой проектирования *GVC* служит анализ межотраслевых цепочек, начиная с разработки/усовершенствования товара и заканчивая готовой продукцией, доставленной конечному потребителю.

Для преобразования действующих цепочек требуются значительные капиталовложения, в связи с чем немаловажно в самом начале выбрать наиболее результативный вариант, который будет учитывать требования не только сегодняшних реалий, но и конкурентные потребности будущего.

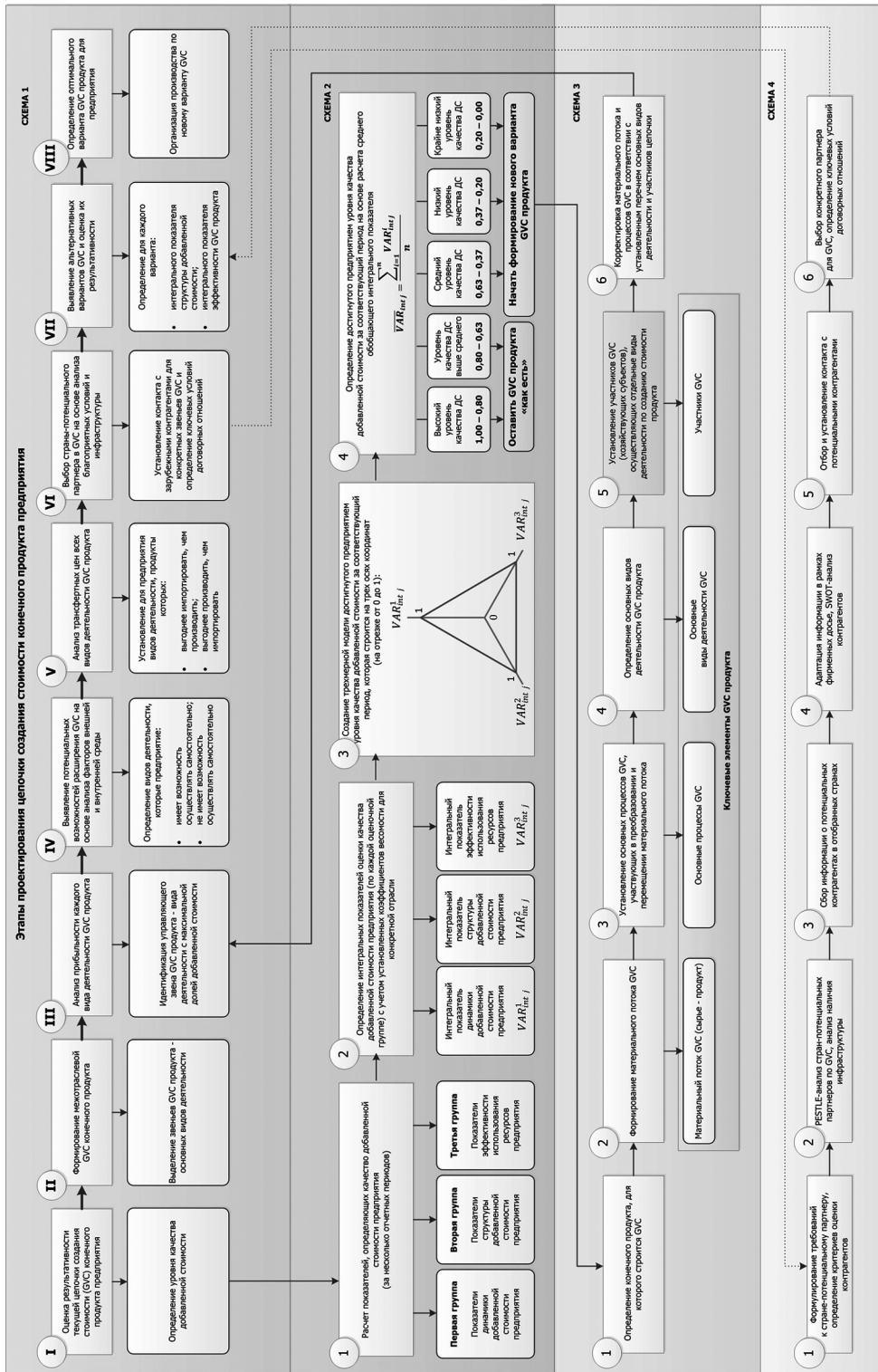

Рис. 2. Этапы проектирования GVC (Figure 2. Stages of GVC construction)

В современной литературе исследователи приводят многочисленные рекомендации по проектированию цепочек создания стоимости конечного продукта, представляя их в форме алгоритмов или простого перечня ключевых этапов. В частности, такие предложения рассмотрены в работах зарубежных ученых Р.М. Гранта (Grant R., 2016), Д. Шанка и В. Говиндараджана (Shank J. and Govindarajan V., 1993), А. Томпсона и А. Стрикленда (Thompson A. and Strickland A., 2003). Разработкой данного вопроса также занимались В.Н. Зуев, Т.А. Мешкова и другие российские исследователи (Зуев В.Н., 2014; Мешкова Т.А., 2015). Проведенный анализ представленных зарубежными и отечественными исследователями вариантов формирования цепочек стоимости определил ряд существенных недостатков:

- недостаточную обоснованность критериев определения ключевых видов деятельности в цепочках стоимости, так в качестве основных требований выделяют значительный удельный вес затрат и высокий процент влияния на дифференциацию;

- отсутствие полноценного анализа конкурентных преимуществ и особенностей предприятия;

- неполную аргументацию критериев оценки выбора наиболее результативного варианта цепочки стоимости;

- использование в качестве главного показателя результативности цепочки — совокупной прибыли ее звеньев, которая в свою очередь обладает значительной степенью динамичности;

- национальная направленность, отсутствие учета международных и региональных особенностей, нормативно-правовой базы внешнеэкономической деятельности.

Проектирование *GVC* продукта промышленного предприятия отображено на схеме 1 (см. рис. 2) в виде процесса, состоящего из восьми логически завершенных этапов, имеющих свою задачу и конечный результат. Предлагаемая схема проектирования *GVC* конечного продукта для целей исследования имеет ряд преимуществ по сравнению с общей схемой цепочек создания стоимости, разработанной М. Портером (1985):

- определяет нестандартные виды деятельности, которые относятся к производству конкретного продукта (за исключением вспомогательных видов деятельности);

- выявляет материальные потоки и ключевые процессы *GVC* для определенного вида деятельности *GVC* продукта;

- группирует цепочки создания стоимости поставщиков, производителя и каналов распределения;

- устанавливает перечень всех субъектов, которые участвуют в поэтапном создании стоимости конечного продукта;

- определяет конкурентные преимущества предприятия на всех этапах формирования конечного продукта;

- учитывает международные особенности хозяйствующих субъектов;

- устанавливает перечень государств — потенциальных партнеров для каждого звена *GVC*.

Проектирование *GVC* предлагается осуществлять в такой последовательности. На **первом этапе** проводится оценка результативности текущей цепочки создания стоимости конечного продукта предприятия в динамике по методике, описанной на схеме 2 (см. рис. 2).

На **втором этапе** происходит формирование межотраслевой *GVC*, начиная с разработки и усовершенствования (при создании нового продукта), либо с исходных источников сырья (при анализе существующего процесса производства) и заканчивая доставкой конечной продукции потребителю, включая послепродажное обслуживание. Этот этап ориентирован на выявление ключевых видов деятельности (звеньев *GVC*), участвующих в формировании стоимости конечного продукта. С помощью этого оценочного инструментария определяются тенденции уровня качества добавленной стоимости предприятия, анализ которых дает возможность принять взвешенное решение: оставить цепочку стоимости «как есть» или приступить к разработке нового варианта *GVC*.

Предлагаемый процесс формирования межотраслевой *GVC* представлен на схеме 3 (см. рис. 2). Схема основана на определении четырех основных элементов:

— материальный поток *GVC* (сырье — продукт), в том числе основные виды сырья, материалов, промежуточная продукция, готовый товар;

— ключевые процессы *GVC* (процессы нижнего уровня), представляющие собой совокупность взаимосвязанных действий, с помощью которых исходный материал преобразуется в полуфабрикат, а затем в готовую продукцию;

— основные направления деятельности *GVC* (процессы верхнего уровня), в которые входят процессы уровня ниже. Вид деятельности формирует продукт (товары, работы, услуги), для которого существует свой рынок. При определении основных видов деятельности *GVC* рекомендуется руководствоваться Международной стандартной отраслевой классификацией всех видов экономической деятельности (International Standard Industrial Classification of All Economic Activities) ISIC ООН;

— участники *GVC*: государства-потенциальные партнеры и хозяйствующие субъекты этих государств (контрагенты), выполняющие определенный вид деятельности при создании стоимости продукта.

Анализ прибыльности каждого вида деятельности *GVC* конечного продукта производится на **третьем этапе**. Эта ступень направлена на идентификацию управляющего звена *GVC* — вида деятельности, имеющего максимальную долю добавленной стоимости. Выявление управляющего звена происходит при анализе средней розничной цены единицы продукции на локальном или внешнем рынке, где субъект уже реализует, либо только планирует реализацию своего продукта.

Выявление управляющего звена в *GVC* является главной стадией проектирования, так как это звено может устанавливать пропорции добавленной стоимости между субъектами, формировать конкурентные преимущества для участников цепочки и обеспечивать высокую производительность их деятельности. В этом смысле под высокой производительностью подразумевается способность субъекта создавать добавленную стоимость, которая не перераспределяется другим странам-участникам цепочки. Следовательно, при формировании *GVC* необходимо, главным образом, ориентироваться на самый результативный (доходный) вид деятельности.

Четвертый этап проектирования состоит в выявлении потенциальных направлений расширения *GVC* для предприятия на основе исследования факторов внутренней и внешней среды. На этом этапе определяются направления деятельности, которые предприятие может или не может осуществлять самостоятельно. Главными инструментами здесь служат *SWOT*-анализ, соотносящий ресурсы предприятия с возможностями во внешней среде, и *SNW*-анализ для более глубокого изучения внутренней среды. Сильная и слабая оценка видов деятельности присуща как методу *SWOT*, так и методу *SNW*, но в *SNW*-анализе система оценки дополняется нейтральной позицией, которая соответствует среднеотраслевым значениям определенного фактора.

Расширение *GVC* может происходить за счет вертикальной интеграции (направление к поставщикам сырья — назад и/или направление к потребителям — вперед). При этом компания может стремиться как к полной, так и к частичной интеграции. Направление и степень интеграции определяются возможностями предприятия. После установления направлений (видов) деятельности, которые компания может осуществлять самостоятельно, анализируются их альтернативы: формирование новых субъектов (подразделений, предприятий) внутри существующего; поглощение (слияние) зарубежных компаний, имеющих необходимые возможности и компетенции.

Пятый этап предполагает проведение анализа трансфертных цен каждого вида деятельности (потенциального или осуществляемого предприятием) для определения доходности звеньев *GVC* конечного продукта. При сравнении рыночной и трансфертной цены продукта, полученного как результат определенного вида деятельности, осуществляется стратегический выбор «производство или покупка», таким образом устанавливаются направления деятельности, которые целесообразно передать зарубежным партнерам. Перед расчетом трансфертных цен необходимо запланировать ресурсы, доходы и затраты для каждого вида деятельности *GVC*.

Виды деятельности, результаты которых выгоднее приобретать, определяются с помощью сравнения трансфертной цены единицы продукта, включающей полные фактические (нормативные) затраты и принятую норму прибыли. Полученная цена будет максимально приближена к рыночной, что позволит принять решение по сужению или расширению звеньев *GVC*. Если по результатам расчетов средняя рыночная цена будет больше трансфертной, то такой вид деятельности предприятию целесообразно осуществлять самостоятельно. Если же трансфертная цена выше рыночной, то самостоятельное производство в рамках данного звена цепочки неэффективно. Производя стратегический выбор «покупка или продажа» следует принять теоретически обоснованное решение по включению определенной деятельности в состав собственной цепочки или ее выводу из состава для передачи зарубежному партнеру. В том случае, если предприятие еще не ведет деятельность, трансфертная цена результата которой выше рыночной, то принимается решение о покупке. Этот вид деятельности должен быть исключен из дальнейшего рассмотрения. В состав *GVC* продукта включается сторонний субъект в целях сотрудничества.

На **шестом этапе** происходит выбор страны-потенциального партнера по *GVC* на основе *PESTLE*-анализа и определяются условия договорных отношений с

зарубежными контрагентами по схеме 4 (см. рис. 2). Данный этап предполагает анализ благоприятных условий для партнерства и наличия инфраструктуры для участия в *GVC*. Благоприятные условия включают торговую, инвестиционную, налоговую политику, политику конкуренции, регулирование рынка труда, интеллектуальной собственности, доступ к территории и ряд иных специфических элементов.

Наличие инфраструктуры (в особенности, логистики и телекоммуникаций) — ключевой фактор для деятельности в рамках *GVC*. Поскольку цепочки стоимости по своей природе чаще региональные, создание международных партнерств для инвестирования в развитие инфраструктуры может принести особую выгоду. Правительства стран АТР все больше понимают роль международных инвестиций в *GVC*, нередко внутренняя инвестиционная политика вместо определенной отрасли нацелена на стадии производства и задачи. Как следствие, правительства могут быть привлечены к созданию нового поколения инвестиционных стимулов, направленных на отдельные части *GVC* с большей долей добавленной стоимости. Это может привести к возникновению войн стимулов за «призовые» части определенных цепочек.

Для продвижения *GVC* или руководимых ими стратегий развития предприятию необходимо тщательно взвесить затраты и прибыль от упреждающих стратегий, в соответствии с его ситуацией и обеспеченностью ресурсами. Некоторые страны АТР могут решить не продвигать *GVC*. У других не остается выбора: для большинства экономик с ограниченными ресурсами немного альтернатив стратегиям развития, которые предполагают определенную степень участия в *GVC*. Вопрос для них состоит по большей части не в том, участвовать ли в *GVC*, а в том, как участвовать.

Основная цель **седьмого этапа** проектирования — выявление альтернативных вариантов *GVC* и оценка их результативности. На этом шаге поэтапно систематизируются все определенные в рамках предварительного анализа направления деятельности, которые субъекту выгоднее выполнить самостоятельно. При формировании альтернативных вариантов *GVC* особое внимание должно уделяться самому результативному (доходному) виду деятельности. Вид деятельности, в котором сосредоточена наибольшая доля добавленной стоимости, должен быть в составе всех возможных вариантов *GVC* конечного продукта.

Для каждого варианта *GVC* определяются показатели оценки качества добавленной стоимости (табл.) с помощью расчета интегрального показателя структуры *GVC* $VAR_{int,j}^2$ и интегрального показателя эффективности *GVC* продукта $VAR_{int,j}^3$ по формулам (2, 3).

Таблица

**Показатели оценки качества добавленной стоимости (ДС)
(Indicators of assessing the quality of value added (DS))**

№ п/п	Оценочные показатели	Обозначение
1	<i>Показатели динамики ДС</i>	
1.1	Темп роста ДС, %	GR_{VA}
1.2	Темп роста прибыли (от продаж), %	GR_p

№ п/п	Оценочные показатели	Обозначение
1.3	Темп роста суммы амортизационных отчислений, %	GR_A
1.4	Коэффициент отношения темпов роста производительности труда к оплате труда	$K_{PL/S}$
Интегральный показатель		
$VAR_{intj}^1 = W \cdot \overline{GR_{VA}} + W \cdot \overline{GR_P} + W \cdot \overline{GR_A} + W \cdot \overline{K_{PL/S}}$ (1)		
2	<i>Показатели структуры ДС</i>	
2.1	Удельный вес прибыли от продаж в общей сумме ДС, %	D_P
2.2	Коэффициент оплаты труда в общей сумме ДС	K_S
2.3	Удельный вес суммы амортизационных отчислений в общей сумме ДС, %	D_A
Интегральный показатель		
$VAR_{intj}^2 = W \cdot \overline{D_P} + W \cdot \overline{K_S} + W \cdot \overline{D_A}$ (2)		
3	<i>Показатели эффективности GVC продукта</i>	
3.1	ДС на одну единицу выручки, руб.	$VA_{unit E}$
3.2	Прирост ДС на одну единицу инвестиций в основной капитал, руб.	$VA_{unit FCI}$
3.3	Производительность (результативность) труда, руб./чел.	PL
3.4	ДС на одну единицу основных фондов, руб.	$VA_{unit FA}$
3.5	Прирост ДС на одну единицу затрат на технологические внедрения, руб.	$VA_{unit TI}$
Интегральный показатель		
$VAR_{intj}^3 = W \cdot \overline{VA_{unit E}} + W \cdot \overline{VA_{unit FCI}} + W \cdot \overline{PL} + W \cdot \overline{VA_{unit FA}} + W \cdot \overline{VA_{unit TI}}$ (3)		

Дифференцированные значения показателей качества добавленной стоимости $\overline{D_P}$, $\overline{K_S}$, $\overline{D_A}$, $\overline{VA_{unit E}}$, $\overline{VA_{unit FCI}}$, \overline{PL} , $\overline{VA_{unit FA}}$, $\overline{VA_{unit TI}}$ рассчитываются по формуле (4):

$$\overline{X}_{ij} = \frac{X_{ij} - X_{\min i}}{X_{\max i} - X_{\min i}}, \quad (4)$$

где \overline{X}_{ij} — дифференцированные значения показателей за определенный период; X_{ij} — фактическое значение; $X_{\min i}$, $X_{\max i}$ — минимальное и максимальное значение. Результаты расчета используются для построения матрицы оценочных показателей альтернативных вариантов *GVC*.

На **последнем (восьмом) этапе** проектирования определяется оптимальный вариант *GVC* на основе сравнения показателей оценки качества добавленной стоимости текущего варианта *GVC* со значениями альтернативных вариантов. Максимальные значения интегральных показателей характеризуют наиболее предпочтительный вариант.

Описанные этапы проектирования *GVC*, основывающиеся на исследовании розничной цены, определении управляющего звена в цепочке, выборе страны и анализе зарубежных контрагентов позволяют разработать альтернативные варианты деятельности предприятия и определить наиболее эффективные из них.

Заключение

Использование предложенной методики на всех российских предприятиях, работающих на рынках стран АТР, позволит существенно улучшить качество *GVC*, а также в полной мере реализовать свои конкурентные преимущества. Для этого от государства необходима не защита бизнеса в национальных границах, а поддержка существующих цепочек: снижение издержек, упрощение пересечения границы и минимизация торговых процедур, развитие собственных систем регулирования и защиты прав интеллектуальной собственности за границей.

Еще одним вариантом государственной поддержки *GVC* может стать развитие региональных кластеров. Именно они способствуют оперативному реагированию на изменения в структуре *GVC*, поскольку для субъектов РФ (в частности, для Дальнего Востока) наиболее эффективными в современных условиях являются инструменты кластерной политики, которые позволяют снизить риски и гарантируют дополнительные формы поддержки.

Сотрудничество в научной сфере Дальнего Востока РФ, Китая, Южной Кореи и Японии может послужить базой для формирования трансграничных инновационно-внедренческих кластеров на основе создания исследовательских центров по различным направлениям (первая стадия диаграммы «Smiling Curve»). Транзитный потенциал России способствует модернизации и развитию транспортно-логистической инфраструктуры в сопредельных странах, подразумевая формирование кластеров и кооперацию в *GVC* хозяйствующих субъектов, таких как морские порты, прибрежные перегрузочные терминалы, аэропорты Китая и Южной Кореи, КНДР, Японии, Вьетнама (третья стадия диаграммы «Smiling Curve»).

Разделение производства в *GVC* должно также сопровождаться изменением акцента в торговой и инвестиционной политике. Соглашения в области экономической интеграции, которые охватывают все параметры рыночного доступа, могут помочь странам АТР и России максимизировать прибыль от разделения производства. При этом российским компаниям в каждом случае необходимо взвесить все «за» и «против» при выборе стратегии расширения производства путем активного участия в *GVC*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Зув В.Н., Островская Е.Я., Дунаева М.С. Развитие национальных экономик в рамках ГЦСС: причины и формы встраивания стран в глобальные цепочки создания стоимости // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2014. № 4. С. 107—116.
- Мешкова Т.А., Моисеичев Е.Я. Мировые тенденции развития глобальных цепочек создания добавленной стоимости и участие в них России // Вестник Финансового университета. 2015. № 1 (85). С. 83—96.
- Gereffi, G. (1999). International trade and industrial upgrading in the apparel commodity chain. *Journal of International Economics*. 48(1). Pp. 37—70. DOI: 10.1016/s0022-1996(98)00075-0.
- Gereffi, G., Humphrey, J. and Sturgeon, T. (2005). The governance of global value chains. *Review of International Political Economy*. 12(1). Pp. 78—104. DOI: 10.1080/09692290500049805.
- Grant, R. (2016). *Contemporary strategy analysis: text and cases edition*. 9th ed. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons.

- Isard, W.* (1951). Interregional and Regional Input-Output Analysis: A Model of a Space-Economy. *The Review of Economics and Statistics*. 33(4). P. 318. DOI: 10.2307/1926459.
- Kaplinsky, R.* (2013) Global Value Chains: where they came from, where they are going and why this is important. IKD Working Paper. 68(1). UK: The Open University.
- Leontief, W. and Strout, A.* (1963). Multiregional Input-Output Analysis. In: Barna T, editor. *Structural Interdependence and Economic Development*. Pp. 119—149. DOI: 10.1007/978-1-349-81634-7_8.
- Porter, M.* (1985). *Competitive advantage: creating and sustaining superior performance*. New York: Free Press.
- Shank, J. and Govindarajan, V.* (1993). *Strategic cost management: the new tool for competitive advantage*. New York: The Free Press.
- Thompson, A. and Strickland, A.* (2003). *Strategic management: concepts and cases*. Boston: McGraw-Hill Primis.

©Андреев П.С., 2017

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 14 декабря 2016

Дата принятия к печати: 21 января 2017

Для цитирования:

Андреев П.С. Методика оценки результативности России в GVC и формирование эффективных цепочек стоимости с участием стран АТР // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика*. 2017. Т. 25. № 1. С. 28—40.

Сведения об авторе:

Андреев Петр Сергеевич, аспирант кафедры мировой экономики и экономической теории Иркутского государственного университета путей сообщения. *Контактная информация:* e-mail: ps.andreyev@gmail.com

METHODS OF PERFORMANCE EVALUATION OF RUSSIA'S PARTICIPATION IN GVC AND THE FORMING OF EFFECTIVE VALUE CHAINS INVOLVING ASIA-PACIFIC COUNTRIES

P.S. Andreev

Irkutsk State Transport University
Chernyshevsky str., 15, Irkutsk, Russia, 664074

Abstract. Increasing competition among Asia-Pacific countries producers leads to a continuous search for tools that provide long-term competitive advantage and enable businesses to operate effectively in a volatile external environment. One such tool is the country's participation in global value chains (GVC). High rates of development in most Asia-Pacific countries are connected with the growth of their involvement in the GVC, as well as the use of imported components and materials for increased production and exports.

Objective of this paper consists in understanding the structure of the GVC and identifying possibility for Russian integration into the effective chains. The paper describes the characteristics of a modern

methodological basis of GVC study, including the definition of the main deficiencies and developing a method of performance evaluation and improvement of the GVC for Russian enterprises with the Pacific Rim countries.

Key words: GVC, global value chains, the fragmentation of production, international cooperation, the Asia-Pacific

REFERENCES

- Zuev V., Ostrovskaya E. and Dunaeva M. (2014) Razvitie nacional'nyh ehkonomik v ramkah GCSS: prichiny i formy vstraivaniya stran v global'nye ceпоchki sozdaniya stoimosti // *Vestnik Universiteta (Gosudarstvennyj universitet upravleniya)*. 4(1). Pp. 107—116. (In Russ.).
- Meshkova T. and Moiseichev E. (2015) Mirovye tendencii razvitiya global'nyh ceпоchek sozdaniya dobavlennoj stoimosti i uchastie v nih Rossii // *Vestnik Finansovogo universiteta*. 4(1). Pp. 107—116. (In Russ.)]
- Gereffi, G. (1999) International trade and industrial upgrading in the apparel commodity chain. *Journal of International Economics*. 48(1). Pp. 37—70. DOI: 10.1016/s0022-1996(98)00075-0.
- Gereffi, G., Humphrey, J. and Sturgeon, T. (2005) The governance of global value chains. *Review of International Political Economy*. 12(1). Pp. 78—104. DOI: 10.1080/09692290500049805.
- Grant, R. (2016) *Contemporary strategy analysis: text and cases edition*. 9th ed. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons.
- Isard, W. (1951) Interregional and Regional Input-Output Analysis: A Model of a Space-Economy. *The Review of Economics and Statistics*. 33(4). P. 318. DOI: 10.2307/1926459.
- Kaplinsky, R. (2013) Global Value Chains: where they came from, where they are going and why this is important. *IKD Working Paper*. 68(1). UK: The Open University.
- Leontief, W. and Strout, A. (1963) *Multiregional Input-Output Analysis*. In: Barna T, editor. *Structural Interdependence and Economic Development*. Pp. 119—149. DOI: 10.1007/978-1-349-81634-7_8.
- Porter, M. (1985) *Competitive advantage: creating and sustaining superior performance*. New York: Free Press.
- Shank, J. and Govindarajan, V. (1993) *Strategic cost management: the new tool for competitive advantage*. New York: The Free Press.
- Thompson, A. and Strickland, A. (2003) *Strategic management: concepts and cases*. Boston: McGraw-Hill Primis.

Article history:

Received: 14 December 2016

Revised: 22 January 2017

Accepted: 21 January 2017

For citation:

Andreev P.S. (2017). Methods of performance evaluation of Russia's participation in GVC and the forming of effective value chains involving Asia-Pacific countries. *RUDN Journal of Economics*, 25 (1), 28—40.

Bio Note:

Andreev Petr Sergeevich, post-graduate student of the department “World Economy and Economic Theory”, Federal State Budget Educational Institution of Higher Education “Irkutsk State Transport University”. *Contact information*: e-mail: ps.andreyev@gmail.com

DOI 10.22363/2313-2329-2017-25-1-41-53

«ПСЕВДОИННОВАЦИИ» И «ПСЕВДОИНВЕСТИЦИИ» В ЭКОНОМИКЕ РОССИИ

Н.А. Диесперова

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена исследованию влияния одного из неформальных институтов торможения инновационного процесса в России — так называемой «административной экономики». Показана ее роль как сильного стимула концентрации деятельности субъектов инновационного процесса на достижение собственных целей за счет снижения эффективности процесса в целом. Выявлен механизм торможения, основанный на трансформации инвестиций в инновационную сферу в «псевдоинвестиции», которые затем расходуются на генерирование не нужных реальной промышленности «псевдоинноваций». Показано, как взаимодействие «псевдоинвестиций» и «псевдоинноваций» приводит к заполнению технопарков преимущественно предприятиями «вчерашнего дня». Доказана идентичность целей управляющей компании и резидентов — субъектов технопарка, способствующая поддержанию существующей модели приоритета неинновационных резидентов перед инновационными, основой которой является оценка деятельности технопарка по размеру выручки предприятий-резидентов. Показана необходимость введения ограничения на предоставление статуса резидентов, обеспечивающего им конкурентоспособность перед нерезидентами за счет преференций технопарка. В качестве ограничивающего фактора предлагается использовать критерий наличия интеллектуальной собственности у резидентов.

Ключевые слова: инновации, «административная экономика», «псевдоинвестиции», «псевдоинновации», технопарк, статус резидента, инновационное предприятие, управляющая компания

Стратегия инновационного развития России до 2020 года: задачи, положение сегодня

Принципиальным вызовом для России XXI века остается преодоление экономической и технической отсталости путем перехода российской экономики «на инновационную социально ориентированную модель развития». Для достижения этой цели необходимо, согласно «Стратегии 2020», повысить в пределах 40–50% долю инновационно активных предприятий, 25–35% — долю инновационной продукции в промышленности, 17–20% — валовую добавленную стоимость инновационного сектора в ВВП и занять до 2% мирового рынка высокотехнологичных товаров и услуг. Задача весьма амбициозная, поскольку в 2015 году уровень этих индикаторов составил, соответственно, 9,45, 7,2, 7,8, 0,25% (Статистические сборники ВШЭ, 2016), несмотря на многократное увеличение инвестиций в создание институтов инновационного развития — на уровне развитых

стран, и довольно активную деятельность иностранных венчурных фондов и фондов прямых иностранных инвестиций в российских регионах.

Для изменения негативной тенденции развития инновационной сферы экономики России академик Н. Иванова (Иванова Н., 2016) предлагает «стимулировать бизнес к расширению инвестиций в инновационное развитие», «расширить внутренний спрос и увеличить удельный вес инновационно активных компаний и отраслей в структуре экономики».

В проекте Министерства экономического развития РФ (МЭРТ) «Инновационная Россия 2020» (2010 г.) также фиксируется необходимость «...создания мотивов инновационного поведения всех субъектов экономики», углубления их кооперации с сектором исследований и разработок, «с опорой на созданную и развивающуюся инновационную инфраструктуру» для перехода от стимулирования инноваций к росту на их основе.

Иной подход предлагает д.э.н. Фототов (Фототов А.Г., 2010): прежде всего, необходимо достигнуть уровня технологического развития передовых стран за счет концентрации усилий «...на поддержке инвестиций в технологическое заимствование» в целях получения «...скорейшего доступа к лучшим мировым образцам, их усвоение и освоение». Однако сегодня инвестиции есть, инновационная инфраструктура создана, «заимствование и освоение» зарубежных достижений активизируется, а роста инновационной экономики нет.

Отсутствие положительного результата от реализации этих подходов означает, что существуют какие-то глубинные причины неэластичности российской экономики к инновациям, особенно к технологическим инновациям в промышленности как ключевого элемента в системе производительности инновационных затрат.

Цель настоящей статьи — выявить «источник» пока непреодолимых препятствий эффективной реализации российскими инновационными структурами способов интенсификации инновационного развития, широко используемых в развитых странах.

Обоснование направления исследования

Для исследования этих «глубинных причин» автором предложен подход, основанный на двух положениях:

1) «Институтам, которые должны способствовать инновационному развитию, противостоят институты, препятствующие инновационному развитию, и пока вторые оказываются сильнее» (Малкин М.Ю., 2011);

2) достижению желаемых результатов инновационной деятельности препятствуют «псевдоинвестиции» и «псевдоинновации». Первые — за счет использования инвестиций для закрепления позиций предприятий «вчерашнего» дня вместо развития инновационных (Сухарев О., 2005). Вторые представляют «новации» в системе «заказчик — исполнитель», продлевающие «агонию» старых технологий. Согласно Барееву Т.Ф. (Бареев Т.Ф., 2012), обладая «максимальным потенциалом коммерциализируемости», «псевдоинновации» обычно тормозят технический прогресс, поскольку либо не дают эффекта для общества, либо приносят отрицательный эффект.

На наличие института, деятельность которого в значительной степени основана на использовании синергии комплекса «псевдоинвестиций» и «псевдоинноваций», указала Анчишкина О.В. (Анчишкина О.В., 2004), «присвоив» ему название «административная экономика» (АЭ).

«Административная экономика» как неформальный институт торможения внедрения инноваций

В интерпретации Анчишкиной «административная экономика» (АЭ) — фундамент тех деформаций рынка, при которых материализация бюджетных денег в товары и услуги происходит «на территории экономического зазеркалья», где «допущенный» на «территорию» АЭ бизнес имеет, как правило, высокую рентабельность. «Допуск» реализуется по алгоритму функционирования АЭ, сложившемуся уже в начале 1990 годов, единственный определенный предприниматель получает заказ и соответствующее финансирование на выполнение работы (услуги) от конкретного функционера органов власти, который затем принимает выполненную работу, дает оценку соответствия затрат, объема и качества соответствующей продукции и услуг поставленным требованиям. Как результат — широкие возможности в варьировании качеством и стоимостью выполняемых работ определяют решающую роль функционеров АЭ в создании условий для «высокорентабельной» деятельности «резидентов» экономического «зазеркалья» нередко за счет формально оказанных, но не выполняющих или плохо выполняющих свои функции услуг. Поэтому значительная часть инноваций в АЭ являются «псевдоинновациями», направленными на «совершенствование» алгоритма функционирования системы «заказ — исполнение» преимущественно путем снижения стоимости выполняемых работ (услуг) за счет их качества, но без снижения объема финансирования.

В результате АЭ представляет классический пример института, в котором взаимодействие и взаимовлияние «псевдоинвестиций» и «псевдоинноваций» усиливает синергию неэффективных для общества норм, тормозящих последние 25 лет инновационное развитие сектора государственных услуг «размером» от 17 до 19% ВВП.

Устойчивость этого неэффективного для общества института обеспечивается двумя факторами. Первый — взаимная заинтересованность работодателя (функционер власти) и исполнителя (бизнесмена) в образовании «внебюджетного» источника доходов. Второй — сложность контроля соответствия выполненных работ установленным требованиям, поскольку низкое качество этих работ проявляется через какое-то время, нередко исчисляемое годами.

Анализируя негативное влияние «административной экономики» на развитие малого инновационного бизнеса, Жданова Л.А. (Жданова Л.А., 2005) пришла к выводам:

— при существующих методах дебюрократизации АЭ (тендеры на производство работ) трансформация «административной экономики» в рыночную — длительный процесс даже при самых энергичных действиях правительства и при поддержке этих действий активной частью общественности («свои» бизнесмены обычно выигрывают, предлагая нереально низкую цену контракта);

— как следствие, малый бизнес в сфере государственных услуг будет вынужден еще немалое время развиваться в климате, «убийственном для национального инновационного предпринимательства»;

— для развития малого инновационного бизнеса государство в силах создать на ограниченном количестве локальных территорий благоприятный для развития инновационного предпринимательства социально-экономический климат.

В качестве таких «территорий» Жданова Л.А. (2005) рассматривает, прежде всего, технопарки (ТП). Но высказывает опасения, что та часть структуры технопарка, которая должна обеспечивать скорость разработки и коммерциализации инновации, включая производственные помещения, подразделения патентной, правовой, консультационной, информационной и другой поддержки и сопровождения инновации на протяжении ее жизненного цикла, не обладает «иммунитетом» к идеологии АЭ — рентабельность в ущерб основному предназначению соответствующего инновационного института.

Опасения не беспочвенны, так как алгоритм функционирования технопарка содержит основные необходимые условия для функционирования административной экономики:

— «функционер» / управляющая компания и резиденты ТП взаимно заинтересованы в рентабельной деятельности;

— статус «резидента» с соответствующими законодательно установленными налоговыми и другими льготами обеспечивает, при прочих равных условиях, более высокую конкурентоспособность, чем у компаний — нерезидентов;

— результат разработки, внедрения / использования инновации проявляется через 2—3 года и более, а риск получения отрицательного или «недостаточно рыночного» результата весьма высок, так что ответственность управляющей компании за подбор резидентов становится виртуальной.

Исследование влияния «административной экономики» на инновационную деятельность российских технопарков

Актуальность (необходимость) исследования обусловлена тем, что создание по всей стране сети технопарков, по количеству которых (~180 в 2010 году) Россия почти сравнялась с США и Европой, пока не привело к заметному росту основных индикаторов инновационной экономики по отношению к 2000 году (Статистические сборники ВШЭ, 2016). В это же время действующие технопарки с 2010 по 2015 годы примерно в 2,5 раза увеличили количество резидентов, их совокупную выручку, количество новых рабочих мест, а также достигли самоокупаемости, выплачивают налоги и дивиденды, причем доля инновационных предприятий-резидентов в технопарках составляет 78—91% (Статистические сборники ВШЭ, 2016). Например, более 70 резидентов ТП «Слава» обеспечили управляющей компании самоокупаемость; рентабельность по продажам 37,9%, по активам — 12,4%; 54,5 млн руб. капитальных вложений; 155,6 млн выручки; выплату 19,6 млн дивидендов; более 44 млн руб. чистой прибыли (Темникова К.Н., 2013).

По существу сложилась парадоксальная ситуация — инновационная экономика России стагнирует на фоне процветания важнейшего института ее развития.

Это очень похоже на классическую «административную экономику» Анчишкиной: каждый в отдельности элемент системы эффективен с точки зрения собственной цели, а система в целом неэффективна с позиции выполнения ее основного назначения. Возможно поэтому Фонов А.Г. (2010) — Генеральный директор Российского фонда технологического развития (РФТР) — считает, что на определенное время необходим «перенос центра тяжести с поддержки институтов развития ранних стадий инновационной деятельности и российских прикладных разработок на поддержку инвестиций в технологическое заимствование».

Важно выяснить, распространяется ли негативное влияние «административной экономики» на российские технопарки, а также в какой степени подход Фонова реализуется в практике деятельности предприятий-резидентов технопарка как субъектов инновационной экономики России.

Для рассмотрения выбраны два успешно действующих технопарка — «Слава» (Москва) и «Мордовия» (Саранск) с примерно одинаковым количеством (70—80) инновационных предприятий-резидентов.

Методика исследования включала: 1) идентификацию каждого резидента в соответствии с кодом Единого Государственного Реестра Юридических лиц (ЕГРЮЛ) по основному и двум дополнительным видам деятельности; 2) разделение резидентов на группы по признаку общности вида деятельности; 3) оценку вклада каждой группы предприятий — резидентов в формирование показателей эффективности деятельности технопарков; 4) анализ влияния результатов деятельности технопарков на основные показатели инновационной экономики и, соответственно, эффективности государственных инвестиций в создание технопарков. Для оценки эффективности деятельности технопарка как единого комплекса «управляющая компания — резиденты» наряду с коммерческими показателями использовали и принятый в западной практике подход — доля (выход) готовых к конкуренции в соответствующей сфере мирового рынка компаний-резидентов, созданных или получивших развитие в технопарке.

Анализ соответствия деятельности резидентов основному предназначению технопарка как одного из важнейших институтов развития инновационной экономики основывали на положении ст. 3, п. 3.1 ГОСТа Р 56425—2015: технопарк обеспечивает «полный цикл услуг по размещению и развитию инновационных компаний, являющихся резидентами технопарка». Под инновационным предприятием (компанией) понимали «хозяйствующий субъект, осуществляющий предпринимательскую деятельность, связанную с разработкой, производством и поставкой (реализацией) инновационной продукции (товаров, услуг), для которого указанная продукция составляет основную часть (не менее 70%) общего объема товаров (технологий, услуг).

Детальный анализ деятельности каждого предприятия-резидента технологического ТП «Слава», на основании которого проведена идентификация резидентов и их группировка по общности деятельности (табл. 1), показал, что только ~20% предприятий-резидентов свою основную деятельность направили на разработку и создание новых инновационных предприятий мирового уровня в полном соответствии с предназначением технопарка как института развития инновационной экономики. В частности, продукция этой группы предприятий — ра-

диофармпродукты, препараты крови, высокотемпературные сверхпроводящие провода, оптоэлектроника и пр. — является конкурентоспособной в зарубежных странах.

Таблица 1

**Структура деятельности резидентов технопарков «Слава» и «Мордовия»
(Types of activity of residents of technoparks «Slava» and «Mordovia»)**

Вид деятельности по ЕГРЮЛ	Основная деятельность, %		Дополнительная первая, %		Дополнительная вторая, %	
	Слава	Мордовия	Слава	Мордовия	Слава	Мордовия
Научные исследования и разработки в области естественных и технических наук	16,6	18,1	—	—	—	1,2
Производство: от машин, оборудования, лекарств до бетонных и деревянных строительных изделий	39,6	34,3	46,9	25,9	41,8	32,1
Оптовая и розничная торговля: от машин, фармацевтики до журналов, продуктов и напитков	38,6	37,0	32,1	37,0	51,2	35,7
Услуги: от техобслуживания оборудования и автомобилей до деятельности агентов по продажам и рекламе	5,4	10,6	21,0	37,1	7,0	32,1

Источник: составлено автором по данным сайтов. URL: <http://www.technopark-slava.ru>, 2017; <http://www.technopark-mordovia.ru>, 2017 (дата обращения: 15.09.2016).

Остальные 80% резидентов свои инновационные разработки декларируют в дополнительных видах деятельности, число которых может достигать до 30—40. В результате подавляющее большинство резидентов работают одновременно в сферах производства, торговли и услуг, причем занимаются производством продукции, отличной от заявленной в качестве основной, а также торговлей товарами, которых резидент не производит. Все эти предприятия получают статус резидента технопарка, заявляя о разработке процессных, продуктовых и постепенных (соответственно пп. 3.11, 3.12, 3.29 ст. 3 ГОСТа Р 56261—2014) инноваций, целью которых являются «новые или значительно улучшенные продукты, товары, процессы, услуги, организации». В действительности резидентами все чаще становятся «уже состоявшиеся компании, которые работают на рынке 2—3 года или даже 15—20 лет, пройдя, путь от идеи до реализации проекта, выпуска инновационной продукции, разработки и коммерциализации технологии» еще до регистрации в качестве резидентов (интервью Шкредова В., 2015).

Анализ результатов инновационной и коммерческой деятельности «состоявшихся» микро- и малых компаний показал, что их продукция до прихода в технологический технопарк не заняла доминирующего положения на внутреннем рынке и не вышла на мировой. То есть, не оказывает заметного влияния на развитие инновационной экономики. По существу, «состоявшиеся» компании должны классифицироваться как резиденты промышленного технопарка, основной функцией которого является согласно ГОСТа Р 53425—2015 (разд. 3, п. 3.2) не инновационная деятельность, а «...обеспечение запуска и выведения на рынок промышленной продукции и технологии».

Похожая ситуация и у АО «Технопарк-Мордовия», созданного в рамках государственной программы строительства 25 технопарков в сфере высоких технологий, который «по сути с 2012 г. совмещает в себе функции ТП в сфере высоких технологий и промышленного технопарка.

«Дрейф» от технологических и высокотехнологичных технопарков к промышленным технопаркам с соответствующим изменением основных функций во многом следствие двух факторов.

Во-первых, стремления обеспечить высокую выручку предприятий-резидентов и ее рост. Эту задачу сложно решить при концентрации деятельности резидентов технологического технопарка на инновационной деятельности, поскольку, например, в ТП «Слава», в 2015 г. выручка резидентов группы «научные исследования...» составила 2,6%, группы «производство...» — 21,6%, группы «торговля» — 72,3% от общего объема продаж.

Во-вторых, необходимости обеспечить финансовую самостоятельность функционирования технопарка как бизнес-единицы за счет эксплуатации имущественного комплекса, доходность которого зависит, прежде всего, от количества размещенных на территории технопарка предприятий-резидентов.

Именно «заполняемость» и совокупная выручка резидентов сегодня считаются важнейшими показателями эффективности работы управляющей компании технопарка. Прежде всего, потому, что ее доход, следовательно, самоокупаемость, возможности развития и рост капитализации активов, а также возможности стимулирования персонала и экспертного совета определяются сегодня поступлениями от аренды недвижимости технопарка (табл. 2).

Таблица 2

Структура доходов управляющих компаний технопарков Москвы* и ТП «Мордовия»
(The structure of income of managing companies of the technoparks
in Moscow* and the TP «Mordovia»)

Управляющая компания	Аренда помещений, %		Аренда объектов инфраструктуры, %		Услуги и регулирование, %		Прочее, %	
	ТП Москвы	Мордовия	ТП Москвы	Мордовия	ТП Москвы	Мордовия	ТП Москвы	Мордовия
Государственная собственность	80,7	21,78	2,7	54,8	11,7	23,42	4,9	—
Смешанная собственность	90,5	—	5,5	—	0,5	—	3,5	—
Частная собственность	70,0	—	0,7	—	7,0	—	22,3	—

* Технопарки с государственной («Строгино», «Москва», «Сколково»), смешанной («Слава», НП МГУ), частной («Сапфир», «ИТЕЛМА», «Калибр», «Техноспарк») моделью управления.

Источник: составлено автором по данным (Волковицкая К.Г., 2016. URL: <http://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Технопарки>, 2017)

Результаты исследования инновационной деятельности технопарков

Показано, что сегодня для достижения рентабельности управляющие компании технопарка и большинство его резидентов каждый в отдельности успешно ведут свою собственную деятельность своими собственными способами, подме-

няя основную функцию технопарка — развитие инновационных предприятий, в том числе, производство и коммерциализацию инноваций, — функцией получения доходов. Тем самым создаются условия для превращения значительной части инвестиций в создание и поддержание функционирования технопарков в «псевдоинвестиции».

Сложившееся положение в значительной степени является следствием изменения взгляда руководства большинства регионов на технопарк как на объект промышленного бизнеса. В результате стратегическими целями технологического парка считают рентабельность его инфраструктуры. А «стратегические» цели большинства компаний-резидентов трансформируются в получении всевозможных льгот, обеспечивающих их конкурентоспособность с аналогичными компаниями нерезидентами. Получить льготы несложно за счет включения в перечень видов своей деятельности проект «псевдоинновации», например, освоение новой для данного предприятия продукции массового изготовления. В результате на «фундаменте» технопарков по существу развивается вариант «административной экономики», в котором взаимодействие и взаимовлияние «псевдоинвестиций» и «псевдоинноваций» усиливает синергию неэффективных для общества норм, тормозящих / препятствующих деятельности технопарков как институтов инновационного развития экономики России.

Одной из таких норм является преимущественно коммерческая ориентация управляющих компаний. Разумеется, принцип необходимости самокупаемости инфраструктуры технопарка остается важнейшим принципом и в развитых странах. Но самокупаемость за счет аренды офисных помещений (см. табл. 2) стимулирует «освоение» управляющими компаниями практики начала 1990 годов — так называемой «экономики директоров», основанной «на извлечении дополнительной незаработанной ренты». «Торговать» существующим активом более выгодно, размещая на своей площади предприятия вторичного технологического уровня производства, «развитие которых останавливается на стадии тиражирования и воспроизведения уже достигнутого результата» (Сухарев О., 2005).

Вторичный негативный эффект самокупаемости за счет аренды рабочего места «стол, стул и компьютер» — получение статуса резидента технопарка компаниями «вторичного технологического уровня» со всеми налоговыми и прочими преференциями, наличие которых представляет конкурентное преимущество перед предприятиями-нерезидентами того же профиля. Тем самым через технопарк государство по существу инвестирует в резидентов, у которых нет необходимости совершенствовать производство, в том числе, за счет инноваций. Получить же статус «инновационное предприятие» не составляет труда: действует столь широкая система признаков «инновационности» (Постановление Правительства РФ № 1605, 2014), что фактически любая деятельность резидента может считаться инновационной.

Дополнительная возможность поддерживать устойчивость «инновационного» варианта административной экономики в значительной мере обеспечивается путем трансформации технологических технопарков в промышленные, где не требуется оформление прав на объекты интеллектуальной собственности и ее охрану. Это создает предпосылки к продвижению на рынок контрафактного про-

дукта под видом инновационного (Интервью с Темниковой К.Н., 2015). А также предпосылки для реализации подхода Фонотова А.Г. (2010), правда, в «оригинальном» российском исполнении принципа «открытых инноваций»: наши инновационные институты «в значительной мере генерируют идеи и частично элементы технологических решений, которые доводятся до готовых комплексных решений в странах — конкурентах России, а затем импортируются обратно вместе с оборудованием» (Блохина Т.К., Быкова О.И., Ермолаева Т.К., 2015).

Выводы и предложения

Результаты исследования автора дают основания утверждать, что сегодня выход из сложившейся ситуации находится не в росте инвестиций в институты инновационной экономики, не в увеличении их количества, не в бесконечном «совершенствовании» организационной структуры, например, путем преобразования технологических технопарков в промышленные, затем объединения тех и других в технополисы с промышленными предприятиями, которые в своем большинстве и так резиденты этих же технопарков. Выход состоит в исключении или максимальном ограничении влияния «псевдоинвестиций» и «псевдоинноваций» на деятельность технопарков.

Главное и принципиальное, на взгляд автора, различие нашей и зарубежной систем оценки эффективности инновационных институтов в том, что там основное назначение большинства разновидностей технопарков — способствование развитию компаний-резидентов, готовых после ограниченного времени (обычно 2—3 года) пребывания «под крылом» технопарка к конкуренции в соответствующей сфере мирового рынка. Для этого технопарк обеспечивает полный цикл услуг по размещению и развитию только инновационных компаний. Другие, как известно, не выживают на мировом рынке. Российские же технопарки пока способствуют достижению конкурентоспособности большей части своих предприятий-резидентов просто путем предоставления им налоговых и прочих льгот — своего рода «псевдоинвестиций» — на срок до 10 лет в «обмен» на «псевдоинновации» или малозначащие инновации. В результате уже на уровне инновационных институтов значительная часть государственных инвестиций в строительство инфраструктуры инновационной сферы трансформируется в «псевдоинновации», а генерируемые «псевдоинновации» не нужны предприятиям реального сектора российской промышленности.

По мнению автора, для устранения предпосылок развития принципов «административной экономики» в российских инновационных институтах как сильного неформального «института» блокировки усилий правительства по изменению негативной тенденции в инновационной экономике необходимо в технопарках государственной и смешанной собственности предоставлять статус резидента с соответствующими преференциями только компаниям, интеллектуальная собственность которых защищена соответствующими патентами или ноу-хау. Так может быть достигнута определенная гарантия «переключения» деятельности российских технопарков на алгоритм функционирования зарубежных технопарков, в котором основным показателем эффективности институтов развития инновационной экономики служит «выход» инноваций, а не выручка резидентов.

Представляется, что предпринятая в настоящее время попытка увеличить эффективность коммерциализации инновационных разработок технопарков в реальной промышленности путем перехода от системы технопарков к системе кластеров практически во всех отраслях и секторах экономики без изменения системы оценок их деятельности, не изменит ситуацию заметным образом. В частности, потому, что чаще всего технопарки и кластеры по функциям и составу участников почти идентичны. Так, 80% резидентов технопарка «Мордовия» вместе с управляющей компанией — участники Промышленного кластера Республики Мордовия «Волоконная оптика и оптоэлектроника». А бурный рост кластеров (по всей России их около 400, только в Петербурге в течение 2015 года образовалось 22 кластера) — хорошая «питательная среда» для субъектов «административной экономики», поскольку участники вошедших в федеральный реестр кластеров могут получить авансом компенсацию затрат на организацию совместных проектов и доступ к различным инструментам поддержки, включая субсидии на НИОКР, на реализацию комплексных инновационных проектов, на проекты в области инжиниринга и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анчишкина О.В.* Административная экономика // Эксперт. 2004. № 31(431). С. 9—10.
- Бареев Т.Ф.* Сущность и границы использования понятия «инновация» // Экономические науки. 2012. № 8. С. 62—64.
- Блохина Т.К., Быкова О.И., Ермолаева Т.К.* Экономика и управление инновационных организаций: учебник для бакалавров и магистров. М.: Проспект, 2015.
- Волковицкая К.Г.* Модели функционирования технопарков Москвы // Материалы науч.-практич. семинара Института менеджмента НИУ ВШЭ из цикла «Инновационная среда»; Апрель 4, 2016; Москва. URL: <https://www.hse.ru/data/2016/05/30/1132111309/Презентация%20К.Волковицкой.pdf>. (дата обращения: 05.03.2017).
- Доверие между инновационной площадкой и резидентами — наш важнейший ресурс. Интервью Генерального директора технопарка «Слава» Виктора Шкредова. Инвестиционный портал города Москвы. 26 августа 2015. URL: <http://www.technopark-slava.ru/publication/1949/> (дата обращения: 01.03.2017).
- Жданова Л.А.* Государственная поддержка малого инновационного бизнеса // Вестник РУДН. Серия: «Экономика». 2005. № 1(11). С. 94—103.
- Иванова Н.* Инновационная политика: теория и практика // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. № 1. С. 5—16.
- Интервью Аналитического агентства RWAY с К.Н. Темниковой — директором по развитию ОАО «Технопарк Слава» 23.06.2015 (дата обращения: 01.03.2017). URL: <http://www.technopark-slava.ru/publication/1915/>
- Малкина М.Ю.* Институциональные ловушки инновационного развития российской экономики // Журнал институциональных исследований. 2011. Т. 3. № 1. С. 50—51.
- Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Статистические сборники ВШЭ. Индикаторы инновационной деятельности. М., 2016. 472 с. URL: <http://www.hse.ru/primarydata/ii2016> (дата обращения: 02.08.2017).
- Постановление Правительства РФ от 30.12.2014 № 1605. URL: <http://base.garant.ru/70836848/> (дата обращения: 01.08.2017).

Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года. «Инновационная Россия-2020». Минэкономразвития России. URL: <http://www.innovus.biz/media/uploads/resources/Innovative-Russia-2020.pdf> (дата обращения: 03.03.2017).

Сухарев О. Проблема псевдоинвестиций: методы разрушения российских высокотехнологичных отраслей // *Инвестиции в России*. 2005. № 3. С. 30–37.

Темникова К.Н. Прорывные технологии инновационных предприятий ТП «Слава» // *Инженер и промышленник*. 2013. № 6 (6).

Технопарк Слава. Информационный интернет ресурс (дата обращения: 02.03.2017). URL: http://www.technopark-slava.ru/residents/residents_info/

Технопарк Мордовия Информационный интернет ресурс (дата обращения: 02.03.2017). URL: <http://www.technopark-mordovia.ru/resident/>

Технопарки России. Информационный интернет ресурс (дата обращения: 03.03.2017). URL: <http://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Технопарки>

Фонотов А.Г. Россия: инновации и развитие / Фонотов А.Г. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2010.

© Диесперова Н.А., 2017

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 24 декабря 2016

Дата принятия к печати: 20 февраля 2017

Для цитирования:

Диесперова Н.А. «Псевдоинновации» и «псевдоинвестиции» в экономике России // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика*. 2017. Т. 25. № 1. С. 41–53.

Сведения об авторе:

Диесперова Наталья Александровна, кандидат экономических наук, доцент кафедры прикладной экономики Института космических технологий (ИКТ) Российского университета дружбы народов (РУДН). Контактная информация: e-mail: diesperova_natal@mail.ru

“PSEUDO INNOVATIONS” AND “PSEUDO INVESTMENTS” IN RUSSIAN ECONOMY

N.A. Diesperova

Russian People’s Friendship University
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

Abstract. The article investigates the influence of one of the informal institutions braking innovation process in Russia — the so-called “administrative economy”. It is shown its role as a strong incentive to concentrate the activity of subjects of the innovation process on their own goals by reducing the efficiency of the overall process. The braking mechanism based on the transformation of investments in innovation sphere into pseudo investments, which can be used for generation unnecessary for real

industry pseudo-innovations is examined. It is shown how the interaction pseudo-investments and pseudo-innovations leads to filling technoparks mainly non innovative enterprises of «past days». It is proved the identity of the objectives of the managing company and residents — to promote models of priority non-innovative residents to innovative residents because of the evaluation of the technopark's activity on the basis of the value of revenue of resident companies. It is shown the necessity of introducing of restrictions on the granting of resident status, because it makes the companies more competitive in comparison with non-residents due to preferences of the technopark. As restrictions is proposed to introduce a requirement for residents to have intellectual property.

Key words: innovations, «administrative economy», pseudo innovations, pseudo investments, technopark, resident status, innovative company, managing company

REFERENCES

- Anchishkina O.V. Administrativnaya Ekonomika. *Ekspert*. 2004. 31 (431). 9—10. (In Russ).
- Bareev T.F. Suschnost i granitsy ispolzovaniya ponyatiya «innovatsiya». *Economic Sciences*. 2012. 8. 62—64. (In Russ).
- Blohina T.K., Bykova O.I. & Ermolaeva T.K. *Ekonomika i upravlenie innovatsionnoy organozatsiyey*. М.: Prospekt, 2015. (In Russ).
- Volkovitskaya K.G. Modeli funktsionirovaniya tekhnoparkov Moskvy. Materialy nauchno-prakticheskogo seminarina Instituta menedzhmenta NIU VSHE iz tsikla «Innovatsionnaya sreda»; 2016 April 04; 2016. Moscow. Retrieved from: <https://www.hse.ru/data/2016/05/30/1132111309/Презентация%20К.Волконицкой.pdf> (In Russ).
- Doverie mezhdru innovatsionnoy ploschadkoy i rezidentami — nash vazhneyshiy resurs. Intervyu Generalnogo direktora tekhnoparka «Slava» Viktora Sckredova (2015). Investitsionny portal goroda Moskvy; 2015 August 26; Moscow. Retrieved from: <http://www.technopark-slava.ru/publication/1949/> (In Russ).
- Zhdanova L.A. The state support of small innovative business in Russia. *Bulletin of People's Friendship University of Russia. Series: Economics*. 2005. 1(11). 94—103. (In Russ).
- Ivanova N. Innovatsionnaya politika: teoriya i praktika. *World Economy and International Relations*. 2016. 60(1). 5—16. (In Russ).
- Intervyu Analiticheskogo agentstva RWAY s Temnikovoy K.N., direktorom po razvitiyu OJSC «Technopark Slava» 2015 June 23. Retrieved from: <http://www.technopark-slava.ru/publication/1915/> (In Russ).
- Malkina M.Y. Institutsionalnye lovushki of innovatsionnogo razvitiya rossiiskoy ekonomiki. *Journal of Institutional Studies*. 2011. 3(1). 50—51. (In Russ).
- Indikatory innovatsionnoy deyatel'nosti. *Statistical Reference Book 2016*. Moscow. Natsionalny issledovatel'skiy universitet «Vysshaya shkola ekonomiki». 2016. 472 p. Retrieved from: <http://www.hse.ru/primarydata/ii2016> (In Russ).]
- Resolution of the Government of the Russian Federation № 1605 of 30 December 2004. (2004). Retrieved from: <http://base.garant.ru/70836848/> (In Russ).
- The Strategy of Innovative Development of the Russian Federation until 2020 «Innovative Russia 2020», (2010). Ministry of Economic Development of Russia Federation. Retrieved from: <http://www.innovus.biz/media/uploads/resources/Innovative-Russia-2020.pdf> (In Russ).
- Suharev O. Problema psevdoinvestitsiy: metody razrusheniya rossiiskikh vysokotekhnologicheskikh otrasley. *Investitsii v Rossii*. 2005. 3. 30—37. (In Russ).
- Temnikova K.N. Proryvnye tekhnologii innovatsionnykh predpriyatiy TP «Slava». *Inzhener i promyshlennik*. 2013. 6(6), 37—41. (In Russ).

Tehnopark Slava. (n.d.). Informational and analytical portal. Retrieved from: http://www.technopark-slava.ru/residents/residents_info/ (In Russ).

Tehnopark Mordovia. (n.d.). Informational and analytical portal. Retrieved from: <http://www.technopark-mordovia.ru/resident/> (In Russ).

Tehnoparki Rossii. Informational and analytical portal. Retrieved from: <http://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Технопарки> (In Russ).

Fonotof A.G. *Rossiya: innovatsii i razvitie*. Moscow: Binom. Laboratoriya znanii, 2010. (In Russ).

Article history:

Received: 24 December 2016

Revised: 19 January 2017

Accepted: 20 February 2017

For citation:

Diesperova N.A. (2017) “Pseudo Innovations” and “Pseudo Investments” in Russian Economy. *RUDN Journal of Economics*, 25 (1), 41–53.

Bio Note:

Diesperova Natal'ya Alexandrovna, Candidate of sciences (Economics), Associate Professor of the Department of Applied Economics of the Institute of Space Technologies at Russian People's Friendship University. *Contact information:* e-mail: diesperova_natal@mail.ru

DOI 10.22363/2313-2329-2017-25-1-54-62

ЭКСПОРТ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ БЕЛАРУСИ: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ И ГЕОГРАФИЯ ПОТОКОВ

Л.Е. Тихонова, Л.В. Фокеева, Н.А. Кормильчик

Белорусский государственный университет
пр. Независимости, 4, Минск, Республика Беларусь, 220030

В статье рассмотрены виды студенческой миграции и методические подходы к ее изучению. Проанализированы мировые тенденции образовательной миграции и развитие данного процесса в Беларуси в период 1999–2014 годы. Выделены страны происхождения, а также обозначены факторы, способствующие привлечению учебных мигрантов в Республику Беларусь.

Ключевые слова: образовательная миграция, Республика Беларусь, экспорт образовательных услуг, входящая студенческая мобильность

Введение

Одной из характерных тенденций развития современной системы образования является стремительный рост студенческой миграции. На протяжении всего XX века масштабы академической мобильности и учебной миграции во всем мире постоянно возрастали. Но именно на рубеже XX и XXI веков этот вид мобильности становится массовым глобальным явлением.

Республика Беларусь наглядно демонстрирует возрастающую студенческую мобильность: наблюдается рост как входящей, так и исходящей учебной миграции. С 2005 по 2014 годы в Беларуси получили образование более 100 тыс. иностранных студентов.

Понятия «образовательная / учебная миграция», «академическая мобильность». Виды студенческой миграции

В международной практике учета миграции перемещения студентов и стажеров выделяют в самостоятельную категорию, поскольку эта миграция выполняет вполне определенную социальную функцию, связанную с интернационализацией образования и развитием высокопрофессиональных ресурсов, представляющих, по сути, интеллектуальный глобальный капитал общества (Рязанцев С.В., Ткаченко М.Ф., 2010).

ЮНЕСКО определяет категорию иностранных студентов как лиц, допущенных для прохождения конкретной программы обучения в учреждениях высшей школы страны, гражданами которой они не являются. Эта миграция классифицируется как временная, ограниченная периодом времени, необходимым для прохождения учебного курса. Такие мигранты, как правило, получают специальные студенческие (не иммиграционные) визы, которые часто предусматривают право

выезда с сопровождающими членами семьи и ограниченные возможности трудоустройства (Рязанцев С.В., Ткаченко М.Ф., 2010).

В рамках международной образовательной миграции выделяют долгосрочную и краткосрочную формы.

Под долгосрочной формой обучения понимают переезд за рубеж в целях получения образования по полному циклу одного или нескольких уровней высшего образования. Такая форма образовательной миграции предполагает получение соответствующего диплома или степени (отсюда и англоязычное наименование *degree mobility*). Именно эта форма образовательной миграции наиболее массова в современном мире. Нередко эту форму мобильности еще называют «вертикальной».

Краткосрочная или академическая мобильность предполагает временное обучение в зарубежном высшем учебном заведении в течение, как правило, одного-двух семестров. Эта форма мобильности называется кредитной (*credit mobility*). К этому типу мобильности относится временный переезд студентов, преподавателей, исследователей и академических администраторов в другие страны. Краткосрочную мобильность часто называют «горизонтальной».

Однако выезд за рубеж для получения диплома может рассматриваться и в качестве академической мобильности, но только в случае, если он осуществляется на основе международного договора. Статья 121 Кодекса об образовании Республики Беларусь дает определение академической мобильности. Ее ключевой признак — временное пребывание за рубежом с обязательным возвращением. Для реализации академической мобильности должен быть заключен договор, который может быть межвузовским, межведомственным, межправительственным, либо договором под обучение студента или аспиранта¹.

Методика исследования и источники статистической информации

Анализ текущей ситуации и прогнозирование тенденций в области образовательной миграции затрудняются недостаточной эффективностью современных методик статистической оценки миграционных потоков.

Л. Леденева отмечает проблему отсутствия достоверной информации о различных категориях населения, выезжающего на учебу, вызванную тем, что часто студенты обучаются не полный академический год, участвуют в программах обмена, и поэтому их численность может не отражаться в статистике обучающихся исходя из правил определенного университета страны-реципиента (Леденева Л.И., 2009).

Среди факторов, снижающих точность знаний об образовательной миграции, следует выделить:

- несовпадение дат и периодов подсчета количества иностранных студентов и слушателей за определенный период в различных странах;
- различия в принципах подсчета студентов, обучающихся в вузах разной формы собственности;

¹ Кодекс Республики Беларусь об образовании от 13 января 2011 г. № 243-3. [Электронный ресурс]. URL: http://etalonline.by/?type=text®num=Nk1100243#load_text_none_1_ (дата обращения 12.07.2016).

— нехватку сведений о деятельности негосударственных организаций и центров, работающих на рынке международных образовательных услуг.

Для сбора полной информации о международной студенческой миграции все принимающие страны подают данные о количестве принятых студентов, указывая пол и страну происхождения. Затем данные обобщаются, подсчитывается количество выбывших и прибывших студентов для каждой страны. Однако фактическое количество лиц, участвующих в международной студенческой миграции, как правило, гораздо выше, так как многие студенты учатся за границей не полный академический год, или участвуют в программах обмена, которые не требуют регистрации.

Страна происхождения студента может быть определена несколькими различными способами. Например, на основе места жительства, гражданства или страны, в которой были получены определенные образовательные квалификации. ЮНЕСКО, ОЭСР и Евростат договорились, что для измерения международной мобильности в области образования, страной происхождения студента считается та страна, в которой он получил прежнее образование. Если страны не имеют возможности представить данные в соответствии с этим требованием, то за страну происхождения принимается страна постоянного места жительства или, в крайнем случае, страна гражданства. ОЭСР а также Евростат в качестве международных студентов учитывают лишь тех студентов, которые пересекли границу страны своего происхождения в целях получения высшего образования сроком на полный учебный год или более (так называемая «кредитная мобильность» не учитывается)¹.

Для оценки объемов международной студенческой миграции ЮНЕСКО использует следующие показатели мобильности.

1. Въездная миграция (входящий поток):

- количество прибывших студентов;
- коэффициент въездной мобильности: отношение числа въехавших студентов к общему числу студентов принимающей страны.

2. Выездная миграция (исходящий поток):

- количество выехавших студентов;
- коэффициент выездной мобильности: отношение числа выехавших студентов к общему числу студентов отдающей страны;
- общий (валовый) коэффициент выезда — количество выехавших студентов по отношению к общему числу населения страны в возрасте третичного образования.

3. Сальдо образовательной миграции: разница между числом въехавших и выехавших студентов (как правило, в международной статистике для расчета показателя нетто-миграции студентов принимается разность численности иностранных студентов в данной стране и студентов из данной страны за рубежом на конкретный год).

¹ Statistical Tables Introduction. UNESCO Institute for Statistics. [Electronic resource]. Access mode: http://en.unesco.org/gem-report/sites/gem-report/files/Intro_full_1.pdf

Таким образом, учет мобильных студентов затруднен, однако принимаются меры, направленные на реализацию возможностей анализа студенческих миграционных потоков и выявления основных тенденций.

Образовательная миграция в современном мире

С 1965 по 2010 годы количество иностранных студентов выросло с 0,8 до 4,1 млн, что составляет 1,8% от общего числа учащихся высших учебных заведений. В настоящее время их прирост составляет около 100 тыс. человек в год (рис. 1). Согласно прогнозам ЮНЕСКО, к 2025 году количество иностранных студентов достигнет 7,5 млн.

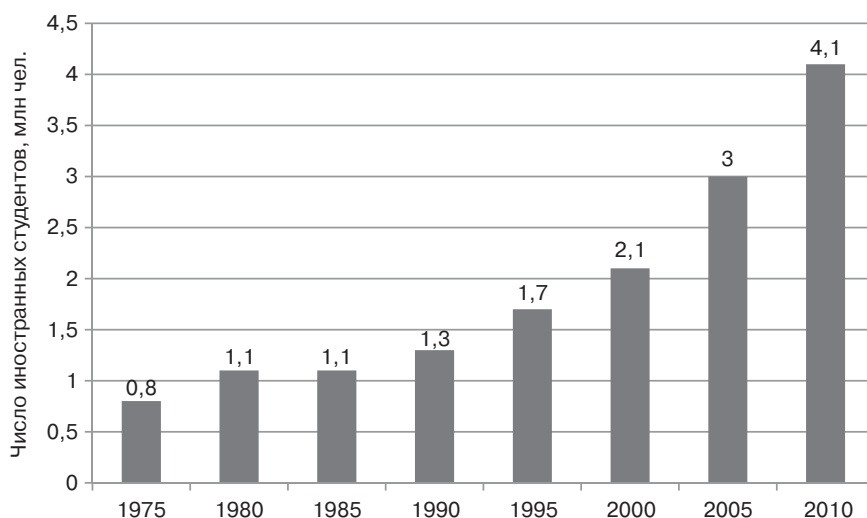

Рис. 1. Динамика численности иностранных студентов в мире в 1975—2010 годы
(Figure 1. Dynamics of the number of foreign students in the world in 1975—2010)

Источник: Институт статистики ЮНЕСКО [Электронный ресурс]. URL: <http://uis.unesco.org/> (дата обращения: 24.11.2016).

Страны довольно сильно различаются по масштабам студенческой мобильности. Так, в 2013 году на шесть стран, которые принимали иностранных студентов, приходилась практически половина мобильных студентов: США (19%), Великобритания (10%), Австралия (6%), Франция (6%), Германия (5%) и Российская Федерация (3%).

Наибольшее количество иностранных студентов приезжает на учебу в другие страны из Китая (712,2 тыс. человек), Индии (181,9 тыс. человек), Германии (119,1 тыс. человек), Республики Кореи (116,9 тыс. человек) и Франции (84,1 тыс. человек).

Есть также и страны, которые имеют большее количество студентов, обучающихся за границей, чем у себя дома: Андорра, Бермудские острова, Люксембург, Монсеррат, Сан-Марино, Сейшельские острова¹.

¹ Институт статистики ЮНЕСКО [Электронный ресурс]. URL: <http://uis.unesco.org/> (дата обращения: 24.11.2016).

Доля иностранных студентов, как правило, выше на более высоких ступенях высшего образования. В среднем по странам ОЭСР 24% студентов докторантуры и аспирантуры — иностранные.

Важную роль в активизации студенческой мобильности в Европе сыграл Болонский процесс, в котором академическая мобильность была определена в качестве одной из шести целей¹. В 2012 году в Бухаресте была принята «Стратегия развития мобильности в ЕПВО до 2020 года». Этот документ подтвердил значение мобильности как одной из важнейших задач Болонского процесса. Особое внимание было обращено на баланс входящей и исходящей мобильности, противодействие «утечки мозгов». В частности, было предложено создавать стипендиальные программы, поощряющие возвращение студентов получивших образование в других странах, стимулировать граждан ЕС преподавать и проводить исследования в развивающихся странах.

Таким образом, основные тенденции международной учебной миграции и мирового рынка образовательных услуг следующие: стремительный рост объемов студенческой миграции; опережение роста численности иностранных студентов, получающих высшее образование по сравнению с ростом численности всех студентов в мире; сосредоточение половины всех иностранных студентов в мире в 5 странах; появление новых участников в сфере высшего образования, увеличение доли иностранных студентов из стран Азии и Западной Европы (Алексеева Е.Н., 2012).

Рынок образовательных услуг в Беларуси

Отличительной чертой развития национальной системы образования Беларуси, как и других стран Европы в эпоху глобализации, является интенсивно расширяющееся международное сотрудничество высших учебных заведений и, как следствие, — рост студенческой миграции и академической мобильности студентов, преподавателей, ученых, административных работников.

Наблюдается рост, как входящей, так и исходящей мобильности.

По данным ЮНЕСКО, в 2014 году в Беларусь на обучение прибыло 14 924 студента (по данным Белстата — 14 796). По сравнению с предыдущим годом число прибывших студентов выросло на 9%.

В последнее время значительно расширилась география стран происхождения учебных мигрантов. В республику едут учиться из 117 стран мира (ЮНЕСКО). Главным образом из Центральной Азии, Центральной и Восточной Европы, Восточной Азии. В 2014—2015 учебном году 55% иностранных студентов были представлены выходцами из Туркменистана, 14% — из России, 10% — из Китая (рис. 2).

При этом доля выходцев из Центральной Азии стремительно растет. Этот рост обусловлен в основном за счет студентов из Туркменистана. Увеличилось количество иностранных студентов из Восточной Азии и Африки.

¹ Создание общеевропейского пространства высшего образования. Коммюнике конференции министров, ответственных за высшее образование, Берлин 19 сентября 2003 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bsu.by/Cache/Page/172293.pdf> (дата обращения 25.04.2010).

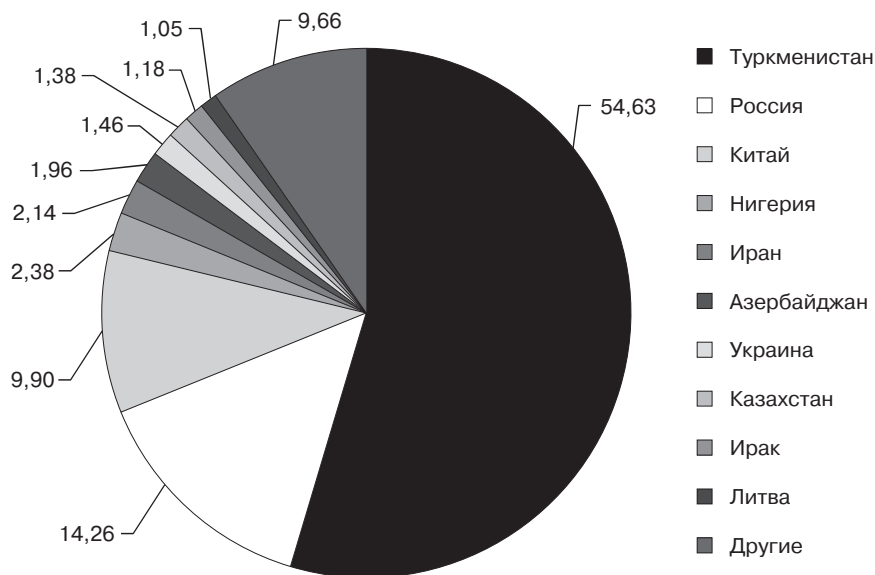

Рис. 2. Структура иностранных студентов (по стране происхождения), прибывших на обучение в Беларусь в 2013 году

(**Figure 2.** The structure of foreign students (by country of origin) who arrived for training in Belarus in 2013)

Источник: Институт статистики ЮНЕСКО [Электронный ресурс]. URL: <http://uis.unesco.org/>

Соотношение цены и качества белорусского образования является сегодня привлекательным для потенциальных студентов из ряда стран, в первую очередь СНГ и Азии. Стоимость обучения на самых престижных факультетах не превышает 3000–4000 долл. США в год. Однако указанное конкурентное преимущество не является исключительным достоянием Республики Беларусь: конкурентами Беларуси в данной ценовой нише являются вузы Украины и России, которые также стремятся выйти на международный рынок образовательных услуг.

Следует отметить, политика Беларуси направлена на увеличение числа иностранных студентов. Это связано с рядом причин:

1. Вступление Беларуси в Болонский процесс.

2. Снижение наполняемости белорусских ВУЗов из-за сокращения в настоящее время численности молодежи в возрастной группе 16–29 лет.

3. Финансовая прибыль, получаемая при обучении иностранных студентов.

4. Налаживание межгосударственных связей.

Также Беларусь заинтересована трудоустроить высококвалифицированных иностранных студентов. Целевой группой, как правило, являются русскоговорящие студенты и студенты из стран СНГ, так как они легче интегрируются в белорусское общество, обладая общими для постсоветского пространства культурными особенностями.

Заключение

Экспорт образовательных услуг имеет для страны экономический эффект: во-первых экономию на детском периоде жизни будущих абитуриентов; во-вторых,

доход от продажи образовательных услуг; и, наконец, в-третьих, приобретение молодого, уже интегрированного в принимающий социум и должным образом подготовленного нового члена общества.

Учебная миграция в целом способствует развитию и укреплению политических, экономических, культурных, научно-технических контактов Республики Беларусь со странами-поставщиками студенческих мигрантов. Учебные мигранты не только приносят финансовую прибыль, но и способствуют укреплению позитивного образа Беларуси в мире.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеева Е.Н. Особенности и перспективы образовательной миграции в эпоху глобальных трансформаций // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2012. № 4. С. 113–136.

Институт статистики ЮНЕСКО. URL: <http://uis.unesco.org/> (дата обращения 24.11.2016).

Итоговые документы Бухарестских форумов. Бухарестское коммюнике. [URL: <http://www.bsu.by/Cache/Page/172223.pdf> (дата обращения: 25.04.2010).

Кодекс Республики Беларусь об образовании от 13 января 2011 г. № 243-3. URL: http://etalonline.by/?type=text®num=Нк1100243#load_text_none_1_ (дата обращения: 25.06.2013).

Леденева Л.И. Российских студентов за рубежом никто точно не считает // Демоскоп Weekly. 2009. № 387–388. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2009/0387/tema01.php> (дата обращения: 14.08.2016).

Рязанцев С.В., Ткаченко М.Ф. Мировой рынок труда и международная миграция: учеб. пособие. М.: Изд-во «Экономика», 2010. 303 с.

Создание общеевропейского пространства высшего образования. Коммюнике Конференции Министров, ответственных за Высшее образование, в Берлине 19 сентября 2003 г. URL: <http://www.bsu.by/Cache/Page/172293.pdf> (дата обращения: 18.10.2015).

Statistical Tables Introduction. UNESCO Institute for Statistics. Access mode: http://en.unesco.org/gem-report/sites/gem-report/files/Intro_full_1.pdf

© Тихонова Л.Е., Фокеева Л.В., Кормильчик Н.А., 2017

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 22 декабря 2016

Дата принятия к печати: 30 января 2017

Для цитирования:

Тихонова Л.Е., Фокеева Л.В., Кормильчик Н.А. Экспорт образовательных услуг Беларуси: тенденции развития и география потоков // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика.* 2017. Т. 25. № 1. С. 54–62.

Сведения об авторах:

Тихонова Людмила Ефимовна, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры менеджмента экономического факультета Белорусского государственного университета. *Контактная информация:* e-mail: tihonovale@mail.ru

Фокеева Людмила Владимировна, кандидат географических наук, доцент, доцент кафедры международного туризма факультета международных отношений Белорусского государственного университета. *Контактная информация:* e-mail: fokeeva@tut.by

Кормильчик Наталья Александровна, студентка географического факультета Белорусского государственного университета. *Контактная информация*: e-mail: natasha_kormilchik@mail.ru

EXPORT OF EDUCATIONAL SERVICES IN BELARUS: TRENDS AND DIRECTIONS OF STREAMS

LE. Tihonova, LV. Fokeeva, N.A. Kormilchik

Belarusian State University
Nezavisimosti Ave., 4, Minsk, Republic of Belarus, 220030

The article discusses some types of student migration and methodological approaches to its study. As well as analyzed the global trends of educational migration and the development of this process in the Republic of Belarus in the period 1999–2014. In addition, identified the main participants involved in exchange and the factors contributing to the involvement of academic migrants in the Republic of Belarus.

Key words: educational migration, the Republic of Belarus, out- and incoming student mobility

REFERENCES

- Alekseeva E.N. Osobennosti i perspektivy obrazovatel'noj migracii v ehpohe global'nyh transformacij // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18: Sociologiya i politologiya. 2012. № 4. S. 113–136. (In Russ).
- UNESCO Institute of Statistics <http://uis.unesco.org/> (In Russ).
- Itogovye dokumenty Buharestskih forumov. Buharestskoe kommyunike. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.bsu.by/Cache/Page/172223.pdf> (In Russ).
- Kodeks Respubliki Belarus ob obrazovanii ot 13 yanvarya 2011 g. № 243-Z. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://etalonline.by/?type=text®num=Hk1100243#load_text_none_1_1 (In Russ).
- Ledeneva L.I. Rossijskih studentov za rubezhom nikto tochno ne schitaet // Demoskop Weekly. 2009. № 387–388. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.demoscope.ru/weekly/2009/0387/tema01.php> (In Russ).
- Ryazancev S.V., Tkachenko M.F. Mirovoj rynek truda i mezhdunarodnaya migraciya: ucheb. posobie. M.: Izd-vo «Ekonomika», 2010. S. 303. (In Russ).
- Sozdanie obshcheevropejskogo prostranstva vysshego obrazovaniya. Kommyunike Konferencii Ministrov, otvetstvennyh za Vysshee obrazovanie, v Berline 19 sentyabrya 2003 g. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.bsu.by/Cache/Page/172293.pdf> (In Russ).
- Statistical Tables Introduction. UNESCO Institute for Statistics. Access mode: http://en.unesco.org/gem-report/sites/gem-report/files/Intro_full_1.pdf

Article history:

Received: 22 December 2016

Revised: 16 January 2017

Accepted: 30 January 2017

For citation:

Tihonova L.A., Fokeeva L.V., Kormilchik N.A. (2017) Export of Educational Services of Belarus: Trends and Directions of Streams. *RUDN Journal of Economics*, 25 (1), 54–62.

Bio Note:

Tihonova L.A., Doctor of Economics, Professor, Professor of Department of International management, Belarusian State University, Minsk (Belarus). *Contact information:* e-mail: tihonovale@mail.ru

Fokeeva L.V., PhD (Geography), Associate Professor of the Department of international tourism, Faculty of international relations, Belarusian State University, Minsk (Belarus). *Contact information:* e-mail: fokeeva@tut.by

Kormilchik N.A., Student of the Faculty of Geography, Belarusian State University, Minsk (Belarus). *Contact information:* e-mail: natasha_kormilchik@mail.ru

DOI 10.22363/2313-2329-2017-25-1-63-73

МОДЕЛЬ ДЛЯ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ОБЪЕМА И СТРУКТУРЫ «СЕРОГО ИМПОРТА»

В.Г. Анисимов¹, Е.Г. Анисимов², М.Р. Гапов³, Т.Н. Сауренко⁴

¹ Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, Россия, 195251

² Российская таможенная академия

Комсомольский просп., 4, Люберцы, Московская обл., Россия, 140009

³ Министерство экономического развития Карачаево-Черкесской республики
ул. Комсомольская 23, Черкесск, Россия, 369000

⁴ Российский университет дружбы народов

ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Доходная часть федерального бюджета Российской Федерации в существенной мере формируется за счет таможенных платежей. Следовательно, в случае больших объемов «серого импорта», экономике государства может быть нанесен значительный ущерб. Результативность мер противодействия «серому импорту» зависит от своевременного и адекватности прогноза его структуры и объемов. Такой прогноз предполагает наличие соответствующих моделей. Однако известные в настоящее время модели не обеспечивают своевременность и адекватность прогноза.

В статье предложена модель для текущего прогнозирования объема и структуры «серого импорта». В основу модели положено стохастическое представление «серого импорта», имитирующее процессы его формирования. Эта имитация позволяет более адекватно, чем обычно применяемые регрессивные и экспертные модели, учесть имеющуюся информацию о «сером импорте» и тем самым повышает точность прогнозирования его объема и структуры. Информационную основу предложенной модели составляют данные системы управления рисками Федеральной таможенной службы Российской Федерации. Применение предложенной модели позволяет в близком к реальному масштабе времени прогнозировать структуру и объемы «серого импорта» и на этой основе формировать необходимые меры противодействия ему.

Ключевые слова: «серый импорт», объем, структура, модель, прогнозирование, противодействие

Введение

«Серый импорт» — это товары, перемещаемые через таможенную границу с нарушениями таможенного законодательства в виде недостоверного декларирования, влекущими неполную уплату таможенных платежей (Ястребов О.А., Яковлев Ю.В., 2011). Объем «серого импорта» в каждой «серой» товарной партии равен величине занижения таможенных платежей, взимаемых с нее при перемещении через таможенную границу. Структура «серого импорта» определяется суммарными объемами занижения таможенных платежей при импорте за установленный период времени товаров r -го ($r = 1, 2, \dots, R$) вида. Поскольку в насто-

ящее время доходная часть федерального бюджета Российской Федерации в существенной мере формируется за счет таможенных платежей, то, в случае больших объемов «серого импорта», экономике государства может быть нанесен значительный ущерб (Ведерников Ю.В., Гарькушев А.Ю., и др., 2014). Это обстоятельство обуславливает целесообразность формирования эффективных мер противодействия «серому импорту». Их формирование, прежде всего, предполагает прогноз объема и структуры «серого импорта». Осуществление этого прогноза является важнейшей задачей ФТС России. Вместе с тем качество прогнозирования «серого импорта» в ФТС России пока неудовлетворительно (Ястребов О.А., Яковлев Ю.В., 2011). Это, в частности, обусловлено недостаточным уровнем развития соответствующего научно-методического аппарата. Следовательно, имеет место важная задача развития научно-методического аппарата прогнозирования объемов и структуры «серого импорта». В рассмотрении одного из возможных путей ее решения и состоит цель настоящей статьи.

Постановка задачи моделирования

Особенность «серого импорта» состоит в том, что он скрыт от непосредственного наблюдения. Его прогнозирование может осуществляться только косвенными методами. В результате применения этих методов получаются не точные объем и структура «серого импорта» а только их в той или иной мере приближенные оценки. В настоящее время известны и находят практическое применение три методических подхода к оценке объема и структуры «серого импорта» за тот или иной период времени (как правило, один год) (Лобас Е.В., Анисимов В.Г. и др., 2008). Первый заключается в использовании «зеркальной статистики». Второй опирается на анализ внутреннего рынка в соответствии с методологией платежного баланса. Третий исходит из экспертных оценок. Сущность, достоинства и недостатки этих подходов достаточно подробно рассмотрены в части таможенного дела (Лобас Е.В., Анисимов В.Г. и др., 2008), а в части организации управления и размещения заказов и финансирования проектов в форме государственно-частного партнерства (Ястребов О.А., Яковлев Ю.В., 2011). Поэтому, не останавливаясь на них, отметим только, что оценки, получаемые на основе этих подходов, либо недостаточно надежны (экспертные оценки), либо, вследствие особенностей формирования статистических данных, могут быть получены с существенным (год и более) запаздыванием (методы «зеркальной статистики» и анализа внутреннего рынка). Все это не позволяет своевременно и адекватно прогнозировать «серый импорт» и, в конечном счете, снижает эффективность противодействия ему. Следовательно, возникает важная задача текущего прогнозирования объема и структуры «серого импорта». Вследствие скрытости «серого импорта» и случайного характера многих факторов, определяющих его объем и структуру, ее решение возможно только на основе применения соответствующих стохастических моделей. В их основу может быть положена информация о вскрытых в ходе случайного выбора из импортного потока, товарных партиях, содержащих нарушения таможенного законодательства, квалифицируемые как «серый импорт». Такой выбор реализован в настоящее время в системе управления ри-

сками (СУР) ФТС России (Анисимов В.Г., Анисимов Е.Г. и др., 2015). Его результаты содержат детальную информацию о каждой товарной партии, отобранной в соответствии со «случайным профилем риска» для углубленного таможенного контроля и информацию о результатах этого контроля.

Обозначим:

$W^0(t) = \{W_1^0(t), W_2^0(t), \dots, W_R^0(t)\}$ — множество товарных партий, импортированных за период времени $[0, t]$;

$W_r^0(t), r = 1, 2, \dots, R$ — множество партий товаров r -го вида, импортированных за период времени $[0, t]$;

$N_r^0(t)$ — общее количество партий товаров r -го вида, импортированных за период времени $[0, t]$ (мощность множества $W_r^0(t)$);

$Q(t) = \{Q_1(t), Q_2(t), \dots, Q_R(t)\}$ — множество импортированных за период времени $[0, t]$ товарных партий, в отношении которых в соответствии со «случайным профилем риска» проведены мероприятия углубленного таможенного контроля;

$Q_r(t), r = 1, 2, \dots, R$ — множество импортированных за период времени $[0, t]$ партий товаров r -го вида, подвергнутых углубленному таможенному контролю в соответствии со «случайным профилем риска»;

$N_r(t)$ — количество импортированных за период времени $[0, t]$ партий товаров r -го вида, в отношении которых в соответствии со «случайным профилем риска» проведены мероприятия углубленного таможенного контроля (мощность множества $Q_r(t)$);

C_k^r — требуемый объем таможенных платежей с k -й товарной партии из множества $Q_r(t)$;

C_k^* — объем таможенных платежей с k -й товарной партии из множества $Q_r(t)$, определяемый сведениями, заявленными в таможенной декларации.

Реальная информационная ситуация для прогнозирования объема и структуры «серого импорта» на прогнозный период $[t, t + T]$ исчерпывается знанием указанных величин для потока импорта в целом или потоков отдельных видов импортируемых товаров.

Наиболее подробный учет специфики перемещаемых через таможенную границу товаров при прогнозе объема и структуры «серого импорта» связан с отслеживанием объемов ввозных таможенных пошлин, налога на добавленную стоимость и акцизов для более 11000 видов товаров ($R > 11000$). Уменьшение степени детализации обеспечивается их отслеживанием на уровне субпозиций ($R = 5000$), товарных позиций ($R = 1200$), групп ($R = 97$), разделов ($R = 21$) ТН ВЭД ЕАЭС и импорта в целом ($R = 1$).

С учетом принятых обозначений, интенсивность поступления товарных партий в период времени $[0, t]$ характеризуется вектором

$$\Lambda(t) = \{\lambda_1(t), \lambda_2(t), \dots, \lambda_R(t)\}, \quad (1)$$

элементы которого определяются соотношением

$$\lambda_r = \frac{N_r(t)}{t}, r = 1, 2, \dots, R. \quad (2)$$

Ведем в рассмотрение случайные величины $Z_k^r(t)$, $0 \leq Z_k^r(t) < \infty$, $r = 1, 2, \dots, R$, $k = 1, 2, \dots, N_r(t)$, отражающие объем серого импорта при ввозе некоторой k -й товарной партии r -го ($r = 1, 2, \dots, R$) вида в прогнозный период времени $[t, t + T]$.

Тогда объем $Z^r(t)$ «серого импорта» при перемещении через таможенную границу за прогнозный период товаров r -го ($r = 1, 2, \dots, R$) вида определяется соотношением

$$Z^r(t) = \sum_{k=0}^{K_r(T)} Z_k^r(t), \quad (r = 1, 2, \dots, R), \quad (3)$$

где $K_r(T)$, — случайная величина, отражающая количество партий товаров r -го вида импортируемых за прогнозный период времени $[t, t + T]$.

Исходя из этого, задача моделирования состоит в конструктивном представлении соотношения (3), учитывающем реальную информационную ситуацию и позволяющем в близком к реальному масштабе времени прогнозировать структуру и объемы «серого импорта».

Структура модели

Поскольку информация о потоках импортируемых товаров исчерпывается знанием компонент вектора (1), то естественно полагать, что количество партий товаров r -го вида импортируемых за прогнозный период времени $[t, t + T]$ распределено по закону Пуассона

$$P[K_r(T) = n] = \frac{(\lambda_r T)^n}{n!} e^{-\lambda_r T}, \quad r = 1, 2, \dots, R, \quad n = 0, 1, 2, \dots, \quad (4)$$

где $P[K_r(T) = n]$ — вероятность того, что количество партий товаров r -го вида импортируемых за прогнозный период времени $[t, t + T]$ равно n .

Представление «серого импорта» в виде соотношения (3), имитирует реальный процесс его формирования и, следовательно, позволяет более адекватно, чем обычно применяемые регрессивные и экспертные модели, учесть имеющуюся информацию о «сером импорте» и тем самым повышает точность прогноза его объема и структуры. Вследствие случайности величин $Z_k^r(t)$, $r = 1, 2, \dots, R$ и $K_r(T)$, величины $Z^r(t)$ ($r = 1, 2, \dots, R$) также являются случайными. Наиболее полную информацию о случайной величине содержит функция ее распределения или функция плотности распределения (Анисимов В.Г., Анисимов Е.Г. и др., 2001). Следовательно, создание модели для прогнозирования объема и структуры «серого импорта» состоит в:

а) построении, на основе имеющейся информации, функций $f_k^r(z, t) = f^r(z, t)$ плотности распределения случайных величин $Z_k^r(t)$, [$r = 1, 2, \dots, R$, $k = 1, 2, \dots, N_r(t)$], отражающих объемы «серого импорта» при перемещении через таможенную границу каждой партии товаров r -го вида;

б) на их основе (п. а) с учетом формулы (3), функций $g^r(z, t)$ плотности распределения случайных величин $Z^r(t)$, ($r = 1, 2, \dots, R$), отражающих суммарные объемы «серого импорта» за период времени $[0, t]$ при перемещении через таможенную границу товаров r -го вида.

Исходную информацию для определения функций $f^r(z, t)$ ($r = 1, 2, \dots, R$) содержат сведения о результатах проведения мероприятий углубленного таможенного контроля для товарных партий из множества $Q(t) = \{Q_1(t), Q_2(t), \dots, Q_R(t)\}$. Эти результаты определяются соотношением:

$$Z_k^r(t) = C_k^r - C_k^{r*}, [r = 1, 2, \dots, R, k = 1, 2, \dots, N_r(t)]. \quad (5)$$

Их можно рассматривать как случайные выборки из генеральных совокупностей, отражающих объемы «серого импорта», присущие импортируемым товарам r -го вида.

Выбор метода построения функций $f^r(z, t)$ ($r = 1, 2, \dots, R$) на основе выборок (5) зависит от их объемов (мощностей $N_r(t)$, $r = 1, 2, \dots, R$). При этом возможны две ситуации:

мощности элементов множества $Q(t)$ достаточны для построения эмпирических функций $f^r(z, t)$ плотности распределения случайных величин $Z_k^r(t)$, [$r = 1, 2, \dots, R, k = 1, 2, \dots, N_r(t)$];

мощности выборок недостаточны для построения этих функций.

В рамках настоящей статьи авторы полагают, что мощности $N_r^2(t)$, $r = 1, 2, \dots, R$ этих выборок недостаточны для построения указанных функций. Это предположение вытекает из реализуемого в настоящее время принципа содействия внешнеторговой деятельности и сокращения в связи с его реализацией количества товарных партий, подвергаемых углубленному таможенному контролю (Ястребов О.А., Яковлев Ю.В., 2011). В такой ситуации для построения функции $f^r(z, t)$, $r = 1, 2, \dots, R$ целесообразно воспользоваться принципом минимизации домыслов (принципом максимума энтропии) (Анисимов В.Г., Анисимов Е.Г. и др., 2001). Он постулирует, что наименее сомнительным представлением вероятностей является то, которое максимизирует неопределенность (минимизирует домыслы) при учете всей имеющейся информации. Предположим, что в рассматриваемой информационной ситуации имеющаяся выборка позволяет определить для характеристики функции $f(z, t)$ такие параметры как средний объем и выборочную дисперсию объема «серого импорта» товарной партии из множества $Q(t)$.

Средний объем (выборочное среднее) «серого импорта», приходящийся на одну товарную партию из множества $Q_r(t)$

$$\bar{z}_r(t) = \frac{1}{N_r(t)} \sum_{k \in Q_r(t)} z_k^r, r = 1, 2, \dots, R, \quad (6)$$

где z_k^r — объем «серого импорта» соответствующий k -й товарной партии из множества $Q_r(t)$, определяемый соотношением (5).

Выборочная дисперсия для объема «серого импорта», приходящегося на одну товарную партию из множества $Q_r(t)$, определяется соотношением:

$$D_r(t) = \frac{\sum_{k \in Q_r(t)} [C_k^r(t) - \bar{z}_r(t)]^2}{N_r(t)}, \quad r = 1, 2, \dots, R. \quad (7)$$

Следовательно, информационная ситуация для определения функции распределения $f(z, t)$ исчерпывается знанием объема $N_r(t)$ случайной выборки выборочного среднего и выборочной дисперсии.

Тогда, приняв величину $\bar{z}_r(t)$ в качестве оценки математического ожидания, а величину $D_r(t)$ — в качестве оценки дисперсии объема «серого импорта», приходящегося на одну товарную партию, на основе принципа максимума энтропии получим следующую экстремальную задачу для определения функций $f^r(z, t)$, $r = 1, 2, \dots, R$:

$$H^r = - \int_{-\infty}^{\infty} f^r(z, t) \ln f^r(z, t) dz \xrightarrow{f^r(z, t)} \max; \quad (8)$$

$$\int_{-\infty}^{\infty} z f^r(z, t) dz = \bar{z}^r(t); \quad (9)$$

$$\int_{-\infty}^{\infty} f^r(z, t) dz = 1. \quad (10)$$

$$\int_{-\infty}^{\infty} [z - \bar{z}_r(t)]^2 f^r(z, t) dz = D_r(t), \quad r = 1, 2, \dots, R. \quad (11)$$

Ее решением является соответствующие функции [1, 4]:

$$f^r(z, t) = \frac{1}{\sqrt{2\pi D_r(t)}} e^{-\frac{[z - \bar{z}_r(t)]^2}{2D_r(t)}}, \quad r = 1, 2, \dots, R. \quad (12)$$

Следовательно, объемы «серого импорта» при перемещении каждой партии товаров r -го ($r = 1, 2, \dots, R$) вида имеют нормальное распределение. Исходя из этого, с учетом выражения (3), функции плотности распределения величин $Z^r(t)$, $r = 1, 2, \dots, R$ представляются как комбинации распределений случайных чисел $K_r(t)$, $r = 1, 2, \dots, R$ одинаково распределенных по нормальным законам случайных величин. Их построение может осуществляться на основе математического аппарата характеристических функций.

Характеристическая функция $\varphi_r(l)$ представляет собой преобразование Фурье—Стилтьеса плотности распределения и для функций (12) имеет вид [7, 1, 6]:

$$\varphi_r(l) = \int_{-\infty}^{\infty} e^{ilz_r(t)} f^r(z, t) dl = \int_{-\infty}^{\infty} e^{ilz_r(t)} \frac{1}{\sqrt{2\pi D_r(t)}} e^{-\frac{[z_r - \bar{z}_r(t)]^2}{2D_r(t)}} dl = e^{i\bar{z}_r(t) - \frac{l^2}{2} D_r(t)},$$

$$r = 1, 2, \dots, R. \quad (13)$$

На основе свойства мультипликативности характеристических функций, с учетом формул (4), (13) характеристические функции $v_r(l)$ величин $Z^r(t)$ ($r = 1, 2, \dots, R$) определяются соотношением:

$$v_r(l) = \sum_{n=0}^{\infty} \frac{(\lambda_r T)^n}{n!} e^{-\lambda_r T} \left[e^{i\bar{z}_r(t) - \frac{l^2}{2} D_r(t)} \right]^n, \quad r = 1, 2, \dots, R. \quad (14)$$

С учетом соотношения (14), на основе формулы обращения преобразования Фурье—Стилтьеса, функций $g^r(z, t)$, плотности распределения случайных величин $Z^r(t)$, ($r = 1, 2, \dots, R$), отражающих суммарные объемы «серого импорта» за период времени $[t, t + T]$ при перемещении через таможенную границу товаров r -го вида, определяются соотношением (15):

$$g^r(z, t) = \frac{1}{2\pi} \int_{-\infty}^{\infty} e^{-ilz} \sum_{n=0}^{\infty} \frac{(\lambda_r T)^n}{n!} e^{-\lambda_r T} \left[e^{i\bar{z}_r(t) - \frac{l^2}{2} D_r(t)} \right]^n dl, \quad r = 1, 2, \dots, R, \quad (15)$$

Конечность суммы в соотношении (13) позволяет заменить порядок операций интегрирования и суммирования. Следовательно,

$$g^r(z, t) = \frac{1}{2\pi} \sum_{n=0}^{\infty} \frac{(\lambda_r T)^n}{n!} e^{-\lambda_r T} \int_{-\infty}^{\infty} e^{-ilz} \left[e^{i\bar{z}_r(t) - \frac{l^2}{2} D_r(t)} \right]^n dl, \quad r = 1, 2, \dots, R. \quad (16)$$

Выполнив операцию интегрирования в формуле (14), получим:

$$g^r(z, t) = \sum_{n=0}^{\infty} \frac{(\lambda T)^n \sqrt{n\sigma}}{n!(1 - e^{-\lambda T}) \sqrt{2\pi}} \exp \left\{ -\frac{[z - n\bar{z}_r(t)]^2}{2n} \lambda T \right\}, \quad r = 1, 2, \dots, R. \quad (17)$$

Функции (17) с параметрами, определяемыми соотношениями (2), (6), (7), являются стохастической моделью для прогноза объемов «серого импорта» при перемещении товаров r -го вида через таможенную границу в рассмотренной информационной ситуации. Они содержит весь объем информации о возможном

объеме «серого импорта» за период $[t, t + T]$ (при $R = 1$) и его в той или иной мере детализированной структуре (при $R > 1$). Применение функций (17) позволяет определять вероятности получения тех или иных объемов «серого импорта», их ожидаемые объемы (математические ожидания) дисперсии и другие характеристики, необходимые для осуществления надежного прогноза объема и структуры «серого импорта». Результаты этого прогноза составляют основу формирования мер противодействия «серому импорту».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Анисимов В.Г., Анисимов Е.Г., Арсланов Р.Ф., Арсланова А.П., Богоева Е.М., Голоскоков В.И., Липатова Н.Г., Попов В.В., Сауренко Т.Н., Тебекин А.В.* Экономический и таможенный риск-менеджмент: монография. М.: РИО Российской таможенной академии, 2015. 180 с.
- Анисимов В.Г., Анисимов Е.Г., Богоева Е.М., Сауренко Т.Н., Гарькушев А.Ю.* Методологические основы построения показателей эффективности контрольной деятельности органов государственной власти // Вопросы оборонной техники. Серия 16: Технические средства противодействия терроризму. 2015. № 3-4. С. 17–20.
- Анисимов В.Г., Анисимов Е.Г., Коханова Н.М., Малькова А.Л.* Выбор структуры производственных функций на основе синтеза безальтернативных статистических гипотез // Вестник Российской таможенной академии. 2008. № 4. С. 74–79.
- Анисимов В.Г., Анисимов Е.Г., Мартыщенко Л.А., Шатохин Д.В.* Методы оперативного статистического анализа результатов выборочного контроля качества промышленной продукции. СПб.; Тула: Международная академия информатизации, 2001. 72 с.
- Анисимов Е.Г., Анисимов В.Г., Сауренко Т.Н.* Таможенная политика в системе национальной безопасности Российской Федерации // Вестник Российской таможенной академии. 2015. № 1 (30). С. 14–19.
- Анисимов Е.Г., Арсланов Р.Ф., Арсланова А.П., Афонин П.Н., Кожуханов Н.М., Липатова Н.Г., Попов В.В., Сомов Ю.И.* Теоретические основы применения системы управления рисками в таможенной службе Российской Федерации: научно-методическое пособие. М.: Изд-во Российской таможенной академии, 2015. 282 с.
- Ведерников Ю.В., Гарькушев А.Ю., Анисимов В.Г., Анисимов Е.Г., Сазыкин А.М.* Модели и алгоритмы интеллектуализации автоматизированного управления диверсификацией деятельности промышленного предприятия // Вопросы оборонной техники. Серия 16: Технические средства противодействия терроризму. 2014. № 5-6. С. 61–72.
- Лобас Е.В., Анисимов В.Г., Анисимов Е.Г., Быстров А.Г.* Метод оценивания обоснованности управленческих решений // Вестник Российской таможенной академии. 2008. № 2. С. 103–106.
- Ястребов О.А., Яковлев Ю.В.* Организация управления и размещения заказов в сложных проектах, реализуемых в форме государственно-частного партнерства // сб. «Экономика и управление в строительстве и жилищно-коммунальном хозяйстве: материалы круглого стола Межд. науч.-практич. конф. «Актуальные проблемы архитектуры и строительства», 20–21 декабря 2011 г. / под общ. ред. Е.Б. Смирнова. СПб.: СПбГАСУ, 2011. 90 с.
- Ястребов О.А., Яковлев Ю.В.* Организация и схема финансирования типового проекта государственно-частного партнерства // сб. «Экономика и управление в строительстве и жилищно-коммунальном хозяйстве: материалы круглого стола Межд. науч.-практич. конф. «Актуальные проблемы архитектуры и строительства», 20–21 декабря 2011 г. / под общ. ред. Е.Б. Смирнова. СПб.: СПбГАСУ, 2011. 90 с.

©Анисимов В.Г., Анисимов Е.Г., Гапов М.Р., Сауренко Т.Н., 2017

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 20 декабря 2016

Дата принятия к печати: 30 января 2017

Для цитирования:

Анисимов В.Г., Анисимов Е.Г., Гапов М.Р., Сауренко Т.Н. Модель для прогнозирования объема и структуры «серого импорта» // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика*. 2017. Т. 25. № 1. С. 63–73.

Сведения об авторах:

Анисимов Владимир Георгиевич, доктор технических наук, профессор кафедры информационных систем в экономике и менеджменте Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого. *Контактная информация:* e-mail: an-33@yandex.ru

Анисимов Евгений Георгиевич, доктор технических наук, профессор, директор НИИ РТА. *Контактная информация:* e-mail: an-33@rambler.ru

Гапов Мурат Романович, кандидат экономических наук, заместитель министра экономического развития Карачаево-Черкесской республики. *Контактная информация:* e-mail: mgapov@gmail.com

Сауренко Татьяна Николаевна, доктор экономических наук, заведующий кафедрой Таможенного дела Российского университета дружбы народов. *Контактная информация:* e-mail: tanya@saurenko.ru

MODEL FOR FORECASTING OF VOLUME AND STRUCTURE “GREY IMPORT”

V.G. Anisimov¹, E.G. Anisimov², M.R. Gapov³, T.N. Saurenko⁴

¹ Peter the Great St.Petersburg Polytechnic University
Polytechnic str., 29, St. Petersburg, Russia, 195251

² Russian customs academy
Komsomolsky Avenue, 4, Lyubertsy, Moscow Region, Russia, 140009

³ Ministry of Economic Development of Karachay-Cherkess Republic
Komsomolskaya str., 23, Cherkessk, Russia, 369000

⁴ Peoples' friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

Abstract. The revenues of the Federal budget of the Russian Federation to a significant extent, is formed at the expense of customs payments. Hence, in the case of large amounts of “gray import”, the state’s economy can be significantly affected. The performance measures against “gray import” depends on the timely and adequate prediction of its structure and volumes. This forecast assumes the availability of appropriate models. However, the currently known models do not provide the timeliness and adequacy of the forecast.

The article suggests a model for the current prediction of volume and structure of “gray import”. The model allowed stochastic representation of the “gray imports”, simulating the processes of its

formation. This simulation allows more adequately than the commonly used regression and expert models, considering available information about the “gray import” and thereby improves prediction accuracy its volume and structure. The information basis of the proposed model are data of the risk management system of the Federal customs service of the Russian Federation. The application of the proposed model allows near real-time to predict the structure and volume of “gray imports” and on this basis to develop the necessary measures to counter it.

Key words: “gray import”, the volume, structure, model, prediction, reaction

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Anisimov V.G., Anisimov Ye.G., Arslanov R.F., Arslanova A.P., Bogoeva Ye.M., Goloskokov V.I., Lipatova N.G., Popov V.V., Saurenko T.N., Tebekin A.V. *Ekonomicheskiy i tamozhenny riskmenenedzhment: monografiya.* M.: RIO Rossiyskoy tamozhennoy akademii, 2015. 180 s. (In Russ).
- Anisimov V.G., Anisimov Ye.G., Bogoeva Ye.M., Saurenko T.N., Garkushev A.Yu. *Metodologicheskie osnovy postroeniya pokazateley effektivnosti kontrolnoy deyatel'nosti organov gosudarstvennoy vlasti // Voprosy oboronnoy tekhniki. Seriya 16: Tekhnicheskie sredstva protivodeystviya terrorizmu.* 2015. № 3-4. S. 17–20. (In Russ).
- Anisimov V.G., Anisimov Ye.G., Kokhanova N.M., Malkova A.L. *Vybor struktury proizvodstvennykh funktsiy na osnove sinteza bezalternativnykh statisticheskikh gipotez // Vestnik Rossiyskoy tamozhennoy akademii.* 2008. № 4. S. 74–79. (In Russ).
- Anisimov V.G., Anisimov Ye.G., Martyshchenko L.A., Shatokhin D.V. *Metody operativnogo statisticheskogo analiza rezultatov vyborochnogo kontrolya kachestva promyshlennoy produktsii.* SPb.; Tula: Mezhdunarodnaya akademiya informatizatsii, 2001. 72 s. (In Russ).
- Anisimov Ye.G., Anisimov V.G., Saurenko T.N. *Tamozhennaya politika v sisteme natsionalnoy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii // Vestnik Rossiyskoy tamozhennoy akademii.* 2015. № 1 (30). S. 14–19. (In Russ).
- Anisimov Ye.G., Arslanov R.F., Arslanova A.P., Afonin P.N., Kozhukhanov N.M., Lipatova N.G., Popov V.V., Somov Yu.I. *Teoreticheskie osnovy primeneniya sistemy upravleniya riskami v tamozhennoy sluzhbe Rossiyskoy Federatsii: nauchno-metodicheskoe posobie.* M.: Izd-vo Rossiyskoy tamozhennoy akademii, 2015. 282 s. (In Russ).
- [Vedernikov Yu.V., Garkushev A.Yu., Anisimov V.G., Anisimov E.G., Sazykin A.M. *Modeli i algoritmy intellektualizatsii avtomatizirovannogo upravleniya diversifikatsiey deyatel'nosti promyshlennogo predpriyatiya // Voprosy oboronnoy tekhniki. Seriya 16: Tekhnicheskie sredstva protivodeystviya terrorizmu.* 2014. № 5-6. S. 61–72. (In Russ).
- Lobas E.V., Anisimov V.G., Anisimov E.G., Bystrov A.G., *Metod ocenivaniya obosnovannosti upravlencheskikh resheniy // Vestnik Rossiyskoy tamozhennoy akademii.* 2008. № 2. S. 103–106 (In Russ).
- Yastrebov O.A., Yakovlev Yu.V. *Organizatsiya upravleniya i razmescheniya zakazov v slozhnykh proektakh, realizuemykh v forme gosudarstvenno-chastnogo partnerstva // sb. «Ekonomika i upravlenie v stroitel'stve i zhilishchno-kommunalnom hozyaystve: materialy kruglogo stola Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii “Aktualnye problemy arkhitektury i stroitel'stva”», 20–21 dekabrya 2011 g. / pod obsch. red. E.B. Smirnova. SPb.: SPbGASU, 2011. 90 s. (In Russ).*
- Yastrebov O.A., Yakovlev Yu.V. *Organizatsiya i shema finansirovaniya tipovogo proekta gosudarstvenno-chastnogo partnerstva // sb. «Ekonomika i upravlenie v stroitel'stve i zhilishchno-kommunalnom hozyaystve: materialy kruglogo stola Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Aktualnye problemy arkhitektury i stroitel'stva»», 20–21 dekabrya 2011 g. / pod obsch. red. E.B. Smirnova. SPb.: SPbGASU, 2011. 90 s. (In Russ).*

Article history:

Received: 20 December 2016

Revised: 20 January 2017

Accepted: 30 January 2017

For citation:

Anisimov V.G., Anisimov E.G., Gapov M.R., Saurenko T.N. (2017) Model for Forecasting of Volume and Structure “Grey Import”. *RUDN Journal of Economics*, 25 (1), 63–73.

Bio Note:

Anisimov V.G., Doctor of Technical Sciences, Professor of the Department of Information Systems in Economics and Management, St. Petersburg Polytechnic University, Peter the Great. *Contact information:* e-mail: an-33@yandex.ru

Anisimov E.G., Doctor of technical sciences, Professor, Director of the Research Institute of the RTA. *Contact information:* e-mail: an-33@rambler.ru

Gapov M.R., Candidate of Economic Sciences, Deputy Minister of Economic Development of Karachay-Cherkess Republic. *Contact information:* e-mail: mgapov@gmail.com

Saurenko T.N., Doctor of Economics, Head of the Department of Customs at RUDN University. *Contact information:* e-mail: tanya@saurenko.ru

DOI 10.22363/2313-2329-2017-25-1-74-90

СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЙ ФУНДАМЕНТ И МЕТОДИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ ОЦЕНКИ ВЛАСТНОЙ АСИММЕТРИИ ТОВАРНОГО РЫНКА

С.В. Орехова, Е.В. Кислицын

Уральский государственный экономический университет
ул. 8 Марта, 62, Екатеринбург, Россия, 620000

Исследование направлено на уточнение и теоретико-методическую детализацию структурных элементов властной асимметрии товарного рынка.

На основе теории отраслевых рынков, неоинституционализма и теории организационных полей уточнено понятие товарного рынка, обосновано, что неравенство рыночных условий — родовый признак любой рыночной системы с ограниченной конкуренцией. Теоретическая модель исследования основана на научном обзоре подходов, изучающих категорию власти, терминологическом анализе понятий «доминирующее положение», «рыночная власть» и «переговорная сила», а также выявлении источников рыночного неравенства. В результате предложено авторское определение термина «властная асимметрия товарного рынка».

Научным результатом исследования также стал разработанный унифицированный методический инструментарий оценки властной асимметрии товарного рынка, включающий трехэтапную оценку возможности влияния одного из субъектов рынка на заинтересованных сторон.

Ключевые слова: товарный рынок, властная асимметрия, рыночная власть, методический инструментарий оценки властной асимметрии

Введение

Экономическая действительность демонстрирует существенную трансформацию глобальной и национальной (русской) отраслевой структуры, сопровождаемую масштабным перераспределением ресурсов.

В докладе Всемирного банка (World Bank Development Report, 2002) подчеркивается, что конкуренция одновременно и создает предпосылки институциональных изменений, и воздействует на результаты функционирования действующей институциональной структуры. Тот факт, что сегодня используются институциональные механизмы координации, свидетельствует о наличии у большинства рынков признаков властной асимметрии.

Согласно С.Б. Авдашевой (Авдашева С.Б., 2003), при анализе уровня конкуренции важно не столько количество предприятий в отрасли (так как оно зависит от минимального эффективного выпуска), сколько неравенство рыночных условий. В отечественной промышленности структура рынка зачастую представляет собой комфортные олигополии с менее напряженной конкуренцией, хорошими перспективами прибыльности и высокими значениями коэффициентов рыночной концентрации (Ложникова, 2010).

Более глубокое понимание самого процесса конкуренции предполагает оценку доступа к ресурсам на сопоставимых условиях, хозяйствование в одном институциональном поле. Неравномерность условий конкуренции приводит к получению дополнительных рент одними участниками рынка и снижению стимулов для инвестиций и эффективного использования ресурсов для других. Для государства неравенство рыночных условий связано с дополнительными издержками контроля и распределения.

Тем не менее, лишь в немногих работах делаются попытки раскрыть содержание термина «властная асимметрия», отсутствует единая методика расчета ее уровня. Согласно О.И. Уильямсону (Уильямсон О.И., 1996), основная проблема концепции власти заключается в том, что она столь нечетко определена, что само понятие экономической власти применяется для объяснения практически всего вокруг происходящего. В большинстве случаев авторы при попытке определить признаки неравенства (Наумов, 2011; Чайка, 2013; Карагезьян, 2016) ограничиваются лишь общими фразами и не учитывают множество неявных факторов.

Цель статьи заключается в исследовании властной асимметрии товарного рынка как с содержательно-понятийных, так и с методических позиций. Достижение обозначенной цели предполагает решение следующих взаимосвязанных научных задач:

- 1) терминологический анализ и уточнение категории «властная асимметрия товарного рынка»;
- 2) определение структурных элементов, обуславливающих содержание и уровень властной асимметрии товарного рынка;
- 3) разработку унифицированной методики расчета властной асимметрии на товарных рынках.

Развитие понятийно-терминологического аппарата властной асимметрии товарного рынка. Стандартная формулировка определяет власть как возможность субъекта оказывать воздействие на объект. Идея о необходимости концептуализации данного понятия была высказана Э. Голдменом еще в 1972 году (Ледяев, 2001). Теории, по мнению авторов, внесшие вклад в исследование рыночной власти предприятия, следующие (табл. 1).

Таблица 1

Обзор основных теорий, внесших вклад в исследование рыночной власти предприятия (Overview of the main theories that contributed to the study of the market power of the enterprise)

Основные теории	Основоположники	Особенности трактовки понятия «власть»
Теория трудовой стоимости	К. Маркс, Ф. Энгельс	Власть — одна из важнейших характеристик капитализма. Отождествление понятий «деньги», «власть», «собственность» и «государство». Взаимоотношение экономики и власти построено как отношения надстройки к базису (власть зависит от экономики, но не наоборот)
Теория отраслевых рынков	Э.С. Мэйсон, Дж. Бэйн, Дж. Стиглер	Рыночная власть означает способность продавца или покупателя влиять на цену товара. Чем больше цена предприятия отклоняется от предельных издержек, тем больше рыночная власть предприятия. Основным свидетельством рыночной власти являются полученная прибыль и величина доходности капитала предприятия

Окончание табл. 1

Основные теории	Основоположники	Особенности трактовки понятия «власть»
Теория информационной асимметрии	Дж. Акерлоф, Дж. Стиглиц, М. Спенс	Власть — следствие асимметрии информации, т.е. неравномерного распределения информации о товаре между сторонами сделки. Разграничиваются понятия «формальная» и «реальная» власть. В первом случае — это право принятия решений, во втором — действительный контроль
Теория неполных контрактов	А. Алчиан, Г. Демсец, О. Уильямсон	Передача полномочий принятия решения явным или неявным образом от одного агента или группы агентов к другим в результате простого соглашения или контракта. Власть определена нечетко, но само понятие применяется для объяснения практически всего вокруг происходящего
Теория прав собственности	Р. Коуз, А. Алчиан	Собственность и «пучок прав» на нее являются ключевым источником власти
Теория организационных полей	У. Пауэлл, П. Ди Маджио	Власть выступает как отношение, в котором одна из сторон обмена, именуемая доминирующей, имеет большие шансы для реализации своего интереса путём взаимодействия с другой стороной, называемой доминируемой
Теория социального обмена	Дж. Хоманс, Г. Блау	Устойчивая способность навязывать свою волю. Власть реализуется двумя способами: через принуждение или вознаграждение
Теория ресурсной зависимости	Дж. Саланчик, Дж. Пфеффер, Г. Олдрич	Власть определяется тем, насколько другие предприятия нуждаются в располагаемых им ресурсами и в какой степени ему удастся концентрировать контроль над этими ресурсами, гарантируя их поток и снижая неопределенность. Власть основана на ресурсной зависимости партнеров, которая проявляется также в относительной способности предприятия достигать поставленных целей в процессе обмена и более выгодно распределять добавленную стоимость
Теория заинтересованных сторон	М. Фримен	Власть — это способность заинтересованной стороны (стейкхолдера) влиять на принятие решений, распределение ресурсов и стратегию предприятия

Системное представление о функционировании товарного рынка возможно на основе объединения трех современных концепций: теории отраслевых рынков, неоинституциональной экономической теории и теории организационных полей.

В теории отраслевых рынков власть рассматривается не как характеристика системы, а как отклонение от системных правил, основным из которых является совершенная конкуренция. Когда речь идет о таких товарных рынках, предполагается, что количество участников рынка достаточно велико. Эта ситуация возможна только при отсутствии доминирования со стороны какого-либо предприятия, т.е. имеющей относительно большую долю на рынке, нежели другие. Если же у предприятия имеется возможность влиять на цены в целях получения собственной выгоды, то считается, что она обладает «рыночной властью» (Newbery, 1995). На товарных рынках с несовершенной конкуренцией имеется относительно небольшое количество игроков, обладающих рыночной властью. В связи с этим, каждое из предприятий пытается максимизировать свою прибыль путем повышения цены и посредством индивидуальных стратегических действий.

Институциональная экономика как наука весьма тесно перекликается с экономикой отраслевых рынков, поскольку последняя выявляет специфику пове-

дения контрагентов в зависимости от различных рыночных параметров (Орехова, 2015, с. 24). В то же время, отраслевой подход рассматривает только одну сторону рыночных отношений — совокупность предприятий, производящих близкие по потребительским свойствам продукты по сходным технологиям. В реальности, отрасль может работать на многих рынках, производить множество близких или независимых товаров.

В концепции неоинституционализма само признание институциональных ограничений неявно вводит власть в анализ социальных процессов. Действие власти ограничивается исследованием природы предприятия как рыночного института и внутрифирменного взаимодействия. Отправным моментом в направлении признания существования власти стала идея Коуза о иерархической структуре фирмы, которая есть «командная экономика в миниатюре» (Олейник, 2003). Она же породила дискуссию и значительный диапазон трактовок власти как характеристики предприятия и как экономической системы в целом. Спектр позиций здесь достаточно широк: от полного отрицания власти (Алчиан, 2003) до утверждений, что деятельность предприятия координируется структурой власти, а не рыночным обменом (Coase, 1937), или признания роли власти в экономике в целом (Gintis, 1986).

Понятие организационного поля намного богаче понятия отрасли, так как представляет собой пространство взаимного позиционирования участников, основанного на их статусной иерархии. Кроме того, анализ организационных полей распространяется на партнеров по обмену и включает институциональные устройства, вводимые государством (Радаев, 2011). Рынок, таким образом, представляет собой цепь последовательных актов обмена товарами, совершаемых продавцами и покупателями смежных организационных полей (Радаев, 2008).

Таким образом, современное представление о товарном рынке предполагает, что *неравенство является его родовым признаком, особенно когда речь идет о товарном рынке с ограниченной конкуренцией.*

Многообразие подходов к пониманию власти приводит к широкому списку дефиниций, определяющих неравенство на рынке. Наиболее распространенные среди них — «рыночная власть», «переговорная сила» и «доминирующее положение». Сравнительный терминологический анализ трактовок этих понятий, составленный автором, следующий (табл. 2).

Согласно работе (Радаев, 2011: 93), властная асимметрия — более широкая категория, чем доминирование, подразумевающая неравные возможности управления цепями поставок. Представляется, что используемый термин «властная асимметрия» требует большей детализации.

Авторами под властной асимметрией понимается такое состояние рынка, при котором одни экономические агенты обладают достаточно сильным влиянием в отношении всех заинтересованных сторон, включая государство, что могут устанавливать прямо или косвенно условия контрактов (институциональных соглашений).

Источники властной асимметрии с определенной долей условности можно подразделить на три группы (рис. 1).

Таблица 2

Сравнительный терминологический анализ трактовок экономических категорий «рыночная власть», «переговорная сила» и «доминирующее положение» (Comparative terminological analysis of interpretations of economic categories “market power”, “negotiating force” and “dominant position”)

Характеристики	Доминирующее положение	Рыночная (монопольная) власть	Переговорная сила
Определение	Способность компании в силу высокой доли рынка или иных структурных преимуществ определять или существенно влиять на прайс, по которым функционирует данный рынок. Положение хозяйствующего субъекта на рынке определенного товара, дающее такую хозяйствующему субъекту возможность оказывать решающее влияние на общие условия обращения товара на соответствующем товарном рынке и устранять с этого рынка других хозяйствующих субъектов, и (или) затруднять им доступ на этот товарный рынок	Установление цен выше предельных затрат (Тириоль, 2000). Степень, в которой предприятию удается концентрировать контроль над ресурсами и степень, в которой другие предприятия нуждаются в располагаемых им ресурсах (Pfeffer, 1978). Такие обстоятельства, при которых стратегия предприятия имеет или может иметь неблагоприятные последствия для общественного благосостояния (Landes, 1991). Использование крупным предприятием своей экономической мощи в целях претставления эффективной конкуренции на релевантном товарном рынке (White, 1999)	Способность покупателя перераспределять в свою пользу излишек поставщика. На рынке существует небольшое количество как покупателей, так и продавцов, и цена определяется по итогам двусторонних переговоров
Характерные признаки	Доля на рынке определенного товара превышает 50%, либо доминирующее положение установлено антимонопольным органом (неизменная доля хозяйствующего субъекта на рынке, возможность доступа на рынок новых конкурентов и др.) (№ 135-ФЗ от 26.07.2006)	Проявляется в повышении цены выше конкурентоспособного уровня, либо удержании предложения ниже уровня конкурентного спроса	Может уравновесить монопольную власть продавца и снизить цену ближе к конкурентному уровню
Результаты действия	Контроль над поведением других участников	Приводит к снижению цены в результате сокращения объема, к более высоким рыночным ценам и, как следствие, к более высокой прибыли от продажи товаров	Приводит к снижению цены в результате угрозы сокращения объема
Последствия для рынка	При злоупотреблении доминированием: нанесение ущерба другим участникам рынка, снижение общего уровня благосостояния	Наносит ущерб не только поставщикам, но и покупателям на рынке следующего периода	Последствия для общественного благосостояния не столь однозначны

Рис. 1. Источники властной асимметрии
(Figure 1. Sources of power asymmetry)

Первая группа источников определяется структурными характеристиками товарного рынка, которые могут сложиться исторически либо под влиянием макроэкономических шоков. Наличие институциональных источников властной асимметрии, как правило, является следствием селективной промышленной политики государства. Стратегические источники властной асимметрии напрямую зависят от действий и возможностей получения эффектов от масштаба и разнообразия крупнейших предприятий товарного рынка.

Наличие властной асимметрии чаще всего приводит к тому, что на рынке устанавливаются более длительные и устойчивые отношения (Hingley, 2005). Это связано с тем, что применение власти более сильной стороной воспринимается как приемлемое более слабым контрагентом (Brown, 1995). Таким образом, равно-

весное состояние товарного рынка, при котором каждой стороне выгодно сохранять текущее положение, может достигаться при разных соотношениях примеряемой рыночной власти.

Унифицированная методика определения властной асимметрии товарного рынка. За последние три десятилетия было разработано несколько различных подходов для оценки рыночного неравенства. В частности, в работах А. Дэвида и Ф. Вена (2001) обсуждаются четыре подхода:

1. Метод «цена — индекс рентабельности» — наиболее разумная техника теоретически, но не являющаяся эффективной практически. Это связано с тем, что предельные издержки предприятий зачастую являются конфиденциальной информацией, что делает невозможным проведение адекватного анализа.

2. Анализ концентрации доли рынка, основанный на расчетах индекса Херфиндаля—Хиршмана (ННН). Данный метод не имеет должной теоретической базы и поддерживается только «договорным правилом» (Falk, 1998). Кроме того, как обсуждалось некоторыми экономистами (Borenstern, 1995), расчет индекса Херфиндаля—Хиршмана часто считается нецелесообразным для использования, поскольку он не принимает во внимание эластичность спроса, что, в свою очередь, приводит к искажению результатов в олигополистической конкурентной среде. Кроме того, ННН не принимает во внимание структуру рынка, рыночные ограничения и несовершенства, затраты на транспортировку, а также баланс спроса и предложения.

3. Анализ методом моделирования включает ряд последовательных исследований, с помощью которых постепенно оценивается степень рыночной власти предприятий. Некоторые из этих исследований принимают во внимание исторические или статистические данные, но часто такие данные бывают ненадежными, обесценивая результаты анализа (David, 2001).

4. Олигополистический равновесный анализ — один из наиболее популярных методов оценки несовершенства товарных рынков. Исследования в этой области могут основываться как на чисто теоретических представлениях, так и на эконометрических и эмпирических моделях.

Для оценки уровня рыночной власти в экономической науке принято применять подход, основанный на сравнении показателей монополизации реального рынка с идеальным рынком совершенной конкуренции. Чем больше цена, устанавливаемая предприятием, отличается от предельных затрат, тем большую рыночную власть оно имеет и тем больше несовершенство рынка. Результатом наличия рыночной власти у предприятия является прибыль. В этой связи подавляющее большинство показателей монопольной власти связывают с показателем прибыльности деятельности предприятия и/или доходности капитала (Карагезьян, 2016).

Автором концепции воздействия концентрации на уровень рыночной власти является Дж. Бэйн (1968), чьи эмпирические исследования показали, что в отраслях с высокой концентрацией производства средняя прибыль значительно больше, чем у низкоконцентрированных. Коэффициент Бэйна позволяет рассчитать как среднеотраслевую норму экономической прибыли, так и ее величину

ну по отдельному предприятию (Bain, 1968). Он отражает совокупный эффект нескольких факторов, под воздействием которых дополнительная доходность инвестиций не уравнивается в долгосрочном периоде, что свидетельствует о наличии монопольной власти.

Вместе с тем, другие экономисты проявляли большую осторожность в своих выводах. Так, М. Ман (1966) считал, что более высокая концентрация соответствует большему по величине показателю рыночной власти только при наличии барьеров входа в рынок. Э. Линдбергер (1981) указывал, что увеличение размеров предприятия, связанное с его желанием достичь минимально эффективного выпуска, приводит к усилению концентрации, но одновременно к уменьшению цен и падению уровня монопольной власти. Кроме того, по оценкам М. Сэлинджера (1984) установлено, что деятельность мощных отраслевых профсоюзов, обладающих значительной властью на рынке труда, также приводит к перераспределению дохода в сторону работников, что снижает рыночную власть.

Сложности, связанные с расчетом коэффициента Бэйна, можно обойти при расчете коэффициента Тобина, при оценке которого используется рыночная стоимость активов. Однако в связи с отсутствием информации о рыночной капитализации всех предприятий отрасли и невозможности расчета восстановительной стоимости предприятий, отраслевая оценка коэффициента Тобина может быть осуществлена только по отдельным предприятиям отрасли.

Расчет других показателей монопольной власти, таких как коэффициент Лернера, показатель согласованности ценовой политики предприятий, коэффициент перекрестной эластичности спроса и условий входа на рынок, основаны на оценке взаимосвязи цены и предельных затрат посредством эластичности спроса по цене. Индекс Лернера способен показать не только силу взаимосвязи между показателями концентрации и монопольной властью, но и возможность ведения согласованной ценовой политики предприятиями отрасли, т.е. наличие между ними картельного сговора.

Авторами составлена характеристика показателей рыночной власти и их экономическая интерпретация (табл. 3).

Радаев В.В. (2011), базируясь на теории организационных полей, выделяет два механизма формирования властной асимметрии: структурный и интеракционный (конкурентных преимуществ). К показателям структурных позиций автором отнесены: уровень концентрации деятельности предприятия; доля продаж в своем сегменте рынка; количество товарных наименований, с которыми работает компания; количество организационных форм, в которых работают данные компании и др. Показатели сравнительных конкурентных преимуществ включают сравнительный уровень рентабельности смежных организационных полей, уровень конкуренции среди контрагентов по обмену и ряд др.

В работе Н.И. Ларионовой (2010) рассмотрены методы оценки рыночной власти, которые представляют собой расчет индексов концентрации (Херфиндаля—Хиршмана, остаточного предложения, маржи и др.). Аналогичные методы предлагает С.Б. Авдашева (2003), которые включают оценку показателей доминирования предприятия, барьеров входа в отрасль, объемов рынка и показателей монополизации фирмы.

Таблица 3

Показатели измерения властной асимметрии рынка и их экономическая интерпретация
(Indicators of measurement of power asymmetry of the market and their economic interpretation)

Показатель	Характеристика показателя	Экономическая интерпретация показателя, характеристика типа рынка	
		Прямые показатели	
Индекс Лернера L	Показывает разницу в ценах конкурентного и неконкурентного рынка по отношению к конкурентной цене	Измеряется в пределах от 0 до 1. Чем ниже значение показателя, тем сильнее степень влияния предприятия на рынке и слабее конкуренция: $L = 0$ — рынок совершенной конкуренции, рыночная власть предприятия отсутствует; $L = 0,1—0,2$ — рынок работающей конкуренции; $L = 0,3—0,5$ — рынок монополистической конкуренции; $L = 0,6—0,8$ — олигополистический рынок; $L = 0,8—0,9$ — рынок с доминирующим предприятием; $L = 0,9—1$ — монопольный рынок	
Индекс Тобина q	Показывает отношение рыночной стоимости активов предприятия к внутренней стоимости активов	Не имеет ограничения в размере. Чем выше значение показателя, тем сильнее степень влияния предприятия на рынке и слабее конкуренция: $q = 1$ — рыночная и внутренняя стоимость активов предприятия уравновешены конкурентным рынком; $q > 1$ — уровень прибыльности предприятия выше, чем необходимо для его удержания на рынке, рыночная власть высока; $q < 1$ — уровень прибыльности предприятия недостаточен для его удержания на рынке, рыночная власть незначительна или отсутствует	
Индекс Бейна (норма доходности) $г$	Характеризует эффективность использования денежной единицы инвестиций предприятия на рынке	Не имеет ограничения в размере. Сравнивается с нормой доходности на конкурентном рынке. Чем выше значение показателя, тем сильнее степень влияния предприятия и слабее конкуренция	
		Косвенные показатели	
Индекс концентрации CRk	Характеризует сумму рыночных долей крупнейших продавцов на рынке	Измеряется в пределах от 0 до 1. Чем больше значение показателя, тем сильнее рыночная власть крупнейших предприятий, сильнее степень концентрации на рынке и слабее конкуренция: $CRk < 45\%$ — рынок неконцентрированный; $CRk = 45—70\%$ — рынок умеренно концентрированный; $CRk > 70\%$ — рынок высококонцентрированный	
Индекс Херфиндала — Хиршмана HHI	Показывает сумму квадратов рыночных долей всех предприятий, действующих на рынке	Измеряется в пределах от 0 до 1. Чем ниже значение показателя, тем сильнее конкуренция, меньше концентрация и слабее рыночная власть предприятия.	

Коэффициент относительной концентрации K	Показывает отношение долей крупнейших предприятий на рынке в общей сумме предприятий к долям продукции этих предприятий в общем объеме выпускаемой или продаваемой продукции	Не имеет ограничения в размере. Чем ниже значение показателя, тем сильнее степень влияния предприятия на рынок и слабее конкуренция: $K > 1$ — рынок конкурентный, концентрация отсутствует, рыночная власть предприятия незначительна; $K < 1$ — высокая степень концентрации, рыночная власть предприятия высока
Коэффициент энтропии E	Характеризует долю предприятия на рынке и степень экономической неопределенности предприятия на рынке	Измеряется в пределах от 0 до 1. Чем выше значение показателя, тем ниже уровень концентрации и рыночной власти предприятия, более конкурентный рынок
Коэффициент Джини G	Показывает отношение кумулятивного процента размера рынка (отрасли) к кумулятивному проценту количества предприятий на рынке	Измеряется в пределах от 0 до 1. Чем больше значение показателя, тем выше уровень рыночной власти предприятия, тем менее конкурентный рынок: $G = 1$ — на одно предприятие приходится весь объем выпуска продукции на рынке; $G = 0$ — каждое предприятие производит одинаковый процент выпуска продукции на рынке
Индекс Холла—Тайдмана HT	Определяется на основе сопоставления рангов предприятий рынка. Ранжирует предприятия по степени значимости.	Измеряется в пределах от $1/N$ до 1, где N — число предприятий в отрасли. Чем меньше значение показателя, тем сильнее конкуренция, меньше концентрация и слабее рыночная власть предприятия
Дисперсия рыночных долей	Определяется как отклонение рыночных долей предприятий рынка от среднего размера компании. Характеризует возможную рыночную власть предприятий через неравенство их размеров.	Не имеет ограничения в размере. Чем больше значение дисперсии, тем более концентрированным является рынок, тем слабее конкуренция и сильнее власть крупных предприятий на рынке
Индекс Линда L	Определяет относительную силу воздействия ведущих предприятий рынка по сравнению с прочими крупными и мелкими предприятиями	Измеряется в пределах от 1 до бесконечности. Если $L = 1$, то все крупные предприятия имеют равные рыночные доли. Большее значение индекса свидетельствует о большей концентрации предприятий на рынке
Индекс Ротшильда R	Показывает отношение эластичностей кривой спроса продуктового класса и кривой индивидуального спроса предприятия	Измеряется в пределах от 1 до бесконечности. Если $R = 1$, то предприятие не обладает рыночной властью. Чем больше индекс, тем больше рыночная власть предприятия
Индекс Ханна—Кэя HK	Обобщенный индекс Херфиндаля—Хиршмана.	Если HK равен числу предприятий на рынке, то все предприятия имеют одинаковую рыночную власть

Поскольку в рыночном обмене могут участвовать различные заинтересованные стороны, то целесообразно выделить три основных компонента властной асимметрии товарного рынка: рыночная власть на отраслевом рынке (структурная асимметрия), рыночная власть на смежных рынках (интеракционная асимметрия) и уровень переговорной силы при взаимодействии предприятия и государства (институциональной среды). Алгоритм методики определения властной асимметрии товарного рынка, составленный авторами, следующий (рис. 2).

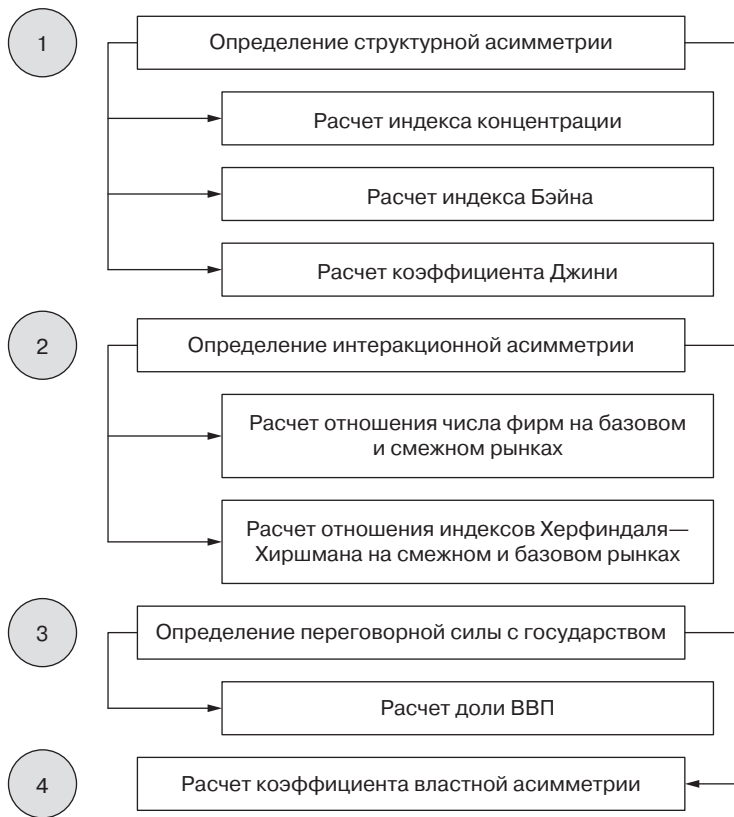

Рис. 2. Алгоритм методики определения властной асимметрии товарного рынка
(Figure 2. Algorithm of the methodology for determining the power asymmetry of the commodity market)

Основываясь на теории отраслевых рынков, введем коэффициент структурной асимметрии k_{CA} , который будет основан на индексах концентрации, Бэйна и коэффициенте Джини

$$k_{CA} = \frac{k_{CR} + k_B + k_G}{6}, \quad (1)$$

где k_{CR} — показатель уровня власти, основанный на индексе концентрации рынка, балл; k_B — показатель уровня власти, основанный на индексе Бэйна, балл; k_G — показатель уровня власти, основанный на коэффициенте Джини, балл.

Для расчета коэффициента структурной асимметрии необходимо рассчитать скалярные индексы, воспользовавшись (табл. 4). Каждый такой индекс варьиру-

ется от 0 до 2. Чем больше значение индекса, тем выше уровень властной асимметрии.

Второй составляющей властной асимметрии служит коэффициент интеракционной асимметрии $k_{ИА}$. Логика данного показателя такова: если на отраслевом рынке количество предприятий значительно меньше, чем на смежном, значит, на отраслевом рынке присутствует властная асимметрия:

$$k_{ИА} = \frac{k_{\Phi} + k_{К}}{4}, \quad (2)$$

где k_{Φ} — отношение числа предприятий на смежном рынке к числу предприятий на отраслевом рынке, балл; $k_{К}$ — отношение индексов Херфиндаля—Хиршмана на смежном и отраслевом рынках, балл.

Третьей составляющей оценка властной асимметрии является оценка уровня переговорной силы с государством. Логика конструирования данного показателя исходит из следующих теоретических предпосылок: чем больше доля отрасли в ВВП страны, тем большее влияние (лоббирование своих интересов) может оказать предприятие этой отрасли на формирование институциональной среды:

$$k_{ПСГ} = \frac{k_{ВВП}}{2}, \quad (3)$$

где $k_{ВВП}$ — доля отрасли в ВВП страны, балл.

Как было отмечено ранее, для сопоставимости используемых показателей необходим перевод результатов расчетов в скалярные индексы (табл. 4).

Таблица 4

Шкала расчета коэффициентов властной асимметрии
(Scale of calculation of power asymmetry coefficients)

Коэффициент	Базовый коэффициент	Шкала оценки				
		0	0,5	1	1,5	2
Показатели структурной асимметрии						
$k_{СР}$	Индекс концентрации	< 0,1	0,1—0,45	0,45—0,7	0,7—0,9	0,9—1
$k_{В}$	Индекс Бэйна	< 0,1	0,1—1	1—5	5—10	> 10
k_{G}	Коэффициент Джини	< 0,1	0,1—0,3	0,3—0,5	0,5—0,75	0,75—1
Показатели интеракционной асимметрии						
k_{Φ}	Отношение числа предприятий на смежном рынке к числу предприятий на базовом	0—0,2	0,2—0,85	0,85—1,15	1,15—3	> 3
$k_{К}$	Отношение индексов Херфиндаля-Хиршмана смежного рынка к базовому	> 80	5—80	0,9—5	0,2—0,9	< 0,2
Показатели переговорной силы с государством						
$k_{ВВП}$	Доля отрасли в ВВП страны	< 0,1%	0,1—3	3—6	6—9	> 9%

Обобщение полученных результатов позволяет определить интегральный коэффициент властной асимметрии, который является мультипликативным:

$$K_{ВА} = k_{СА} \cdot k_{ИА} \cdot k_{ПСГ}. \quad (4)$$

Коэффициент властной асимметрии представляет собой вещественное неотрицательное число, варьирующиеся от 0 до 1. Если $K_{ВА}$ близок к нулю, значит, властная асимметрия на рынке практически отсутствует. Случай, когда $K_{ВА}$ близок к 1, иллюстрирует наличие сильной властной асимметрии.

Заключение

Исследование властной асимметрии товарных рынков позволило получить ряд важных научных результатов, среди которых:

1) расширение представлений о содержании, источниках и структурных элементах властной асимметрии товарного рынка. Отличительной особенностью авторской трактовки властной асимметрии является систематизация различных направлений власти предприятия в отношении всех заинтересованных сторон. В отличие от имеющихся в литературе количественных подходов к измерению рыночного неравенства, авторами предложен основательный теоретический качественный анализ понятий и терминов, составляющих основу властной асимметрии товарного рынка;

2) на основе классификации структуры заинтересованных сторон и анализа базовых методик расчета, авторами предложен алгоритм оценки властной асимметрии товарного рынка. Предлагаемый методический инструментарий учитывает объективно значимые критерии ведения бизнеса в отрасли. Каждый частный показатель базируется на официальной информации, которая находится в открытом доступе и может быть перепроверена экспертным сообществом. Исключение из существующего массива измерителей сомнительных и избыточных показателей с сохранением лишь самых важных и репрезентативных статистических агрегатов сильно ограничивает их поле, однако обеспечивает объективность оценки, и, следовательно, повышает доверие к предлагаемой методике.

Представленная методика позволит в дальнейших исследованиях проводить эмпирический анализ институционального взаимодействия субъектов товарных рынков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- О защите конкуренции: федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ в ред. от 03.07.2016 [Электронный ресурс]. Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61763/
- Авдашева С.Б.* Количество против качества экономического роста: эффективность использования ресурсов в российской промышленности в 1997—2001 гг. // *Российский журнал менеджмента*. 2003. № 2. С. 51—78.
- Алчиан А., Демсец Г.* Производство, стоимость информации и экономическая организация // *Вехи экономической мысли*. Т. 5: Теория отраслевых рынков. 2003. С. 280—317.
- Карагезьян У.В.* Властная асимметрия и неконкурентное поведение фирм на потребительских рынках // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика, экология*. 2016. № 1(34). С. 26—31.
- Ларионова Н.И., Рехлицкая Я.С.* Рыночная власть и методы ее оценки // *Вестник МарГТУ*. 2010. № 3. С. 33—40.

- Ледяев В.Г.* Власть: концептуальный анализ. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. 384 с.
- Ложникова А.В.* Феномен рентабельности в рентной экономике // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 339. С. 123—126.
- Наумов В.Н.* Рыночная власть как инструмент управления каналами сбыта // Управление каналами дистрибуции. 2011. № 1. С. 30—43.
- Олейник А.Н.* Конституция российского рынка: согласие на основе пессимизма // СОЦИС. 2003. № 9. С. 30—41.
- Орехова С.В.* Методологические основы определения институциональной сложности рынка // Управленец. 2015. № 4(56). С. 24—35.
- Радаев В.В.* Современные экономико-социологические концепции рынка / В книге: Анализ рынков с современной экономической социологии: пер. с англ. / Гос. ун-т — Высшая школа экономики; отв. ред. В.В. Радаев, М.С. Добрякова. 2-е изд. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008.
- Радаев В.В.* Кому принадлежит власть на потребительских рынках: отношения розничных сетей и поставщиков в современной России. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 2011.
- Тироль Ж.* Рынки и рыночная власть: Теория организации промышленности: в 2 т. Т. 2. СПб.: Экономическая школа, 2000.
- Уильямсон О.И.* Экономические институты капитализма. СПб.: Лениздат, 1996.
- Чайка А.И.* Рост торговых сетей как фактор усиления властной асимметрии в системе товародвижения потребительского рынка // Инженерный вестник Дона. 2013. Т. 25. № 2. С. 2.
- Bain J.S.* *Industrial Organization*, 2nd edn. New York: John Wiley, 1968.
- Borenstein S., Bushnell J., Kahn E., Stoft S.* Market power in California electricity markets. Utilities Policy, 1995.
- Brown J., Lusch R., Nicholson C.* Power and Relationship Commitment: Their Impact on Marketing Channel Member Performance // Journal of Retailing. 1995. No. 71 (4). P. 363—392.
- Coase R.* The Nature of the Firm // *Economica*. 1937. Vol. 4. No. 16. P. 386—405.
- David A.K., Wen F.* Market power in electricity supply // IEEE Transactions on Power Systems. 2001. No. 16 (4). P. 352—360.
- Falk J.* Determining market power in deregulated generation markets by measuring price — cost margins. The Electricity Journal 1998; 11 (6): 44—50.
- Gintis H., Bowles S.* Democracy and capitalism: property, community, and the contradictions of modern social thought. New York, 1986.
- Hingley M.K.* Power to All Our Friends? Living with Imbalance in Supplier — Retailer Relationships // Industrial Marketing Management. 2005. No. 34. P. 848—858.
- Landes W.M.* Market Power in Antitrust Cases // Harvard Law Review. 1991. No. 5. P. 35—54.
- Lindenberg E.* Tobin's q Ratio and Industrial Organization // Journal of Business. 1981. No. 54. P. 1—32.
- Mann M.* Seller concentration, barriers to entry and rate of return in thirty industries, 1950—1960 // Rev. Econ. Statist. 1966. Vol. 48. P. 300.
- Newbery D.M.* Power markets and market power // Energy Journal. 1995. No. 16 (3). P. 41—66.
- Pfeffer J., Salancik G.* The External Control of Organizations: A Resource Dependence Perspective. Harper and Row: N.Y., 1978.

Salinger M.A. Tobin's q , Unionization, and the Concentration-Profits Relationship // *The Rand Journal of Economics*. 1984. No. 15. P. 159—170.

White L.J. A Market Definition Paradigm for Monopolization Cases // Working paper, Stern School of Business. 1999. No. 3. P. 34—49.

© Орехова С.В., Кислицын Е.В., 2017

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 17 декабря 2016

Дата принятия к печати: 28 января 2017

Для цитирования:

Орехова С.В., Кислицын Е.В. Содержательный фундамент и методический инструментарий оценки властной асимметрии товарного рынка // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2017. Т. 25. № 1. С. 74—90.

Сведения об авторах:

Орехова Светлана Владимировна, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики предприятий Уральского государственного экономического университета. *Контактная информация:* e-mail: bentarask@list.ru

Кислицын Евгений Витальевич, старший преподаватель кафедры статистики, эконометрики и информатики Уральского государственного экономического университета. *Контактная информация:* e-mail: kev@usue.ru

THEORETICAL FOUNDATION AND METHODS FOR ASSESSMENT COMMODITY MARKET POWER ASYMMETRY

S.V. Orekhova, E.V. Kislitsyn

Ural State University of Economics
8 Marta str., 62, Yekaterinburg, Russia, 620000

Abstract. The study aims to clarify the theoretical and methodological details of the commodity market power asymmetry structure.

Based on the Industrial Markets Theory, Neoinstitutional Economic Theory and Organizational Field Theory we clarified the concept of the commodity market. Also we proved that inequality in market conditions is a generic feature of any market system with limited competition. The theoretical model of research bases on a scientific review of approaches. We did the terminological analysis of categories “dominant position”, “market power” and “bargaining power”, as well as the identification of the market inequality sources. As a result we suggested the definition “power asymmetry of the commodity market.”

The main research result is developing an unified method for assessing of the commodity market power asymmetry. This method includes a three-step assessment of an influence one of the market participant on all stakeholders.

Key words: power asymmetry, industrial organization, method of power asymmetry assessment, commodity market

REFERENCES

- On the protection of competition: Federal law of 26.07.2006 N 135-FZ in ed. from 03.07.2016. (In Russ).
- Avdasheva S.B. Kolichestvo protiv kachestva ekonomicheskogo rosta: effektivnost' ispol'zovaniya resursov v rossiyskoy promyshlennosti v 1997—2001 // *Rossiyskiy zhurnal menedzhmenta*. 2003. № 2. P. 51—78. (In Russ).
- Alchan A., Demsec G. Proizvodstvo, stoisimost' informacii i ekonomicheskaya organizaciya // *Vehi ekonomicheskoy mysli*. Vol. 5: Theory of branch markets. 2003. P. 280—317. (In Russ).
- Karagezyan U.V. Vlastnaya asimmetriya i nekonkurentnoe povedenie firm na potrebitel'skih rynkah // *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seria 3: Ekonomika, ekologiya. 2016. № 1(34). P. 26—31. (In Russ).
- Larionova N.I., Rehlickaya Ya.S. Rynohnaya vlast' i metody ee ocenki // *Vestnik MarGTU*. 2010. № 3. P. 33—40. (In Russ).
- Ledyayev V.G. Vlast': konceptual'ny analiz. Moscow: Encyclopedia of Russian political, 2001. (In Russ).
- Lozhnikova A.V. Fenomen rentabel'nosti v rentnoy ekonomike // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2010. № 339. P. 123—126. (In Russ).
- Naumov V.N. Rynohnaya vlast' kak instrument upravleniya kanalami sbyta. Upravlenie kanalami distribucii. 2011. № 1. P. 30—43. (In Russ).
- Oleynik A.N. Konstituciya rossiyskogo rynka: soglasie na osnove pessimizma. *SOCIS*. 2003. № 9. P. 30—41. (In Russ).
- Orekhova S.V. Metodologicheskie osnovy opredeleniya institucional'noy slozhnosti rynka. *Upravlenets*. 2015. № 4(56). P. 24—35. (In Russ).
- Radaev V.V. Sovremennye ekonomiko-sociologicheskie koncepcii rynka. In: Radaev V.V., Dobryakova M.S., editors. *The analysis of markets in modern economic sociology*. Moscow: Publishing house state University higher school of Economics, 2008. (In Russ).
- Radaev V.V. Komu prinadlezhit vlast' na potrebitel'skih rynkah: otnosheniya roznichnyh sete' i postavshchikov v sovremenno' Rossii. Moscow: Publishing house state University higher school of Economics, 2011. (In Russ).
- Tirol Zh. Rynki i rynohnaya vlast': Teoriya organizacii promyshlennosti. St. Petersburg: Economic School, 2000. (In Russ).
- Williamson O.I. *Ekonomicheskie instituty kapitalizma*. St. Petersburg: Lenizdat, 1996.
- Chaika A.I. Rost torgovyh setey kak faktor usileniya vlastnoy asimmetrii v sisteme tovarodvizheniya potrebitel'skogo rynka. *Inzhenerny vestnik Dona*. 2013. Vol. 25. № 2. P. 2. (In Russ).
- Bain J.S. *Industrial Organization*, 2nd edn. New York: John Wiley, 1968.
- Borenstein S., Bushnell J., Kahn E., Stoff S. Market power in California electricity markets. *Utilities Policy*, 1995.
- Brown J., Lusch R., Nicholson C. Power and Relationship Commitment: Their Impact on Marketing Channel Member Performance // *Journal of Retailing*. 1995. No. 71 (4). P. 363—392.
- Coase R. The Nature of the Firm // *Economica*. 1937. Vol. 4. No. 16. P. 386—405.
- David A.K., Wen F. Market power in electricity supply // *IEEE Transactions on Power Systems*. 2001. No. 16 (4). P. 352—360.
- Falk J. Determining market power in deregulated generation markets by measuring price — cost margins. *The Electricity Journal* 1998; 11 (6): 44—50.

- Gintis H., Bowles S. *Democracy and capitalism: property, community, and the contradictions of modern social thought*. New York, 1986.
- Hingley M.K. Power to All Our Friends? Living with Imbalance in Supplier — Retailer Relationships // *Industrial Marketing Management*. 2005. No. 34. P. 848—858.
- Landes W.M. Market Power in Antitrust Cases // *Harvard Law Review*. 1991. No. 5. P. 35—54.
- Lindenberg E. Tobin's q Ratio and Industrial Organization // *Journal of Business*. 1981. No. 54. P. 1—32.
- Mann M. Seller concentration, barriers to entry and rate of return in thirty industries, 1950—1960 // *Rev. Econ. Statist.* 1966. Vol. 48. P. 300.
- Newbery D.M. Power markets and market power // *Energy Journal*. 1995. No. 16 (3). P. 41—66.
- Pfeffer J., Salancik G. *The External Control of Organizations: A Resource Dependence Perspective*. Harper and Row: N.Y., 1978.
- Salinger M.A. Tobin's q, Unionization, and the Concentration-Profits Relationship // *The Rand Journal of Economics*. 1984. No. 15. P. 159—170.
- White L.J. A Market Definition Paradigm for Monopolization Cases // Working paper, Stern School of Business. 1999. No. 3. P. 34—49.

Article history:

Received: 17 December 2016

Revised: 20 January 2017

Accepted: 28 January 2017

For citation:

Orekhova S.V., Kislitsyn E.V. (2017) Theoretical Foundation and Methods for Assessment Commodity Market Power Asymmetry. *RUDN Journal of Economics*, 25 (1), 74—90.

Bio Note:

Orekhova S.V., Candidate of sciences (Economics), associate professor of the department of business economics at Ural State University of Economics. *Contact information*: e-mail: bentarask@list.ru

Kislitsyn E.V., Senior lecturer of the Department of Statistics, Econometrics and Informatics at Ural State University of Economics. *Contact information*: e-mail: kev@usue.ru

DOI 10.22363/2313-2329-2017-25-1-91-101

ИССЛЕДОВАНИЕ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ВНЕШНЕТОРГОВЫХ ЦЕН С ПРИМЕНЕНИЕМ ДИСПЕРСИОННОГО АНАЛИЗА

М.Б. Худжатов

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Макляя, 6, Москва, Россия, 117198

В работе рассматривается методический подход по исследованию внешнеторговых цен на товары с применением дисперсионного анализа. В настоящее время одна из проблем, связанных с уклонением организаций от уплаты таможенных платежей — занижение стоимости товаров, которые перемещаются через таможенную границу Евразийского экономического союза (ЕАЭС). По этой причине контроль со стороны таможенных органов внешнеторговых цен на товары служит одним из методов обеспечения экономической безопасности Российской Федерации как лидера ЕАЭС. Поскольку в процессе таможенного оформления товарных партий таможенные органы РФ имеют значительные трудности с контролем достоверности заявленной стоимости товаров, возникает необходимость применения математико-статистических методов анализа ценовой информации. На основании изложенного в работе предлагается применять в целях исследования внешнеторговых цен на товары многофакторный дисперсионный анализ.

Ключевые слова: таможенная стоимость, таможенные платежи, дисперсионный анализ, внешнеэкономическая деятельность, товар

Введение

На современном этапе развития экономики Российской Федерации важнейшую роль играют таможенные платежи, доля которых в структуре доходов консолидированного бюджета РФ составляет 19% (рис. 1).

В соответствии со ст. 70 Таможенного кодекса Таможенного союза к таможенным платежам относятся¹:

- 1) ввозная таможенная пошлина;
- 2) вывозная таможенная пошлина;
- 3) налог на добавленную стоимость, взимаемый при ввозе товаров на таможенную территорию ЕАЭС;
- 4) акциз (акцизы), взимаемый (взимаемые) при ввозе товаров на таможенную территорию ЕАЭС;
- 5) таможенные сборы.

При этом в большинстве случаев таможенные платежи взимаются по адвалорным ставкам, когда базой для исчисления их сумм служит таможенная стоимость

¹ Таможенный кодекс Таможенного союза (приложение к Договору о Таможенном кодексе Таможенного союза, принятому Решением Межгосударственного Совета ЕврАзЭС на уровне глав государств от 27.11.2009 г. № 17) // СЗ РФ, 2010, № 50, ст. 6615.

товаров. В свою очередь таможенная стоимость определяется по цене сделки с товарами, которые перемещаются через таможенную границу ЕАЭС. По этой причине таможенные органы уделяют пристальное внимание стоимостным показателям внешнеторговых сделок, а именно ценовой информации о товарах (Худжатов, 2016).

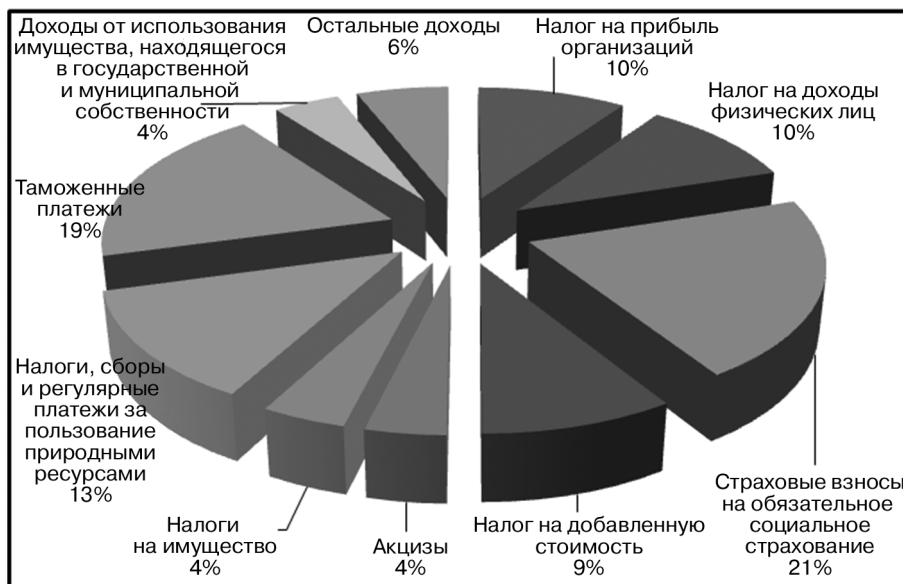

Рис. 1. Структура доходов консолидированного бюджета РФ в 2015 г.
(Figure 1. Structure of revenues of the consolidated budget of the Russian Federation in 2015)

Источник: информационный портал Министерства финансов РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://minfin.ru/> (дата обращения: 14.01.2017).

Поскольку товары, перемещаемые через таможенную границу ЕАЭС, подлежат обязательному таможенному декларированию, ценовую информацию можно исследовать по базам данных деклараций на товары (ДТ) (Худжатов, 2016). Учитывая тот факт, что база данных электронных копий ДТ за ряд лет представляет собой совокупность сотен тысяч ДТ, применение математических методов обработки есть основополагающее условие продуктивной работы. Для более детального анализа при контроле таможенной стоимости после выпуска товаров целесообразно применять дисперсионный анализ.

Описание дисперсионного анализа

На практике дисперсионный анализ применяют, чтобы установить, оказывает ли существенное влияние некоторый качественный фактор F на изучаемую величину X . Конкретная реализация фактора, например, применяемая ставка таможенной пошлины, называется уровнем фактора. В дисперсионном анализе изучается влияние факторов, имеющих ограниченное число уровней (Глаголева Н.Н., 2014).

Основная идея дисперсионного анализа состоит в сравнении «факторной дисперсии», порождаемой воздействием фактора, и «остаточной дисперсии», обу-

словленной случайными причинами. Если различие между этими дисперсиями значимо, то фактор оказывает существенное влияние на X ; в этом случае средние наблюдаемых значений на каждом уровне (групповые средние) различаются также значимо (Терехов В.А., 2013).

Простейшим случаем дисперсионного анализа является однофакторный анализ, когда на X воздействует только один фактор. В более сложных случаях исследуют воздействие нескольких факторов на нескольких постоянных или случайных уровнях и выясняют влияние отдельных уровней и их комбинаций (многофакторный анализ).

В анализе дифференциации внешнеторговых цен ключевую роль играют группировки. Система показателей и признаков таможенной статистики внешней торговли позволяет осуществлять группировки по направлениям товарных потоков, периоду поставки партии товара, товарам, странам-контрагентам, участникам ВЭД, регионам, таможенным процедурам. Построение группировок следует осуществлять по тем признакам, которые могут рассматриваться в качестве факторов, предположительно влияющих на уровень цен товара (Беляева Е.Н., 2011).

Группировки могут осуществляться как по каждому признаку отдельно (простые группировки), так и в различных их сочетаниях (комбинированные или сложные группировки). Простые группировки позволяют получить однозначные и легко интерпретируемые результаты о причинах дифференциации цен.

Использование сложных группировок имеет то преимущество, что позволяет оценивать влияние факторов с учетом причинных связей между ними, например, существует зависимость между страной — импортером товара и качественными характеристиками этого товара, которые могут находить отражение в коде Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза (ТН ВЭД ЕАЭС) (а могут и не находить), а в конечном счете влияют на цену товара. В простых группировках такая причинная связь не проявляет себя и «растворяется» во влиянии каждого отдельного факторного признака.

В качестве факторных признаков при построении простых группировок рассматривают:

- код товара (внутри товарной группы);
- страны-экспортеры;
- период поставки (квартал);
- регионы и таможенные органы (РТУ, таможни, посты);
- таможенные процедуры.

В дальнейшем, при проведении более подробного анализа, сложные группировки следует строить только по тем факторным признакам, влияние которых было признано существенным на основе простых группировок.

Проведение дисперсионного анализа внешнеторговых цен

Рассматривая последовательность проведения дисперсионного анализа для ряда наблюдений за ценами на товар, например, импорт свежих овощей на территорию РФ, видим, что в 2016 г. было ввезено более 1,5 млн тонн свежих овощей

стоимостью более 1,1 млрд долл. США¹, т.е. совокупность достаточно представительная и позволяет делать выводы как об общих закономерностях формирования цены, так и при условии разделения исходной совокупности на группы по различным атрибутивным признакам. В таблице 1 отражено распределение внешнеторговых цен на свежие овощи в 2016 г.

Таблица 1

**Распределение цен на импортные овощи в 2016 г.
(Distribution of prices for imported vegetables in 2016)**

Цена, долл./кг	Частота (вес нетто в кг)	Частость, %
0—1	1 107 886 633	72,11
1—2	413 590 907	26,92
2—3	13 236 871	0,86
3—4	378 103	0,02
4—5	310 829	0,02
5—6	513 444	0,03
Более 6	518 300	0,03
Всего	1 536 435 087	100

Предварительное предположение о степени однородности исходной совокупности можно сделать на основе визуального рассмотрения частотного ряда распределения и графиков (рис. 2).

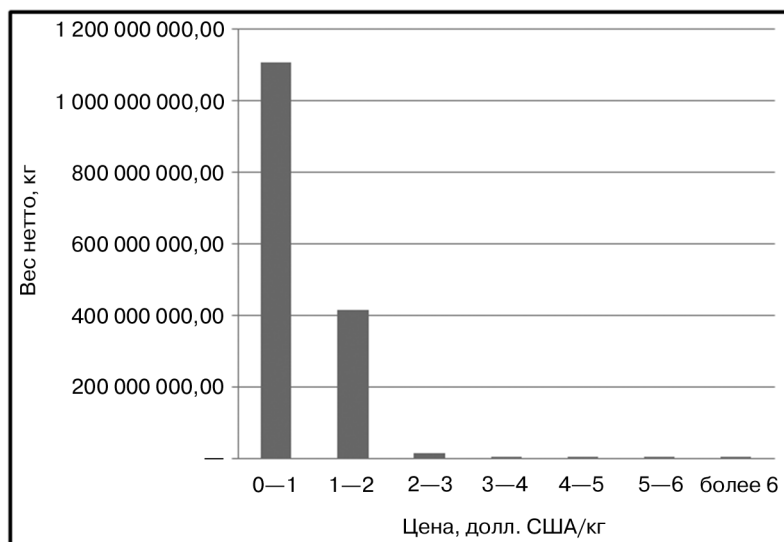

Рис. 2. Гистограмма распределения цен на импортные овощи в 2016 г.
(**Figure 2.** The histogram of the distribution of prices for imported vegetables in 2016)

Источник: Информационный портал ФТС России для участников ВЭД [Электронный ресурс]. URL: <http://ved.customs.ru/> (дата обращения: 14.01.2017).

Исходная совокупность представляется достаточно однородной, с четко выраженной вершиной. Наиболее типичная импортная цена товаров составляет от

¹ Информационный портал Министерства финансов РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://minfin.ru/> (дата обращения: 14.01.2017).

0 до 1 долл. США, по такой цене было оформлено 72% партий. Вершина гистограммы сдвинута к нижней границе, и 99% товарных партий имели цену, не превышающую 2 долл. США/кг.

Более точная проверка однородности заключается в определении степени различий законов распределения и основных числовых характеристик для совокупности в целом и в разрезе группировок по атрибутивным признакам, в частности на основе сравнения средних групповых с общей средней. Такая проверка осуществляется с использованием элементов дисперсионного анализа и статистических критериев и предполагает вычисление и сравнение различных видов дисперсий. Определим, как различные факторы влияют на вариацию цен. Порядок проведения анализа следующий.

1. Вычисляется общая средняя x_{cp} и общая дисперсия D по всей совокупности. Строятся группировки по перечисленным атрибутивным признакам, вычисляются групповые средние x_{jcp} в разрезе каждой группировки и межгрупповая дисперсия $D_{\text{межгр}}$ [1]:

$$D_{\text{межгр}} = \frac{\sum (x_{jcp} - x_{cp})^2 m_j}{\sum m_j}.$$

где m_j — масса нетто, кг.

Межгрупповая дисперсия описывает разброс групповых средних относительно общего среднего и характеризует влияние группировочного признака на вариацию цены.

Отношение межгрупповой дисперсии к общей дисперсии определяет долю вариации цены за счет влияния данного группировочного признака. Это отношение называется **коэффициентом детерминации**.

Корень квадратный из коэффициента детерминации называется **корреляционным отношением** и имеет тот же смысл, что и коэффициент корреляции при анализе взаимосвязи между количественными показателями. Как коэффициент детерминации, так и корреляционное отношение принимают значения из интервала (0; 1). Чем ближе значение корреляционного отношения к 1, тем сильнее влияет соответствующий атрибутивный признак на уровень цены; влияние признака является сильным, если корреляционное отношение $> 0,8$.

Исследуем вариацию цены овощей с использованием изложенного метода анализа. Общая средняя x_{cp} по всей совокупности составила 0,79 долл. США/кг, а общая дисперсия $D = 0,24$. В качестве факторов, предположительно влияющих на вариацию внешнеторговых цен, примем принадлежность к товарным позициям и страну-экспортера, из которой осуществлялся импорт свежих овощей в Россию.

Рассмотрим сначала влияние на уровень цены принадлежность товаров к той или иной стране. Для этого сгруппируем исходные данные согласно этому признаку и рассчитаем групповые средние и межгрупповую дисперсию: $D_{\text{межгр}} = 0,08$ (табл. 2).

Таблица 2

**Группировка цен на овощи по странам-экспортерам в 2016 г.
(The grouping of prices for vegetables by exporting countries in 2016)**

j	Страна X_j	Масса нетто, кг, m_j	Групповые средние X_{jcp}	$X_{jcp} - X_{cp}$	$(X_{jcp} - X_{cp})^2 m_j$
1	Китай	330512205,70	0,94	0,15	7347286,5128
2	Марокко	95228607,19	1,32	0,53	26491038,3222
3	Израиль	157020537,15	0,79	-0,01	4144,6736
4	Беларусь	258850451,96	0,47	-0,32	26159076,1986
5	Азербайджан	140831070,22	0,77	-0,02	70942,7345
6	Египет	227821339,91	0,39	-0,40	36725862,0553
7	Иран	72164615,09	0,97	0,18	2420393,0010
8	Турция	36333899,52	0,79	0,00	462,6559
9	Узбекистан	28304521,59	0,77	-0,03	18739,5147
10	Индия	28364224,64	0,69	-0,10	303094,6981
11	Армения	30584479,25	0,60	-0,19	1133683,3098
12	Нидерланды	20474564,65	0,85	0,05	59629,5144
13	Сербия	17324335,37	0,91	0,12	258509,3213
14	Казахстан	25689328,54	0,29	-0,50	6350494,0407
15	Македония	9110711,50	0,82	0,03	8020,3769
16	Аргентина	6392152,23	0,84	0,05	14020,9098
17	Киргизия	9332619,10	0,57	-0,22	442571,8069
18	Эфиопия	6458806,00	0,81	0,02	2830,6844
19	Сенегал	2803753,38	1,78	0,99	2731701,9195
20	Грузия	4815037,43	1,00	0,21	208721,4615
21	Германия	4858688,53	0,93	0,14	93663,4226
22	Тунис	2491320,92	1,43	0,64	1009764,7089
23	Пакистан	6240308,00	0,46	-0,33	672729,3416
24	Сирия	2065031,01	1,09	0,30	187245,3220
25	Таиланд	390735,54	5,58	4,78	8940165,8084
26	Иордания	1677678,00	1,21	0,42	295085,3182
27	Молдова	2676010,10	0,72	-0,07	12142,8939
28	Абхазия	1944267,22	0,94	0,14	40766,6965
29	Финляндия	1406875,00	0,99	0,20	57370,8731
30	Венгрия	877393,28	1,54	0,75	492299,4831
31	Босния	618750,00	1,23	0,44	119281,8852
32	Франция	205652,51	3,30	2,51	1297043,8937
33	Чили	131479,61	4,26	3,47	1580002,0832
34	Перу	323635,63	1,03	0,24	17981,3941
35	Сан-Марино	205220,10	1,50	0,71	102582,6573
36	Мьянма	260939,00	1,10	0,31	24640,4548
37	Вьетнам	144964,13	1,80	1,01	147684,0865
38	Бельгия	158359,20	1,60	0,81	103605,1023
39	Индонезия	172025,00	0,84	0,05	385,7928
40	Канада	130500,00	0,97	0,18	4172,5684
41	Австрия	134880,00	0,93	0,14	2733,0015
42	Палестина	20694,00	6,00	5,21	561510,0875
43	Япония	50194,15	2,22	1,43	102534,2196

Окончание табл. 2

j	Страна X_j	Масса нетто, кг, m_j	Групповые средние $X_{гр}$	$X_{гр} - X_{ср}$	$(X_{гр} - X_{ср})^2 m_j$
44	Польша	65500,00	1,57	0,78	40109,6552
45	Кения	56711,80	1,74	0,95	51484,9817
46	Туркмения	96400,00	1,00	0,20	3998,6599
47	Эквадор	34205,00	2,04	1,25	53674,5603
48	Бразилия	25000,00	2,77	1,98	97602,5724
49	Малайзия	61205,00	1,05	0,25	3961,5518
50	Эстония	7056,00	8,10	7,31	376539,6574
51	ЮАР	33137,94	1,72	0,93	28420,8577
52	Таджикистан	158924,00	0,32	-0,47	35261,4760
53	Гватемала	42999,00	1,16	0,37	5753,0908
54	США	26282,36	1,87	1,07	30334,4335
55	Новая Зеландия	27140,00	1,38	0,59	9553,7082
56	Швейцария	35640,00	1,05	0,26	2378,5662
57	Мексика	20400,00	1,72	0,93	17571,5707
58	Гондурас	61076,00	0,52	-0,27	4537,4555
59	Нигерия	9208,78	2,63	1,84	31174,7661
60	Респ. Корея	6005,50	4,01	3,22	62353,5302
61	Чехия	14630,35	1,44	0,65	6147,4064
62	Италия	9109,20	1,77	0,98	8788,7393
63	Словакия	992,59	14,84	14,05	195800,8175
64	Бангладеш	19972,50	0,69	-0,10	206,4169
65	Зимбабве	9182,00	1,07	0,28	695,0721
66	Коста-Рика	6912,00	1,26	0,47	1516,0833
67	Колумбия	1556,20	3,30	2,51	9801,4751
68	Ливан	1750,00	1,66	0,87	1332,5771
69	Руанда	774,00	1,05	0,26	51,6557
70	Великобритания	322,00	1,43	0,64	131,2072
71	Танзания	34,00	2,94	2,14	156,3641
72	Тайвань	100,00	0,95	0,16	2,4317
Средние значения			0,79		0,08

Межгрупповая дисперсия составляет 0,08, коэффициент детерминации 0,34, а корреляционное отношение 0,58, т.е. вариация цены на 58% обусловлена вариацией по странам-экспортерам. В результате можно сделать вывод, что групповые средние цены по странам-экспортерам отличаются существенно, но не сильно, зависимость цены овощей от определенной страны заметна, но не слишком велика.

Рассмотрим теперь аналогичную группировку по товарным позициям. В соответствии с единой ТН ВЭД ЕАЭС к свежим овощам относятся товары второго раздела «Продукция растительного происхождения» из товарной группы «07» ТН ВЭД ЕАЭС, включающая 14 товарных позиций (табл. 3)¹.

¹ Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 16.07.2012 г. № 54 «Об утверждении единой Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Таможенного союза и Единого таможенного тарифа Таможенного союза» [Электронный ресурс]. URL: www.tsouz.ru (дата обращения: 14.01.2017).

В товарную группу «07» входят «овощи и некоторые съедобные корнеплоды и клубнеплоды»: картофель, томаты, лук, чеснок, капуста, салат, морковь, репа, свекла, огурцы, бобовые овощи и др. (Худжатов М.Б., 2016).

Таблица 3

Группировка цен на овощи по товарным позициям в 2016 г.
(The grouping of prices for vegetables by commodity items in 2016)

j	Товарная позиция X_j	Масса нетто, кг, m_j	Групповые средние X_{jcp}	$X_{jcp} - X_{cp}$	$(X_{jcp} - X_{cp})^2 m_j$
1	0701	276294192,44	0,38	-0,41	46057938,7913
2	0702	381566691,39	1,04	0,25	23961562,8092
3	0703	179473143,57	0,68	-0,11	2351562,2884
4	0704	84937245,48	0,45	-0,35	10148168,8601
5	0705	21363405,14	0,69	-0,10	228679,0709
6	0706	167673774,41	0,46	-0,33	18304244,9769
7	0707	82532822,96	1,03	0,24	4620490,9339
8	0708	1893647,85	0,35	-0,44	368995,7436
9	0709	204370142,54	0,92	0,13	3633252,6341
10	0710	71001852,82	0,58	-0,21	3128882,3631
11	0711	18365202,50	0,44	-0,35	2270295,3321
12	0712	19113385,35	2,02	1,23	29035349,2702
13	0713	27643838,66	0,85	0,06	101569,4507
14	0714	205742,46	0,72	-0,07	1025,5102
Средние значения		0,79		0,09	

Согласно данным (табл. 3) межгрупповая дисперсия составляет 0,09, отсюда коэффициент детерминации равен 0,38, а корреляционное отношение — 0,62. Согласно этому значению вариация цены на 62% обусловлена вариацией по товарным позициям, т.е. зависимость цены от товарной позиции несколько выше, чем от страны-экспортера. В случае необходимости далее проводят исследование взаимосвязи определенных товарных позиций со странами-экспортерами, так как наличие такой взаимосвязи теоретически может влиять на показатели межгрупповых дисперсий и коэффициенты детерминации.

Заключение

Подводя итоги проведенного анализа, можно сделать следующие выводы:

- в целом совокупность наблюдений за импортными ценами овощей представляется достаточно однородной;
- исследование влияния факторных признаков на вариацию цен показало, что в наибольшей мере (хотя и не слишком сильно) вариация цен на овощи обусловлена товарной позицией, далее по степени влияния на цены следует фактор стран-контрагентов.
- аналогичным образом рассматривается влияние на внешнеторговые цены других факторов (таможенный орган, периоды поставок, таможенные процедуры).

Таким образом, с помощью дисперсионного анализа внешнеторговых цен таможенные органы РФ могут выявлять направления для дальнейшего исследова-

ния на предмет возможности недостоверного декларирования товаров путем занижения их стоимости и минимизации таможенных рисков в результате принятия управленческих решений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Беляева Е.Н.* Таможенная статистика: учеб. пособие / Е.Н. Беляева, О.Е. Кудрявцев. СПб.: Троицкий мост, 2011. 160 с.
- Глаголева Н.Н.* Таможенная статистика: учеб. пособие / Н.Н. Глаголева, М.Г. Пьянкова. СПб.: Интермедия, 2014. 99 с.
- Информационный портал Министерства финансов РФ. [Электронный ресурс]. URL: <http://http://minfin.ru/> (дата доступа: 14 января 2017 г.).
- Информационный портал ФТС России для участников ВЭД. [Электронный ресурс]. URL: <http://ved.customs.ru/> (дата доступа: 14 января 2017 г.).
- Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 16.07.2012 № 54 «Об утверждении единой Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Таможенного союза и Единого таможенного тарифа Таможенного союза». [Электронный ресурс]. URL: www.tsouz.ru (дата доступа: 14 января 2017 г.).
- Таможенный кодекс Таможенного союза (приложение к Договору о Таможенном кодексе Таможенного союза, принятому Решением Межгосударственного Совета ЕврАзЭС на уровне глав государств от 27.11.2009 № 17) // СЗ РФ. 2010. № 50, ст. 6615.
- Терехов В.А.* Таможенная статистика в условиях функционирования Таможенного союза: учеб. пособие / В.А. Терехов и др. СПб.: Троицкий мост, 2013. 159 с.
- Худжатов М.Б.* Особенности таможенного декларирования товаров: плодоовощная продукция // *Маркетинг и логистика*. 2016. № 5(7). С. 67—74.
- Худжатов М.Б.* Совершенствование таможенного контроля при ввозе предметов одежды на таможенную территорию Таможенного союза // *Маркетинг и логистика*. 2016. № 4(6). С. 87—94.
- Худжатов М.Б.* Ускорение таможенных операций при ввозе скоропортящихся товаров на таможенную территорию Таможенного союза // *Маркетинг и логистика*. 2016. № 3(5). С. 82—89.

© Худжатов М.Б., 2017

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 8 декабря 2016

Дата принятия к печати: 28 января 2017

Для цитирования:

Худжатов М.Б. Исследование дифференциации внешнеторговых цен с применением дисперсионного анализа // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика*. 2017. Т. 25. № 1. С. 91—101.

Сведения об авторе:

Худжатов Михаил Бекзадаевич, кандидат экономических наук, доцент кафедры таможенного дела Российского университета дружбы народов. *Контактная информация:* e-mail: mikhailkhudzhatov@mail.ru

THE STUDY OF DIFFERENTIATION OF FOREIGN TRADE PRICES BY USING OF DISPERSION ANALYSIS

M.B. Khudzhatov

Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

Abstract. This article considers the methodological approach for the study of foreign prices of goods by using of dispersion analysis. Currently, one of the problems associated with the avoidance of organizations from the payment of customs duties, is an understatement of the value of goods crossing the customs border of the Eurasian Economic Union (EAEU). For this reason, control by the customs authorities of foreign trade prices for goods is one way of ensuring economic security of the Russian Federation, which is the leader of the EAEU. Because in the process of customs clearance of consignments, customs authorities of the Russian Federation have considerable difficulties with the control of the reliability of the declared value of the goods, there is a need to apply mathematical and statistical methods for the analysis of pricing information. Based on the above, we propose to use multivariate dispersion analysis for research purposes of foreign trade prices for goods.

Key words: customs value, customs duties, dispersion analysis, foreign economic activity, goods

REFERENCES

- Belyaeva E.N. Tamozhennaya statistika: ucheb.posobie / E.N. Belyaeva, O.E. Kudryavtsev. SPb.: Troitskiy most, 2011. (In Russ).
- Glagoleva N.N. Tamozhennaya statistika: ucheb. posobie / N.N. Glagoleva, M.G. Piyankova. SPb.: Intermedia, 2014. (In Russ).
- Informatsionnyi portal Ministerstva Finansov RF. URL: <http://minfin.ru/> (In Russ).
- Informatsionnyi portal FTS Rossii dlya uchastnikov VED. URL: <http://ved.customs.ru/> (In Russ).
- Reshenie Soveta Evraziyskoy ekonomicheskoy komissii ot 16.07.2012 № 54 «Ob utverzhdenii edinoy Tovarnoy nomenckatury vshneeekonomicheskoy deyatel'nosti Tamozhennogo soyuza i Edinogo tamozhennogo tarifa Tamozhennogo soyuza». URL: www.tsouz.ru (In Russ).
- Tamozhennyi codex Tamozhennogo soyuza // SZ RF. 2010. № 50, st. 6615. (In Russ).
- Terekhov V.A. Tamozhennaya statistika v usloviyah funktsionirovaniya Tamozhennogo soyuza: ucheb. posobie / V.A. Terekhov i dr. SPb.: Troitskiy most, 2013. (In Russ).
- Khudzhatov M.B. Osobennosti tamozhennogo deklarirovaniya tovarov: plodoovoshnaya produktsiya // Marketing i logistica. 2016. № 5(7). S. 67—74. (In Russ).
- Khudzhatov M.B. Sovershenstvovanie tamozhennogo kontrolya pri vvoze predmetov odezhdy na tamozhennuyu territoriyu Tamozhennogo soyuza // Marketing i logistica. 2016. № 4(6). S. 87—94. (In Russ).
- Khudzhatov M.B. Uskorenie tamozhannykh operatsiy pri vvoze skoroportyashikhsvya tovarov na tamozhennuyu territoriyu Tamozhennogo soyuza // Marketing i logistica. 2016. № 3(5). S. 82—89. (In Russ).

Article history:

Received: 8 December 2016

Revised: 18 January 2017

Accepted: 28 January 2017

For citation:

Khudzhatov M.B. (2017) The Study of Differentiation of Foreign Trade Prices by Using of Dispersion Analysis. *RUDN Journal of Economics*, 25 (1), 91—101.

Bio Note:

Khudzhatov M.B., Candidate of sciences (Economics), Associate Professor of the Department of Customs at Russian People's Friendship University. *Contact information:* e-mail: mikailkhudzhatov@mail.ru

DOI 10.22363/2313-2329-2017-25-1-102-111

ECONOMIC ASPECTS OF MIGRATION FROM CENTRAL ASIA IN RUSSIA

J. Virkkunen

University of Eastern Finland

Yliopistokatu str., 2, PL 111, Joensuu, Finland, 80101

Abstract. The feeling of ‘home’ and ‘ontological security’ are central in social and psychological integration of both migrants and local residents. In Russia, for most Central Asian migrants the feeling of ‘home’ is often in clear contradiction with daily practices in Russia. The tightening economic situation, collapse of the rouble and the ambivalent migration legislation, of course, affect the integration of migrants and a feeling of security in the new countries of residence.

Key words: ontological security, Central Asia countries, migration to Russia, refugee crisis, Integration of migrants into the host society

Introduction

Migration is one of the contested issues of the contemporary time. The language used in discussing and describing populations moving across international border has become stricter and, among some circles, physical attacks against foreign-looking nationals are represented heroic acts, attempts to protect homeland from ‘illegals’, ‘potential terrorists’ and ‘welfare shoppers’. In many counties of Europe, the 2015 ‘refugee crisis’ and the above-mentioned expressions have had a direct impact on security. With its estimated 10 million foreign nationals, Russia is the second largest immigration country in the world. Despite a great demand for foreign labour force in certain regions and sectors of economy, the overall attitude to ‘immigrants’ is rather negative and securitized also in Russia. After exploring this migration-security nexus in overall terms, the paper will discuss the meaning of ‘home’ and so-called ‘ontological security’ among Central Asian migrants in Russia.

The feeling of ‘home’ and ‘ontological security’ are central in social and psychological integration of migrants and locals respectively. These micro layers of security reflect the changing everyday contexts, personal and local (in)securities and different personal and community level strategies to host, integrate and cope with these insecurities. In the context of the growing economic crisis and the weakening Rouble, contradictory migration policies, and local-level migration related disputes have, clearly, created a setting where migrants not only reconsider their lives ‘in-between’ Russia and Central Asia but also in relation to their social and territorial loyalties, religion and sets of values. In concrete, these are central for migrants’ lives, families and integration to (or with) the Russian society and, ultimately, to the way they see their future lives as part of Russian or Central Asian societies.

Home for Migrants

The concept of home is multi-layered. It captures well the complex character of individuals' relation to identity, place, self / family, and society. Home refers to three main categories: Home as the symbol of identity, Home as private (closed) space and Home as public (open/closed) space (Brednikova O., Tkach O., 2010; Buffel T., Phillipson C., 2016; Ralph D., Staheli L.A., 2011). The first — home as the *symbol of identity* — is closely related to the comfort that home brings along with all the memories, feeling of longing, routines and good life. At home the person knows who he/she is, and is free to be and express oneself, without feeling the pressure of the outside world. It is more than just a flat or an apartment. People leave home to the 'external' world (city, work, etc.) and come back. In other words, the home as place of comfort exists only in dialogue with that outside world.

At the second level — home as *private (closed) space* — home is a concrete place, a house or an apartment that is open for outsiders only by invitation. This, very closely related to the symbol of identity where especially family and care give that particular place its meanings characterized by love (or, in some cases fear). It consists of everyday life, practices, routines and traditions that give our lives and that particular space a specific significance. Lastly, home as *public (open/closed) space* brings the feeling of home a wider context of city, homeland, ethnic and cultural belonging. Despite its more abstract character, it becomes very concrete through language, ethnic or national belonging. Here, the public sphere, e.g. state, politics and external actors, provide a certain setting for familiarity, communality, and comfort, a place where the person can feel welcome and understood. However, as witnessed in the case of bad relations within family, domestic violence, or racism, these ideal 'homes' are neither stable nor always positive. They are changing in dialogue and in everyday contexts within which individuals operate.

For migrants, the above-described three-fold conceptualisation of 'home' is rather complicated. Migrants often live in a transnational space 'in-between' where home is neither 'here' nor 'there'. Their loved ones are 'at home' thousands of kilometres away and everyday relations and care practices (related to children and aging parents) are carried out through mobile phones or other new technologies such as Skype (Baldassar L., 2016). At the same time, migrants' housing can consist of shady huts, over-crowded shared flats, often referred to as 'rubber flats', or bunking at some friends or distant relatives. The social networks of family members, friends and other peer compatriots, and related spaces of socialisation such as 'migrant cafes' and restaurants, as well as familiar tastes and smells from 'home', can make a significant context within which migrants construct their lives. Whereas the outside world can seem hostile due to racism and anti-migrant sentiments, and everyday struggles with work, housing and the formal status, 'home' for migrants can be a source for feelings of insecurity and inequality rather than comfort.

In Russia, for most Central Asian migrants 'home' is a contradictory process where memories and cultural practices 'from home' in Central Asia are often in clear contradiction with real-life, or expected, daily practices in Russia. These are related to migrants' everyday life in an entirely different (and rapidly changing) context, often without family.

Changing everyday context

Most Central Asian labour migrants in Russia live in precarious conditions. In 2015, Russia granted work permit and work licences (*patents*) for 1,887,034 foreign citizens, most of which came from the CIS countries of Uzbekistan (899,864), Tajikistan (445,652), Ukraine (209,840) and Moldova (99,835). The largest groups of non-CIS migrants were Chinese (51,701), North Koreans (30,757), Turkish (20,414), and Vietnamese (12,522) (Ryazantsev, Manshin, 2016). However, these figures make only a small share of the total estimated 10 million foreign citizens residing and working in the country.

Within this overall context, we can observe three interrelated developments in Russian society that have a significant impact on ‘migrant homes’ in contemporary Russia: (1) The changing economic and political realities of the Russian society, (2) Three-tier migration policies and tightening migration control, and (3) Psychological and cultural exhaustion for migration.

Economic and political realities

Connected to the global economic decline, the geopolitically inspired sanction policy and the structural challenges in the Russian economy, especially the changing value of both rouble and oil, many companies are in trouble. As the value of the Rouble mirrored almost perfectly the value of oil, the most important export item of the Russian economy, the sharp fall in the price of oil from about USD100 per barrel in mid-2014 to USD40 in early 2015 was directly reflected in the value of the rouble. During the ‘economic crisis’ the ruble price of the dollar has approximately doubled¹. Consequently, the state budget is heavily in deficit and subsidised from state reserves.

Despite a rapid decrease in ability to travel and buy foreign goods, the domestic purchasing power had declined relatively little, by about 10% (*ibid.*). Officially, the unemployment is still not more than 5.6 percent (much higher in real life) but significantly lower investment (–7.6%), tightening consumption (–9.6%) and retail sales (–9.7%) put a record number of companies to adapt their performance to the new economic realities². The main sectors of migrant labour market, services and construction, were among the sectors facing the decrease heaviest, which increased the already tight competition and restructuring of the ‘migrant labour market’ as well.

Related to the strong prevalence of shadow economy in Russia, almost every sector of the Russian economy makes use of the migrant labour. In many cases migrants conduct the work, unofficially and for smaller salaries, that are officially carried out by locals (Ryazantsev, 2016). This practice, consequently, gives migrants access to paid work but a lower salaries than locals. It also supports diverse structures of exploitation, violation of workers’ rights and inequality that all contribute to a certain feelings of inferiority among migrants. Nevertheless, the pressure in Russian labour market increased and

¹ BOFIT. Viikkokatsaus 31. Suomen pankki. 4.8.2016. [Electronic Resource]. Access Mode: <http://www.suomenpankki.fi/bofit/seuranta/viikkokatsaus>; Strazds A., Grennes T. The Russian Economic Crisis: How Severe and How Long? Economonitor. 17.5.2016. [Electronic Resource]. Access Mode: <https://shar.es/187yux>

² Focus Economics. Russia Economic Outlook. 21.10.2016. [Electronic Resource]. Access Mode: <http://www.focus-economics.com/countries/russia>

encouraged nationalist sentiments and additional anti-migrant discourses, as well as discussions of the character and actual need of foreign labour.

Like in other European states, Central Asian migrants have become popular scapegoats for different societal and everyday problems such as unemployment. At the local level in Moscow, the locals considered the number of immigrants way higher than it actually was. For them, immigrants represented some concrete everyday troubles like overpopulation and traffic jams related to the ‘crowded city’ rather than anti-migrants sentiments in general (Kosmarskaya N., Savin I., 2016). However, there are wide regional differences in the attitude to the foreign labour, creating rather different contexts where the above-described inequalities, racist discourses and attacks and religious-political assaults are being lived and interpreted.

Legal status, corruption and deportations

The second aspect of having an impact of migrants’ everyday setting is closely related to the political realities and, significantly, the tightening immigration control of the Russian state. The Russian migration policy has three categories of immigrants based on citizenship, two first ones concern migrants from Central Asia. Citizens of the Eurasian Economic Union (EEU) — Armenia, Belarus, Kazakhstan and Kyrgyzstan — enjoy free movement and can relocate to and work in Russia with no limitations. They need neither work permits nor work licences (*patents*, in Russian) and, thus, acquire equal labour rights at the Russian labour market with locals by registration. This not only increases the sense of security among migrants but, significantly, reduces the possible moments of corruption and undesirable encounters with police and authorities dealing with migration. The legal status of EEU citizens can enjoy equal salaries and working conditions with locals, and where they can relocate to Russia as a family, rather than alone or with friends. After Kyrgyz membership, for example, the possibility has, indeed, lead to an obvious increase in female and family migration.

More vulnerable than the EEU citizens are the citizens of the Commonwealth of Independent States (CIS). The decision to extend the work licence (*patent*) policy for all CIS citizens in January 2015, made the process of obtaining a legal labour migrant status significantly easier. The citizens of Azerbaijan, Moldova, Tajikistan, Turkmenistan, Uzbekistan and Ukraine do not need to apply for a special work permit but a licence with which they can live and work legally. Despite the positive intentions of this scheme, easy legalisation process, improved labour rights and social conditions, as well as better long-term perspectives for integration, the practical implementation licence policy became a failure. Not only do the migrants have to apply for foreign passport, insurance and medical certificate prior to arrival, they also need to pass examinations in Russian history, language and law within a month of relocating themselves to the territory of the Russian Federation.

For some migrants the new system certainly is a big improvement, a way to get away from the shadow economy. Most Central Asian migrants, however, earn very little and concentrate in saving money for remittances. For them, the new system is expensive. Apart from the estimated cost of 30-40,000 roubles (580 euros) ‘starting fee’ for the required documents and examinations, the monthly charge of a licence depends on the region. Despite the Russian average salary of about 36,100 roubles (520 euros), the income

of many migrants does not exceed 25,000 roubles (360 euros). Consequently, the introduction of simplified procedures for CIS citizens in 2015 succeeded only partially, leaving majority of migrants to the precarious state of illegal work.

Deportations and re-entry bans

In order to reduce the so-called ‘illegal migration’ (or actually illegal work) in the Russian Federation, the Federal Migration Service (FMS) and the Police tightened their approach to migration in 2013. They increased the number of identification, document checks and arrests in construction sites, factories, markets, restaurants and other possible locations with migrants, which in many cases lead to rapid deportations and administrative re-entry bans. According to Director Konstantin Romodanovskiy from the Federal Migration Service, the aim of these was to reduce criminality and make ‘illegal migration’ legal (Gritsjuk M., 2015). He estimates that in the end of 2014 there were approximately 1.7 million foreign citizens who had exceeded the visa free limit by half a year, and about a million who have exceeded that for over a year. This, of course, means that there are over a million foreign citizens in Russia who live under a constant pressure of getting caught and being deported.

In 2014, illegal work, illegal stay, criminal offences and other causes lead to the deportation of 129,034 foreign citizens. In addition to that, Russian authorities issued a so-called re-entry ban for up to 675,950 persons as an administrative procedure (Kazmierkiewicz P., 2016)¹. These were based on different administrative violations such as jaywalk and parking fines. According to Kluczevska (Kluczevska K., 2014), “the mechanism of re-entry bans was created because for the Russian authorities it would be technically impossible and not cost-effective to identify and deport all foreign nationals who committed irregularities on the territory of the Russian Federation”. However, due to the administrative character and decentralized management of the ban, many of the migrants were never informed by any of the eleven authorities involved. This has naturally led to inconvenient situations at the Russian airports and border crossing points upon arrival. To avoid such situations, the Migration Service has established an internet based system through which migrants can before buying the ticket check if he/she is eligible to enter the country.

The impact of deportations and up to 10-year re-entry bans can mainly be felt in home and neighbouring countries in Central Asia. There are an increased number of people who are not only able to access Russia to provide income for their families in terms of remittances. Piotr Kazmierkiewicz (Kazmierkiewicz P., 2016) with his IOM colleagues remind us that the re-entry ban, usually 3—5 years, slash the migrant households disposable income that may, further, have an impact on the entire migration dynamics in Central Asia. Migrants who are not able to return to Russia are looking for alternative migration destinations elsewhere. Simultaneously, they are subjected to various vulnerabilities such

¹ Federal Migration Service. The data was obtained on the official request in 2015; IOM. Tajik Migrants with Re-entry Bans to the Russian Federation. Dushanbe: IOM, 2014. [Electronic Resource]. Access Mode: <https://publications.iom.int/books/tajik-migrants-re-entry-bans-russian-federation>; ITAR-TASS. 600,000 migrants banned from entering Russia. 25.2.2015. [Electronic Resource]. Access Mode: <http://tass.ru/en/russia/720901>

as exploitation by unverified mediators and manipulations by criminal and extremist networks. Majority of the migrants interviewed by the IOM (*ibid.*) had no alternative strategy for survival.

Everyday and the ontological security of migrants

The concept ontological security captures well the above-described everyday issues among migrants. Theoretically, the concept of ontological security is closely interwoven with the idea of trust and safety that give people (not only migrants) hope and courage against various everyday threats, pressures and fears, in relation with the surrounding communities (Debus A., Thorns D., 1998; Noble G., 2005). The concept originates at Anthony Giddens's (Giddens A., 1996) well-known theorisation of ontological security reflecting individuals' need to answer existential questions about existence, stability of life, self, and interaction. In contrast to military or physical security, this is a space in which the routines of everyday life and existence can be performed, relatively free from external surveillance and, hence, offering (or, in some cases, preventing) the person a sense of autonomy.

In a particular context of immigrants, ontological security becomes significant through home-building that, according to Greg Noble (Noble G., 2005), must “constantly negotiate the affective and cognitive dissonance” and the acts of social incivility, harassment and abuse. Migrants attempt to find and secure their places in a world in social and economic contexts that are often characterized by racism, everyday worries triggering feelings of insecurity and inability to look forward, anticipate becoming possibilities, and give meanings to ones lives. This more abstract notion of ‘homing’ combines the three-fold conceptualisation of ‘home’ described in the beginning of the paper (home as symbol of identity, private (closed) space, and public (open/closed) space) with a deeper meanings of everyday life. In other words, precarious migrant lives in overcrowded ‘rubber flats’ without privacy, unsecure employment and unfavourable exchange rates, combined with feeling of inequality, insecure social, economic and legal citizenship in the countries of residence are central to the ways Central Asian migrants conceptualize their lives and feeling of security in Russia.

A particularly high-risk group of migrants are the extremely poor, less educated and less experienced who not only are most vulnerable in terms of all forms of exploitation but who also possess fewer resources to be integrated with the new Russian context. Those groups are, thus, the primary target groups for pre-departure language training and awareness building as well as work license related examinations on Russian language, history and society. On the other hand, ability to keep contact with friends and the family ‘at home’ by phone or social media, be part of local social networks and, even, visit familiar ‘ethnic spaces’ such as Central Asian cafes and restaurants, is vital for ordering migrants’ conception of everyday life in Russia.

After over a decade of extensive migration and remigration from Central Asia to precarious labour markets in Russia, and concrete social and family related troubles caused by the migration, many former migrants have started to question the actual benefits of the migration (Fryer P., Virkkunen J., Usmonov F., 2016; Virkkunen J., 2013). Despite a sharp decrease of remittances, migration is often the ‘only’ option for income for families

in rural Central Asia. For the citizens of Kyrgyzstan, the country's membership of the Eurasian Economic Union has made the movement easier but they can still be subjected for corruption by authorities or arbitrary arrested by the police. As foreign citizens, they can also be deported due some criminal offences but, significantly, not issued administrative re-entry bans like the citizens of Uzbekistan or Tajikistan. Combined with the fact that Kyrgyz citizens do not have such a pressure for immediate registration or length of legal stay, this makes a big difference for the ontological security among Kyrgyz.

The Kyrgyz are also arriving in Russia increasingly as families. Even though there are no particular 'Kyrgyz towns' in Russia (vs. China towns elsewhere in the world), Kyrgyz are known of their 'ethnic spaces' with specific Kyrgyz infrastructure including cafes, restaurants, sports and night clubs, and medical centres (Varshaver E., Rocheva A., 2014; Varshaver E., Rocheva A., Kochkin E., Kuldina E., 2014)¹. That so-called 'parallel city' not only indicates a certain indifference for integration but also a very rich ethnic dynamics where Kyrgyz can survive and enjoy services within the community, in Kyrgyz. The familiar smells and tastes in cafés (Virkkunen J., 2013), combined with other activities, may help in everyday practical and emotional issues, and feeling of security, far away from Kyrgyzstan. However, a rather strong social control within the Kyrgyz community may also lead to a very controlled living context and in-group violence, especially, against women². From the ontological security perspective, the tight in-group dynamics lead by some conservative male leaders and so-called 'Patriots', does not only mean that a clear control of some female migrants. It also means that Russia may function as a liberating and empowering context for migrants from conservative families.

Conclusion

Many Central Asian migrants in Russia live in precarious conditions with shady overcrowded flats, uncertain employment conditions or utterly unclear work and residence status. Combined with the tightening economic situation, collapse of the rouble and the ambivalent legislation setting the legal context for stay, the migrants' integration and feeling of safety and security in the new countries of residence are certainly influenced. These create concrete moments of difficulty but, significantly, also affect the migrants way of conceptualising their relation to 'home' but also to everyday but also the way they are able to trust and create a feeling of safety that give them (and not only migrants) hope and courage against various everyday threats, pressures and fears, in relation with the surrounding communities.

The membership of the Eurasian Economic Union ensures the citizens of Armenia, Belarus, Kazakhstan and Kyrgyzstan a special status that may guarantee more equal

¹ Luhn A. Why are migrants fleeing Moscow? Guardian. 08.06.2015. [Electronic Resource]. Access Mode: <https://www.theguardian.com/cities/2015/jun/08/why-migrants-fleeing-moscow-permits-economy>

² Botoeva G. Kyrgyz migrant workers: does national pride mean violence against women? OpenDemocracy, 21.9.2012. [Electronic Resource]. Access Mode: <https://www.opendemocracy.net/od-russia/gulzat-botoeva/kyrgyz-migrant-workers-does-national-pride-mean-violence-against-women>; Tursunbekova A. Kyrgyzstan: Videos Abound of 'Patriotic' Attacks on Migrant Women in Russia. Global Voices, 16.6.2012. [Electronic Resource]. Access Mode: <https://globalvoices.org/2012/06/16/kyrgyzstan-patriotic-attacks-against-migrant-women-fuel-outrage/>

salaries and working conditions with locals. Other citizens of the CIS have a possibility to receive a work licence with some practical and financial effort, which means that not nearly as many migrants have actually legalized themselves as planned. They are as much subjected to possible deportations and administrative re-entry bans as earlier, leaving them in a possible state of limbo ‘at home’. As agreed by a number of experts, including the IOM, these may subject migrants to serious insecurities and vulnerabilities such as exploitation by unverified mediators and manipulations by criminal and extremist networks. Therefore, it would be important for the states and international organisations to ensure a long-term solution both for migrant’ rights in Russia and some future perspectives in Central Asia.

REFERENCES

- Baldassar L. (2016). Mobilities and Communication Technologies: Transforming Care in Family Life / In: Kilkey M., Palenga-M llenbeck E. (eds.) *Family Life in an Age of Migration and Mobility: Global Perspectives through the Life Course*. London: Palgrave. Pp. 19–42.
- BOFIT. Viikkokatsaus 31. Suomen pankki. 4.8.2016. [Electronic Resource]. Access Mode: <http://www.suomenpankki.fi/bofit/seuranta/viikkokatsaus>
- Botoeva G. Kyrgyz migrant workers: does national pride mean violence against women? *OpenDemocracy*, 21.9.2012. [Electronic Resource]. Access Mode: <https://www.opendemocracy.net/od-russia/gulzat-botoeva/kyrgyz-migrant-workers-does-national-pride-mean-violence-against-women>
- Brednikova O., Tkach O. (2010). Reshaping living space. Concepts of Home Represented by Women Migrants Working in Saint Petersburg / In: Gdaniec Cordula (eds.) *Cultural Diversity in Russian Cities. Urban Landscape in post-Soviet Era*. Berghahn Books. Pp. 70–93.
- Buffel T., Phillipson C. (2016). Construction of ‘Home’ Among First-Generation Migrants Living in Belgium and England / In: Walsh K., Näre L. *Transnational Migration and Home in Old Age*. New York: Routledge. Pp. 63–74.
- Debus A., Thorns D. (1998). ‘Home, Home Ownership and the Search for Ontological Security’. *Sociological Review*, 46.1. Pp. 24–47.
- Federal Migration Service. The data was obtained on the official request in 2015.
- Federal Migration Service. The data was obtained on the official request in 2016.
- Focus Economics. *Russia Economic Outlook*. 21.10.2016. [Electronic Resource]. Access Mode: <http://www.focus-economics.com/countries/russia>
- Fryer P., Virkkunen J., Usmonov F. (2016). What Kind of Choice? Understanding Migration in Tajikistan / In: Liikanen I., Scott J.W., Sotkasiira T. (eds.). *Borders, Migration and Regional Stability in the EU’s Eastern Neighborhood*. New York: Routledge. Pp. 182–197.
- Giddens A. (1996). *The Consequences of Modernity*. Cambridge: Polity. 186 p.
- Gritsjuk M. Vjezzaem v Novyj god. Konstantin Romodanovskiy: Kak vstretit Rossija migrantov v 2015. *Rossijskaja Gazeta*, 28.12.2014. [Electronic Resource]. Access Mode: <http://www.rg.ru/2014/12/29/romodanovskij.html>
- IOM. *Tajik Migrants with Re-entry Bans to the Russian Federation*. Dushanbe: IOM, 2014. [Electronic Resource]. Access Mode: <https://publications.iom.int/books/tajik-migrants-re-entry-bans-russian-federation>
- ITAR-TASS. 600,000 migrants banned from entering Russia. 25.2.2015. [Electronic Resource]. Access Mode: <http://tass.ru/en/russia/720901>

- Kazmierkiewicz P. (2016). Migrant Vulnerabilities and Integration Needs in Central Asia: Root Causes, Social and Economic Impact of Return Migration — Regional Field Assessment in Central Asia 2016. Astana: International Organization for Migration (IOM). 257 p.
- Kluczevska K. (2014). Migrants Re-entry Bans to the Russian Federation: The Tajik Story. Central Asia Security Policy Briefs 16, Bishkek: OSCE Academy. 17 p.
- Kosmarskaya N., Savin I. (2016). Everyday nationalism in Russia in European context: Moscow residents' perceptions of ethnic minority migrants and migration / In: Kolstø P., Blakkisrud H. (eds.). *The New Russian Nationalism: "Imperialism, Ethnicity and Authoritarianism 2000—2015"*. Edinburgh: Oxford University Press. Pp. 132—159.
- Luhn A. Why are migrants fleeing Moscow? *Guardian*. 08.06.2015. [Electronic Resource]. Access Mode: <https://www.theguardian.com/cities/2015/jun/08/why-migrants-fleeing-moscow-permits-economy>
- Noble G. (2005). The Discomfort of Strangers: Racism, Incivility and Ontological Security in a Relaxed and Comfortable Nation. *Journal of Intercultural Studies*, 26:1. Pp. 107—120.
- Peshkova V. (2015). Migrant Infrastructure in Russian Cities: the Case of Labour Migrants from Uzbekistan and Kyrgyzstan in Moscow // *Mir Rossii*. Vol. 24, 2. Pp. 129—151. (in Russian)
- Ralph D., Staheli L.A. (2011). Home and Migration: Mobilities, Belongings and Identities. *Geography Compass*, 5/7. Pp. 517—530.
- Rocheva A. (2014). "A Swarm of Migrants in our Maternity Clinics!": The Study of Stratified Reproduction Regime in the Case of Kyrgyz Migrants in Moscow // *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 12. No. 3. Pp. 367—380. (in Russ)
- Ryazantsev S. Labour Migration from Central Asia to Russia in the Context of the Economic Crisis. *Russia in Global Affairs*. [Electronic Resource]. Access mode: <http://eng.globalaffairs.ru/valday/Labour-Migration-from-Central-Asia-to-Russia-in-the-Context-of-the-Economic-Crisis-18334>
- Ryazantsev S., Manshin R. (2016). Special features of the adaptation of migrant workers from Asian countries in the Russian economy // *Central Asia and Caucasus*. Vol. 17. Issue 4. P. 95—103.
- Strazds A., Grennes T. The Russian Economic Crisis: How Severe and How Long? *Economonitor*. 17.5.2016. [Electronic Resource]. Access Mode: <https://shar.es/187ycx>
- Tursunbekova A. Kyrgyzstan: Videos Abound of 'Patriotic' Attacks on Migrant Women in Russia. *Global Voices*, 16.6.2012. [Electronic Resource]. Access Mode: <https://globalvoices.org/2012/06/16/kyrgyzstan-patriotic-attacks-against-migrant-women-fuel-outrage/>
- Varshaver E., Rocheva A. Migrant communities in Moscow: Their origins, functionality, and maintenance mechanisms. *Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration*. 2014. [Electronic Resource]. Access Mode: <http://ssrn.com/abstract=2426477> (in Russian)
- Varshaver E., Rocheva A., Kochkin E., Kuldina E. Kyrgyz Migrants in Moscow: Results of a Quantitative Research on Integration Tracks. *Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration*. 2014. [Electronic Resource]. Access Mode: <https://ssrn.com/abstract=2425312> (in Russian)
- Virkkunen J., Fryer P. (2015). Keskiaasialaiset ja Venäjän työmarkkinoiden muutos // *Idäntutkimus*. No. 2. Pp. 49—65.
- Virkkunen J. (2013). Foodscapes in Central Asian Migrants in Russia / In: *Migration bridges in Eurasia. The materials of the V International conference "Labour migration in the Russian Federation: the prevention of forced labour, the promotion of social-economic development, improvement regulation"*. Ed. by S.V. Ryazantsev. Moscow: Econ-inform. Pp. 296—302.

Acknowledgements:

The study was conducted with support from the Strategic Research Council of the Academy of Finland.

Article history:

Received: 12 December 2016

Revised: 10 January 2017

Accepted: 19 January 2017

For citation:

Virkkunen J. (2017) Economic Aspects of Migration from Central Asia in Russia. *RUDN Journal of Economics*, 25 (1), 102—111.

Bio Note:

Joni Virkkunen, PhD (Geography), Senior Researcher, Karelian Institute, University of Eastern Finland, Joensuu (Finland). *Contact information:* e-mail: Joni.virkkunen@uef.fi

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МИГРАЦИИ ИЗ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В РОССИИ

Йони Вирккунен

Университет Восточной Финляндии

ул. Улиопистокаату, 2, ПЛ 111, Йоэнсуу, Финляндия, 80101

Чувство «дома» и «онтологической безопасности» является центральным в социальной и психологической интеграции как мигрантов, так и местных жителей. В России для большинства центральноазиатских мигрантов восприятие «дома» часто находится в явном противоречии с реальными ежедневными практиками в России. Ухудшение экономической ситуации, падение курса рубля и амбивалентное миграционное законодательство, безусловно, влияют на интеграцию мигрантов и чувство безопасности в новой стране проживания.

Ключевые слова: онтологическая безопасность, страны Центральной Азии, миграция в Россию, миграционный кризис, интеграция мигрантов в принимающее общество

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 12 декабря 2016

Дата принятия к печати: 19 января 2017

Для цитирования:

Вирккунен Йони. Экономические аспекты миграции из стран Центральной Азии в России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2017. Т. 25. № 1. С. 102—111.

Сведения об авторе:

Йони Вирккунен, доктор географических наук, ведущий исследователь Карельского института Университета Восточной Финляндии, Йоэнсуу. *Контактная информация:* e-mail: Joni.virkkunen@uef.fi

DOI 10.22363/2313-2329-2017-25-1-112-121

CURRENT TRENDS IN THE SOCIAL-ECONOMIC INTEGRATION OF GYPSY MIGRANTS IN THE EUROPEAN UNION

E. Marushiakova, V. Popov

School of History at University of St. Andrews

South str., 71, St Andrews Scotland, UK

Institute of Ethnology and Folklore Studies with Ethnographic Museum

at Bulgarian Academy of Sciences

Moskovska str., 6a, Sofia, Bulgaria, 1000

Abstract. Gypsies are not an isolated group, they have a multifaceted identity and national individuality. In order to identify the nature and determinants of Roma migrations, they should be given attention as an ethnically specific community. Roma migration in the past and in the present are dictated by the collective strategies in response to current political and economic changes. Deceptive inconsistency of Gypsy migrations is explained by the heterogeneity of the Roma communities themselves and is manifested in various ways in different countries. Currently, the main participants of the migration are not a community of nomads, but the representatives of the settled Roma communities. The reason for this situation is the significant increase of integration of Roma in the countries of Eastern Europe. This leads to the inclusion of Roma in global migration processes.

Key words: migration crisis, migration of Roma, integration of Roma, ethnic identity, the European Union

Introduction

In recent years, the Refugee Crisis has emerged as a major challenge before the united Europe, which threatens its unity and even questioned the future existence of the very Union. However, this crisis does not remove but rather complements other serious issues faced by the European Union, including the issue of integration of migrants and on the first instance the “Roma inclusion” into the societies of European Union countries (including countries such as Western Balkans and Turkey, which are in one or another way associated to EU).

Gypsies in Eastern Europe

Immediately after breaking down of the so-called socialist camp the fate of the Gypsies in former communist countries attracted attention of wide circle of personalities and institutions from the West, such as policy makers, human rights advocates, NGO and foundations and individual scholars as well and very quickly various in scale, direction and content initiatives for improving their situation were inducted. The Gypsies started to be called Roma, which is considered now the only one politically correct term. After the accession of most of countries of the former Soviet bloc to the European Union, the so-called “Roma issue” has become, from a problem specific for the Eastern European countries in transition, one of the leading themes in pan-European public space. At the

backdrop of this public interest there are the mass migrations of Gypsies from East to West and the efforts were directed towards improvement of their human rights situation, introduction of antidiscrimination laws. This was thought will pave road to integration, which will make Roma stay in their countries of origin. The failure of national integration policies towards the Gypsies in Eastern Europe became a failure of national integration policies towards the Gypsies in Western Europe as well. After more than two decades it is already clear that there is a complete failure in policies for Gypsies inclusion on a pan-European level. At the end, the contemporary policies of inclusion don't lead either to a decrease in rate of Gypsy migration, nor to Gypsies integration in their home countries or host countries, and if there is successful Gypsies migrants' inclusion it is in spite, not because of the policies.

In our previous publications we offered explanation of this at first glance shocking conclusion reviewing the main patterns of the Gypsy migrations from Eastern to Western Europe. (Marushiakova, Popov, 2015). In order to better understand the historical and modern patterns of Gypsy migrations also the specifics of Gypsies as an ethnic community and their historical fate should be taken into account too. The Gypsies, whose historical areal are the countries of Central, Eastern and Southeastern Europe, are non-homogeneous socio-cultural unit and that is hierarchically structured on different taxonomical levels. They are descendants of early (at least a thousand years ago) migrants from Indian subcontinent and have existed for centuries in a social structure, which we defined as an 'Inter-group Ethnic Formation'; this community is divided into a number of separate groups, subgroup divisions, and meta-group units, each with its own social and cultural features (Marushiakova, Popov, 2008, 2013). The Gypsies speak different dialects of their language, known as *Romanes* or Romani language (Matras Y., 2002), profess different religions (mainly different Christian denominations and Islam, and in the recent years there has been a stormy expansion of various new Protestant denominations), and are characterized by quite diverse ethno-cultural parameters. Many of them no longer speak *Romanes* and have accepted other basic languages (Turkish, Albanian, Romanian, Hungarian, Ukrainian, etc.), and are with preferred ethnic identity (i.e. they prefer to identify as another ethnicity, e.g. as Turks, Greeks, Romanians, Hungarians, etc. (Marushiakova, Popov, 2013, 2015). Some of them also even try to create their own new, entirely different ethnic identity, such as the Balkan Egyptians and A kali in the countries of former Yugoslavia and Albania (Marushiakova, Popov, 2001, 2013).

These communities are constructed on different hierarchical levels, and depending of different kinds of factors and in different context, one or another of these levels could be main, leading and determining. To the each level corresponds respective identity, thus the Gypsies are characterized by multidimensional identities. Different dimensions of these identities can be performed as subgroup, group, metagroup, or at the national or supranational levels. Together with this community ethnic identity all Gypsies units possess also national identity, a feeling of belonging to the civic nation of the state which citizens they are, or in migration, which have been in the recent past (Marushiakova, Popov, 2008, 2013).

The Gypsies are not a hermetically isolated and self-sufficient social and cultural system. They have always existed at least in two dimensions, or in two coordinate plans. This fundamental principle is based on the juxtaposition "community — society" which

should be understood as relations between two simultaneously existing typological phenomena intertwined in one inseparable unity. In this case, ‘community’ means the Gypsies as an Inter-group ethnic formation, clearly distinguished from its surrounding population; and ‘society’ means the Gypsies as part of the respective nation-state, which citizens and ethnically-based integral part the Gypsies are (Marushiakova, Popov, 2008). In order to reveal the nature of the processes of Gypsy migrations the attention should be paid to them as ethnically specific community, that at the same is an integral part and constituent element of their respective civic nations (Marushiakova, Popov, 2013).

In the Gypsies’ history, after their arrival in Europe from India and their stay for several centuries on, their migrations have formed a repetitive pattern (Matras Y., 2000) in which we can distinguish some big and several smaller migration waves, where they have crossed state borders, dispersed in new territories, and reclaimed new social and economic spaces (Marushiakova, Popov, 2006). The Gypsy migrations in the past and nowadays are driven by the demand for collective strategies in response to the ongoing political and economic changes, and they appear to be more or less non-coherent in practice, due to heterogeneity of the Gypsy communities and since the situation in various countries is different (Marushiakova, Popov, 2008).

In the history of the Gypsies after their arrival from the Indian subcontinent to Europe, there were three big waves of migration. About first two migration wave, which were predominantly movement of communities of service nomads, we wrote extensively elsewhere (Marushiakova, Popov, 2008, 2012).

The current third migration wave began in the 1960s and continued to the present (Marushiakova, Popov, 2006; Reyniers A., 1999). It could be defined as one common migration wave, in spite of its non-homogeneity and different main characteristics along the years. The nature of this third wave is different in comparison with the first two waves. In contrast to the previous two waves, the main bearer of the migration today are no longer the communities of nomads, but representatives of settled Gypsies communities, and the former nomads, sedentarised in the times of socialism, are only a less significant part of it. The reasons for this change is primarily the increased degree of social integration of Gypsies in countries of Eastern Europe, leading to the inclusion of Gypsies in the general migration processes flowing within the societies of which they are an integral part.

In the frames of this third wave we can distinguish following four types of migration: ‘Gastarbeiter’ from Yugoslavia; Political and quasi-political asylum seekers; Refugees from war and ethnic cleansing in the former Yugoslavia; Transborder labor mobility within the European Union. These four basic types of migrations often fully or only partially overlap as chronology. They are not unchangeable, one type could transfer to another, and in the end eventually all four types may lead to permanent settlement of Gypsies from Eastern in Western Europe (Marushiakova, Popov, 2013).

Types of Gypsies migration

It is this very variability that unites all these types of Gypsies migration into one separate wave. Another, even more important reason, which enable their categorization into one pattern is the fact that all these type of migration bear a common feature of “post-

modernity”. If we are using the categories of the aforementioned distinction of Gypsies as a ‘community’ and ‘society’, in the third wave of migration dominates migrating of Gypsies as a ‘society’, i.e. as an integral (though ethnically detached) part of the general migratory flows from the countries of Eastern Europe to the West (mainly to the Western Europe, and in smaller number to USA and Canada as well). Individual cases of Gypsies, migrating as part of the society, appeared occasionally already in times of the second migration wave, but now this is a predominant pattern. After EU accession of most countries in Eastern Europe and the fall of the visa obligations the processes of trans-border labor mobility (already legal) was accepted in masse. The countries preferred by the migrants from individual Southeastern and Central European countries are different, as are the ways of legalization, preferred occupation and so on, but in any case, the Gypsies’ migration mirror the mainstream migration wave which encompasses all Europe (Marushiakova, Popov, 2013).

In conditions of the migration, when Gypsies from Eastern Europe remain permanently settled in Western Europe and turn into local citizens, they preserve themselves as a Gypsy community, but at the same time they remain (at least for now) linked to national migrant diasporas of the relevant countries of origin. Moreover, Gypsies in migration maintained a much higher level contacts with their respective national diasporas than with Gypsy migrants from other countries or with Gypsies from their host countries. Specific case are Gypsy communities with preferred Turkish identity from Bulgaria, who in the conditions of emigration are using networks of migrants from Turkey for settling in host countries (mainly in Germany, Netherlands and Belgium) and are striving for melting with Turkish migrant diaspora in these countries (Marushiakova, 2014). We named this type of movement when Gypsies move to other countries, as inseparable part of the society, an “invisible” or “hidden” Roma migration. In fact, in this case more appropriate would be to speak about not about migration but about labor mobility, at least in case of Gypsies from Eastern European countries which are already members of European Union and de-jure are using the rule of free movement in Europe. Paradoxically, in spite of the fact that this “invisible” Roma migration is about the majority of them, no general public, nor policy makers, nor even most academics seem to be aware of it.

Parallel to this there are still cases, however, not so numerous, when Gypsies migrate as separate ethnic community and are highly visible in public sphere. The beginning of these processes was in the end of the 1980s, when in Germany, under the active influence of human rights organizations a public campaign for legalization the statute of the Gypsies, migrants from Yugoslavia started, however perceived them not as Yugoslavian citizens, but as a separate community (Matras Y., 1998; 2000). The theme of violated human rights of the minorities and the discrimination of the Gypsies in Eastern Europe gives new political dimensions to the attempts of Gypsies to migrate from these countries, trying to receive political shelter in different countries in Western Europe (as well as in USA and Canada) as persecuted in their countries communities. These migrations (or attempts for migration) are uneven in scale, chronology, and country of origin and heading, and are in dependence of different circumstances. Such are for instance the attempts of Gypsies from Bulgaria and Romania to receive political asylum in Germany in 1991-1993; the emigration of Gypsies from Poland and the Baltic states to Great Britain during

the second half of the 1990s; the emigration of Gypsies from Czech Republic, Slovakia and Hungary to Canada, which started to receive bigger and bigger dimensions after 1997; the entrance of Gypsies from Czech Republic and Slovakia to Great Britain in 1997 and later, in Belgium and Finland during 1999-2000, etc. (Grill J., 2011; 2012; Klimova I., Pickup A., 2000; Kotvanova A., Szep A., 2002; Kovats A., 2002; Vidra Z., 2013). The end of these type of migration occurs following European Union accession of the Eastern European countries and now the only country continuing to accept (although reluctantly) Gypsies as refugees remains Canada.

The case with Gypsy refugees from former Yugoslavia is more specific, but it is also a form of migration of Gypsies as a separate community. After the collapse of the country, as a result of the following wars and ethnic cleansing, big groups of Gypsies migrated westwards. The first migration currents were in the beginning of the 1990s when during the Bosnia war (1992—1995) many Gypsies headed towards Italia. Especially huge were the migrations from Kosovo after the NATO bombing of Serbia in 1999 and the following ethnic cleansing, carried out by the local Albanians, when many ‘Roma, Egyptians and Ashkali’ (according to the accepted terminology) were forced to leave the province and to escape to Serbia and Montenegro and Macedonia, where they live under the status of IDP (*Internally Displaced Persons*). Many of them manage to reach Western Europe (mainly Germany), where they also remain with unclear status and are under the continuous threat to be deported back to Kosovo, in spite the fact that the international forces and local authorities there are unable to assure their safety. In Italy all these Gypsy refugees automatically were declared to be “nomads” and according to these criteria they were exempt from the programs for integration of other refugees and migrants and were directly accommodated in the so-called “campi nomadi”¹.

The migrations of Gypsies as a “community” received new forms and dimensions after 2001, after the fall of visa restrictions for most of the countries in Eastern Europe. In their vast majority the bearers of the new migration strategy are parts of Gypsies from Romania. They are heading towards Italy, France, Spain and Portugal, and in smaller numbers also to Great Britain, Ireland and Nordic countries. They are using centuries-old tactics for earning their living: begging on the street of big towns. Because of their way of earning their living and specific women’s dress, they are visible in the eyes of surrounding population of accepting them countries and so they are transformed into the stereotyped image of the Gypsies migrants as a whole (Marushiakova, Popov, 2013). In this way the migrations of Romanian Gypsies are more “visible” for the local authorities and the media, while other Gypsy migrants, for example the Bulgarian Gypsies in Italy, remain largely away from (and mostly unknown) the public interest of researchers and authorities (Zahova S., 2013). In academia as well in policy on local, national and supranational level these visible Roma are equated to the refugees and forced migrants. Both categories are conceived as ‘vulnerable migrants’ that need to be protected and main practical efforts of the institutions is to distinguish between ‘fake’ and ‘real’ vulnerable ones among them, to understand to whom of them should be applied the asylum and refugee norms, how to secure their place of living in a way which will not make burden

¹ European Roma Right Centre (ERRC). *Campland: Racial segregation of Roma in Italy*. Budapest: European Roma Right Centre, 2000.

to specific localities. Another issue is the responsibility for solving their numerous problems and there is observed kind of competition between different stakeholders of care givers from one side and decision maker on different levels starting from local authorities, individual states or and transnational institutions. In the end the visible Roma migrants attract humanitarian assistance and are put under a strong patronizing approach.

In direct relation to this is the question about the causes of Gypsy migrations. In various scholarly works we found different answers from stereotypical, romanticizing explanation, e.g. Roma migrations are “way of maintaining their freedom and cultural vitality” to underlining the issues of poverty and discrimination. As follow up we can see conclusions, like e.g. “[Roma migrants are] caught in this vicious circle, unable to trust either western or eastern European societies, individual applicants are confronted with a choice between coming to terms with a *long-term clandestine existence*, and adopting an attitude of non-cooperation-in-principle with the majority or *gadje* society” (Matras Y., 2000). In the majority of cases, however, the reality is different — the causes of Gypsy migration in the West are the same like for surrounding population — the hard social and economic crisis of the time of the transition. High unemployment rate especially among the Gypsies and increase of antigypsyism and discriminatory attitudes are just additional factors pushing Gypsies to migrate and increase the size of mobility. And in this migration as well as in adapting to host country Gypsies cooperate closely with representatives of the majority societies from their countries of origin and from host countries too.

Having in mind that majority of Gypsies today migrate in majority cases as part of the society of their countries of origin we can disclose the main reason for migration to the West today, for both Gypsies and non-Gypsies as well. This appears on the first place to be the huge difference in the living standards in East and West. In certain occupations the ratio between the salaries in East and West can reach 1:10 and even more, and when speaking about the size of social welfare that is possible to receive in the West it exceeds in some cases the amount of any wages in the countries of origin of the migrants. So it is completely understandable that the Gypsies, including those with good qualifications, are an integral part of the national migration flows in the West. Even hypothetically if we imagine that all social and economic problems which are specific for Gypsies in Eastern Europe disappear and they will become truly equal with majority, this will not change their life strategies oriented at migration in the West (or will change them only to a minor degree). In this sense, all EU programs and projects that are implemented in Eastern and Western Europe, aimed at limiting only the Gypsies migrations to the West and not to equalizing the living standards in both part of Europe are doomed to failure.

The outcomes of the current Gypsy migration to the West have different dimensions. On the one hand, the migrating Gypsy families who settle permanently in the Western European countries, who are already part of the huge “invisible” migration from the East, are mitigating the continuing dependency of western European market structures on low-skilled or skilled immigration workers thus in the end is profitable for the West. On the other hand, in results of migration, in Eastern Europe remain to live mostly marginalized parts of the local Gypsy communities, unable to migrate with low social literacy and without any qualification. This further complicates and undermines the efforts for their successful social integration. In this situation, development prospects of

the Gypsy migration from East to West is difficult to predict, especially in the more distant future, but it is clear already now that they affect particularly negatively the Gypsies who stay in their homelands.

Conclusion

This situation poses new challenges for the United Europe. It turns out that the united Europe cannot provide social integration of a significant parts of its citizens (in European official documents the number of 10—12 million Roma living in Europe is quoted). And problems with their integration are encountered in the East (it is explained as a legacy of socialism), but increasingly also in the West. Attempts to limit the Gypsy migrations in the West and the transfer of responsibility for social integration of Roma on countries in Eastern Europe. In case of Eastern European countries which are already members of European Union this actually constitutes a breach of a fundamental principle upon which is built a united Europe — the free movement of people, goods and capitals. The adoption of the European Framework of National Roma Inclusion Strategies 2011, which obliges EU member states to develop their national strategies for solving the problems of Roma did not lead to any real consequences. And something more — it cannot lead to any positive change in situation when the most active part of their communities is pushed to migration. Therefore, the prospects for social integration of Roma in European Union are not encouraging at all, they are just on the contrary (Marushiakova, Popov, 2015). The prospects for integration of Roma who originate from countries apart of European Union are even more desperate.

REFERENCES

- European Roma Right Centre (ERRC). *Campland: Racial segregation of Roma in Italy*. Budapest: European Roma Right Centre, 2000.
- Grill J. (2011). *From Street Busking in Switzerland to Meat Factories in the UK: A Comparative Study of Two Roma Migration Networks from Slovakia* / In: Kaneff, D., Pine, F. (Eds). *Emerging Inequalities in Europe: poverty and transnational migration*. London: Anthem Press. Pp. 79—102.
- Grill J. (2012). “It’s building up to something and it won’t be nice when it erupts”: The making of Roma / Gypsy migrants in post-industrial Scotland // *Focaal*. 62 (1). Pp. 42—54.
- Grill J. (2012). ‘Going up to England’: Exploring Mobilities among Roma from Eastern Slovakia // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 38 (8). Pp. 1269—1287.
- Klimova I., Pickup A. (2000). (Eds.) *Romani Migrations: Strangers in Anybody’s Land?* // *Cambridge Review of International Affairs*. XIII (2). Pp. 13—118.
- Kotvanova A., Szep A. (2002). (Eds.) *Migrácia a Rómovia. Historické sociálne a politické súvislosti*. Bratislava: Slovenský inštitút medzinárodných štúdií.
- Kovats A. (2002). (Ed.) *Roma Migrations*. Budapest: Hungarian Academy of Sciences — Institute of Minority Research.
- Marushiakova E. (2008). *Gypsy/Roma Identities in New European Dimension: The Case of Eastern Europe* / In: Marushiakova E. (Ed.) *Dynamics of National Identity and Transnational Identities in the Process of European Integration*. Newcastle: Cambridge Scholars Publishing. Pp. 468—490.
- Marushiakova E. (2014). *Roma from Southeastern Europe: Living and Working in Migration* // *Re:work Working Paper*. 15. Pp. 281—309.

- Marushiakova E., Popov V. *Gypsies (1997). (Roma) in Bulgaria*. Frankfurt am Main: Peter Lang.
- Marushiakova E., Popov V. (2006). De l'Est à l'Ouest. Chronologie et typologie des migrations tsiganes en Europe // *Etudes Tsiganes*. No. 27-28. Pp. 10—26.
- Marushiakova E., Popov V. (2008). Migrations des Tsiganes en Europe, des années soixante à nos jours // *Hommes et Migrations*. 1275. Pp. 100—111.
- Marushiakova E., Popov V. (2012). Gypsy migrations in Europe / In: *Migration bridges in Eurasia. Collection reports and materials of the participants of the II international scientific-practical conference*. Ed. by S.V. Ryazantsev. Moscow: Econ-Inform. Pp. 261—265.
- Marushiakova E., Popov V. (2013). Roma Identities in Central, Southeastern and Eastern Europe / In: Kyuchukov, H., Rawashdeh, O. (Eds.) *Roma Identity and Anti-Gypsyism in Europe*. München: LINCOM. Pp. 40—52.
- Marushiakova E., Popov V. (2013). Two Patterns of Roma Migrations from Southeastern Europe / In: Dimitrova, T., Kahl, T. (Eds.) *Migration from and towards Bulgaria*. Berlin: Frank and Timme. Pp. 227—244.
- Marushiakova E., Popov V. (2013). Roma Migrations vs. Gypsy Nomadism / In: Schrammel-Leber, B., Tiefenbacher, B. (Eds.) *Romani V. Papers from the Annual Meeting of the Gypsy Lore Society, Graz 2011*. Graz: Grazer Linguistische Monographien. Pp. 113—134.
- Марушиакова Е., Попов В. (2013). Миграции на цигани от Юго-Източна Европа. (История и съвременност) / In: Маева, М., Захова, С. (Eds.) *Българите в Средиземноморието. Етнография на миграциите*. София: Парадигма. Pp. 237—296.
- Marushiakova E., Popov V. (2015). European Gypsy Migrations: Historical and Modern Patterns / In: *Migration bridges in Eurasia. Materials of the VII international scientific and practical conference*. Ed. by S.V. Ryazantsev. Moscow: Econ-Inform. Pp. 404—409.
- Marushiakova E., Popov V. (2015). European Policies of Roma Social Inclusion: Catch 22? // *Social Inclusion*. 3 (5). P. 19—31.
- Marushiakova E., Popov V. (2015). Identity and Language of the Roma (Gypsies) in Central and Eastern Europe / In: Kamusella, T., Nomachi, M., Gibson, C. (Eds.) *The Palgrave Handbook of Slavic Languages, Identities and Borders*. London: Palgrave. Pp. 26—54.
- Marushiakova E. (2001). et al. Identity Formation among Minorities in the Balkans: The cases of Roms, Egyptians and Ashkali in Kosovo. Sofia: Minority Studies Society *Studii Romani*.
- Matras Y. (1998). The development of the Romani civil right movement in Germany 1945—1996 / In: Tebbut, S. (Ed.) *Sinti and Roma: Gypsies in German-speaking society and literature*. New York: Berghahn. Pp. 49—64.
- Matras Y. (2000). Romani migrations in the post-communist era: Their historical and political significance // *Cambridge Review of International Affairs*. 2000. 13 (2). Pp. 32—50.
- Matras Y. (2002). *Romani. A Linguistic Introduction*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Reyniers A. (1999). Evaluation of Gypsy Populations and their Movements in Central and Eastern Europe and in some OECD Countries, focusing on the issues of migration, application for asylum, demography and employment. *Occasional Papers*. Paris: OECD.
- Vidra Z. (2013). (Ed.) *Roma migration to and from Canada: The Czech, Hungarian and Slovak case*. Budapest: CEU.
- Захова С. (2013). Формални и неформални мрежи на българи в Италия / In: Маева, М., Захова, С. (Ред.) *Етнография на миграциите: Българите в Средиземноморието*. София: Парадигма. Pp. 101—136.

© E. Marushiakova, V. Popov, 2017

Article history:

Received: 23 December 2016

Revised: 23 January 2017

Accepted: 18 February 2017

For citation:

Marushiakova E., Popov V. (2017) Current Trends in the Social-Economic Integration of Gypsy Migrants in the European Union. *RUDN Journal of Economics*, 25 (1), 112—121.

Bio Note:

Marushiakova Elena, PhD, Professor, School of History, University of St. Andrews, Scotland, UK; Institute of Ethnology and Folklore Studies with Ethnographic Museum at Bulgarian Academy of Sciences, Sofia (Bulgaria). *Contact information:* e-mail: emp9@st-andrews.ac.uk

Popov Vesselin, PhD, Professor, School of History, University of St. Andrews, Scotland, UK; Institute of Ethnology and Folklore Studies with Ethnographic Museum at Bulgarian Academy of Sciences, Sofia (Bulgaria). *Contact information:* e-mail: vp43@st-andrews.ac.uk

СОВРЕМЕННЫЕ ТРЕНДЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ МИГРАНТОВ-ЦЫГАН В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ

Елена Марушиакова, Веселин Попов

Школа истории Университета Святого Эндрюса
Южная ул., 71, Св. Эндрюс, Шотландия, Великобритания

Институт этнологии и фольклора при этнографическом музее, Болгарская академия наук
ул. Московская, ба, София, Болгария, 1000

Цыгане не являются изолированной группой, они обладают многомерными идентичностями и обладают национальной самобытностью. Чтобы выявить природу и факторы цыганских миграций, им следует уделять внимание как этнически специфической общности. Цыганские миграции и в прошлом и в настоящем обусловлены коллективными стратегиями в ответ на текущие политические и экономические изменения. Кажущаяся несогласованность цыганских миграций объясняется неоднородностью самих цыганских общин и по-разному проявляется в различных странах. В настоящее время главными носителями миграции являются не общины кочевников, а представители оседлых цыганских общин. Причиной тому является повышение степени интеграции цыган в странах Восточной Европы. Это приводит к включению цыган в глобальные миграционные процессы.

Ключевые слова: миграционный кризис, миграция цыган, интеграция цыган, этническая идентичность, Европейский Союз

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 23 декабря 2016

Дата принятия к печати: 18 февраля 2017

Для цитирования:

Марушиакова Е., Попов В. Современные тренды социально-экономической интеграции мигрантов-цыган в Европейском Союзе // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика*. 2017. Т. 25. № 1. С. 112—121.

Сведения об авторах:

Елена Марушиакова, доктор наук, профессор Школы истории Университета Святого Эндрюса, Шотландия, Великобритания; Института этнологии и фольклора при этнографическом музее Болгарской академии наук. *Контактная информация*: e-mail: emp9@st-andrews.ac.uk

Весселин Попов, доктор наук, профессор Школы истории Университета Святого Эндрюса, Шотландия, Великобритания; Института этнологии и фольклора при этнографическом музее Болгарской академии наук. *Контактная информация*: e-mail: vp43@st-andrews.ac.uk

DOI 10.22363/2313-2329-2017-25-1-122-136

«РУССКОЯЗЫЧНАЯ» ЭКОНОМИКА КАК МЕХАНИЗМ ИНТЕГРАЦИИ РУССКОГОВОРЯЩИХ МИГРАНТОВ В ПРИНИМАЮЩИХ СТРАНАХ

С.В. Рязанцев

Институт социально-политических исследований РАН
ул. Фотиевой, 6, к. 1, Москва, Россия, 119333
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Эмиграция из России привела к формированию и расширению русскоговорящих сообществ в различных странах мира. Русскоговорящая аудитория очень велика и представляет собой крупный сегмент некоторых национальных экономик. На примере некоторых стран (США, Таиланд, Австралия, страны Европы) исследован новый социальный феномен — «русскоязычная» экономика, который занимает важное место в жизни русскоговорящих сообществ и включает систему институтов, инфраструктуру и экономические отношения между их представителями, основанные на использовании и доминировании русского языка. Вновь прибывающие иммигранты из России и стран бывшего СССР интегрируются в принимающих обществах, приобретая первый опыт работы и жизни в новых условиях чаще всего именно в «русскоязычной» экономике. Русскоговорящие общины расширяются благодаря постоянной подпитке со стороны иммиграции из России — это не только новые работники, но и покупатели товаров и потребители услуг. В некоторых случаях развитие «русскоязычной» (этнической) экономики в сочетании с другими факторами становится стимулом для миграции из России в принимающие страны.

Ключевые слова: «русскоязычная» экономика, русскоговорящие сообщества, эмиграция, адаптация, интеграция, экономические институты, экономические отношения, Россия, рынок труда

Введение

Порядка 30—35 млн человек, имеющих отношение к русской культуре и русскому языку, проживающие по разным причинам за пределами современной России, стали второй по численности «диаспорой» в мире после китайской «хуацзяо» (Рязанцев, 2016). Значительная часть русских живет в странах бывшего СССР. Формирование русскоговорящих сообществ за рубежом происходило за счет четырех компонентов. Во-первых, эмиграция из СССР и России, волны которой в разное время сформировали «ядра» русскоговорящих общин в разных государствах мира. Основными странами расселения эмигрантов из России стали США, Германия, Израиль, Канада, Франция, Аргентина, Бразилия, Австралия, Испания и некоторые другие.

Во-вторых, это распад СССР, который одномоментно увеличил численность русских, проживающих за пределами родины на несколько миллионов человек.

Прежде всего, речь идет о постсоветских странах — крупнейшие русскоговорящие сообщества (около 25 млн человек) остались на Украине, в Казахстане, странах Балтии, Закавказья и Центральной Азии (Iontsev V.A., Ryazantsev S.V., 2015). Столько уникальная форма образования «диаспоры» накладывает отпечаток на особенности ее жизнедеятельности русских сообществ в странах «ближнего зарубежья». Однако, постепенно численность русских в странах СНГ сократилась за счет возвратной миграции в Россию, а также процессов интеграции и естественной убыли населения.

В-третьих, естественный прирост населения за счет рождаемости в русскоговорящих общинах, которые проживают за рубежом. За рубежом родилось уже несколько поколений потомков русских мигрантов, которые не жили в России, но сохраняют приверженность русскому языку и культуре. Например, на протяжении нескольких поколений удивительным образом сохранили свою русскую идентичность такие русские группы населения как харбинцы, староверы, старообрядцы и др., проживающие в Австралии, США, Канаде, Бразилии, Аргентине (Рязанцев, 2016).

В-четвертых, этнолингвистическая самоидентификация населения, имеющего русские корни. В настоящее время русский язык входит в первую десятку самых распространенных языков в США (конечно, не считая английского), в Израиле около 1 млн человек из 8 млн населения говорит по-русски, в Германии 6 млн человек из 82 млн понимают русский язык (Рязанцев, 2016). Многие выходцы из России уже в первом поколении очень успешно интегрировались в принимающих странах, а во втором и третьем — уже утрачивали русскую идентичность. Обычно к третьему поколению русских мигрантов происходило «угасание русского языка», т.е. внуки мигрантов практически переставали говорить по-русски (Ryazantsev S.V., 2015).

Источники информации и методы исследования

В качестве объектов настоящего исследования выступали мигранты из России, проживающие за рубежом не менее 1 года, независимо от текущего миграционного статуса и гражданства, а также институты и инфраструктура «русскоязычной» экономики в основных странах расселения русскоговорящего населения. Предметом исследования был процесс интеграции мигрантов из России в принимающие общества посредством взаимодействия с институтами и инфраструктурой «русскоязычной» экономики, в том числе с рынком труда, рынком недвижимости, работодателями, компаниями, фирмами, средствами массовой информации и др.

Использовался метод сравнительного анализа российской статистики об эмиграции и зарубежной статистики об иммигрантах из России, на этой основе были определены масштабы и каналы миграции, социально-демографическая структура миграционного потока из России в ключевые страны мира. По России использовались данные Российской службы государственной статистики, Федеральной миграционной службы России, Министерства иностранных дел России, посольств и консульств России за рубежом, а также статистика национальных служб по учету миграции в основных странах расселения русскоговорящего на-

селения. Например, в США использовались данные иммиграционной пограничной статистики (US Department of Homeland Security, Bureau of Consular Affairs, US Department of State) и национальной переписи населения (Census Bureau, Department of Commerce). Это позволило дать оценки численности мигрантов из России на территории некоторых стран. На основе статистического метода, экспертных оценок были описаны масштабы, структура и тенденции развития «русскоязычной» экономики. Важным фрагментом исследования была оценка степени удовлетворенности мигрантов из России жизнью за рубежом, их миграционные установки на ближайшую перспективу, в том числе желание вернуться обратно в Россию.

Масштабы и формы эмиграции из России за границу

Источники информации об эмиграции из России можно разделить на две категории. Первая категория — данные об миграционных потоках из России, а вторая категория — данные о численности (контингентах) русскоговорящего населения в принимающих странах. Первая категория характеризует масштабы процесса эмиграции, а вторая — результат эмиграции (Рязанцев, 2016). Основные трудности оценки каналов и масштабов эмиграции из России связаны с неэффективной системой статического учета временных форм миграции в России вообще, а также эмиграции в частности. Источники информации об эмиграции из России дают следующие результаты, например, сведения Росстата показывают численность эмигрантов из России, выехавших на постоянное место жительства за рубеж на основе данных о снятии с регистрационного учета по месту жительства. В 2011 г. были изменены условия учета иностранных граждан в России, которые «бумерангом» нарушили статистику об эмиграции российских граждан. С 2011 г. в статистику об эмиграции стали автоматически попадать сведения об истечении срока регистрации иностранных граждан, находившихся в стране более девяти месяцев. В результате чистая статистика об эмигрантах из России была «дополнена» и соответственно серьезно искажена иностранными гражданами (Рязанцев, 2016). Данная неразбериха с эмиграционной статистикой совершенно перевернула список стран — основных направлений эмиграции. Если по итогам 2010 г. в перечне лидеров находились Казахстан, Украина, Германия, Беларусь, США, то в 2014 г. новыми направлениями эмиграции российских граждан вдруг стали Узбекистан, Таджикистан, Украина, Армения и Китай (Рязанцев, 2016). Новый список стран-лидеров по постоянной эмиграции стал удивительно напоминать в зеркальном отражении список стран-основных поставщиков временных трудовых иммигрантов в Россию. В этой статистической «неразберихе» для оценки реальных направлений эмиграции из России разумнее брать государства, расположенные за пределами бывшего СССР, поскольку как показывают социологические опросы, эмиграционные ориентиры большинства российских граждан устремлены отнюдь не в страны СНГ. Данный факт подтверждают исследования общественного мнения. В частности, опросы РОМИР (в опросах принимали участие 1 тыс. респондентов в возрасте от 18 до 50 лет и старше, проживающие в

городах с населением от 100 тыс. и больше, из 8 федеральных округов¹. Выборка репрезентирует взрослое, экономически активное городское население России), проведенные по единой методике в 2005 и 2012 гг. зафиксировали устремления российских граждан на эмиграцию именно в страны «дальнего зарубежья». В 2012 г. при сохранении лидирующих позиции европейских стран (37%), возросла роль Австралии и Новой Зеландии (23%), Японии и стран Юго-Восточной Азии, а также стран Латинской Америки (почти вдвое). Эмиграционные установки на США и Канаду среди россиян несколько сократились до 19%².

Согласно данным ФМС ежегодные масштабы временной трудовой эмиграции из России через официальные каналы отмечались на уровне 60–70 тыс. человек. Так по данным ФМС России в 2015 г. немногим более 57 тыс. российских граждан выехали через официальные каналы на работу за рубеж, в большинстве своем направившись в весьма «экзотические» страны (Либерия, Кипр, Маршалловы острова, Мальта, Антигуа и Барбуда, Панама, Багамские острова, Барбадос и др.) (Рязанцев, 2016). Это было обусловлено эмиграцией моряков, инженеров, техников, механиков и обслуживающего персонала судов (28% всех российских трудовых эмигрантов приходится на эти профессии). По данным ФМС в 2015 г. более 94% всех трудовых российских эмигрантов были работниками на судах с иностранными флагами (Рязанцев, 2016). Например, Либерия, как основная страна эмиграции россиян, еще в 1970-е гг. одной из первых в мире открыла международный судовой регистр. В итоге, сейчас это первая по тоннажу морского флота страна. Многие российские судовладельцы «приписали» свои суда к Либерии. И теперь набирают персонал на них из числа российских граждан. Аналогично Кипр, который был долгое время страной с офшорным режимом налогов. Туда были вывезены значительные российские капиталы, открыты банки, магазины, торговые компании. Это также требует русскоговорящего персонала. Из более традиционных стран для россиян в 2015 г. имели важное значение Нидерланды (4 место), Германия (8 место), США (9 место), Норвегия (10 место) (Рязанцев, 2016). В последние годы также становятся популярными направления трудовой миграции в страны Азии, Латинскую Америку, Австралию. Сравнительный анализ данных по временной трудовой миграции ФМС России и зарубежных стран показывает, что масштабы российской трудовой эмиграции могут быть выше в 3–4 раза. В этой связи, реальные оценки ежегодного количества российских граждан, работающих за границей, могут быть на уровне 150–200 тыс. человек (Рязанцев, 2016). В отчетность входят только те трудовые эмигранты, которые трудоустроились через официальные каналы (а именно через компании, имеющими лицензию ФМС на трудоустройство за рубежом). Результаты исследований, в том числе социологических опросов, показывают, что многие россияне находят работу за рубежом самостоятельно, в том числе через социальные сети и Интернет. В результате масштабы временной трудовой эмиграции из России наверняка в разы выше, чем это показывали данные ФМС.

¹ Все больше россиян задумываются об эмиграции. Исследование РОМИР [Электронный ресурс]. URL: http://romir.ru/studies/390_1348084800/ (дата обращения: 15.11.2016).

² Там же.

МИД России имеет данные о регистрации в российских консульских учреждениях временно или постоянно проживающих российских граждан в той или иной стране. Преимуществом данной статистики можно считать относительную легкость фиксации и четкие критерии учета российских граждан. Многие граждане России, проживающие за рубежом, обращаются в консульские учреждения для получения новых заграничных паспортов, получение свидетельств о рождении детей, заверения документов, запроса официальных справок, оформления доверенностей, участия в российских выборах. Но у многих российских граждан, проживающих за границей, отсутствует мотивация обращения и регистрации в отечественных консульствах. Данное обстоятельство признают и сами российские дипломаты. Поэтому основной недостаток данной статистики — охват исключительно тех граждан Российской Федерации, которые имеют мотивацию к регистрации в консульстве, и как следствие, существует их значительный недоучет. На официальном сайте МИД России сообщается, что в 2015 г. более 2 млн российских граждан было зарегистрировано в консульских учреждениях за рубежом¹. Однако, данная цифра представляется сильно заниженной. По оценкам дипломатов только 10—30% из реально находящихся российских граждан за границей регистрируются в консульских структурах. Проведенные интервью показывают, что многие выходцы из России слабо ориентированы на общение с официальными представительствами российского государства за рубежом.

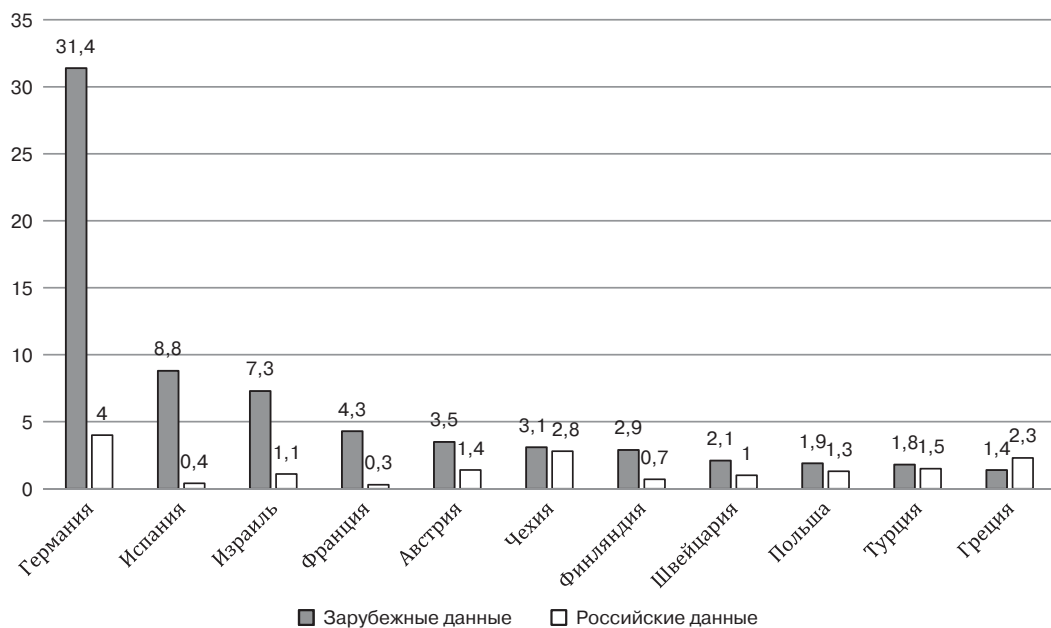

Рис. 1. Миграционные потоки из России в страны за пределами бывшего СССР в 2013 г. (сопоставление российских и зарубежных данных), тыс. человек

(Figure 1. Migratory flows from Russia to countries outside the former USSR in 2013 (comparison of Russian and foreign data), thousand people [International Migration Outlook, 2015])

Примечание. Данные по Турции и Греции доступны только за 2010 г.

Note: data for Turkey and Greece are only available for 2010.

¹ Информация Консульского департамента МИД России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kdmid.ru/opendata/default1.aspx> (дата обращения 13.03.2017).

Наиболее системным зарубежным источником информации можно считать доклад ОЭСР, который обобщает сведения по большинству экономически развитых и некоторым развивающимся странам. Доступны три вида данных по гражданам России: в общих миграционных потоках, в потоках соискателей убежища, в динамике получения гражданства принимающей страны. Однако перечень стран варьируется в каждой из указанных категорий. В Израиле по-прежнему собираются данные по категории «граждане бывшего СССР». Наиболее значительный миграционный приток граждан России в 2013 г. согласно национальным данным отмечался в Германию, Испанию, Израиль, Францию, Австрию и ряд других европейских стран. Сопоставление данных зарубежных стран с российскими показывает, что они в разы выше. Например, по Испании — в 22 раза, по Франции — в 14 раз, по Германии — в 8 раз (рис. 1) (Рязанцев, 2016).

Данные по въезду российских граждан в США, Канаду, Австралию, Новую Зеландию, Великобританию не отражаются в докладе ОЭСР, скорее всего, по причине их незначительности на фоне миграционных потоков из других стран. Но для России масштабы эмиграции в эти государства значительны. Например, по данным службы безопасности США в 2014 г. около 9 тыс. человек, родившихся в России, получили законный статус постоянного жителя страны. Это составило всего 0,9% от всех иммигрантов в США (страна в 2014 г. приняла 1017 тыс. иммигрантов). Аналогичное сопоставление американских и российских данных показывает превышение первых над вторыми в 5–7 раз (рис. 2) (Рязанцев, 2016).

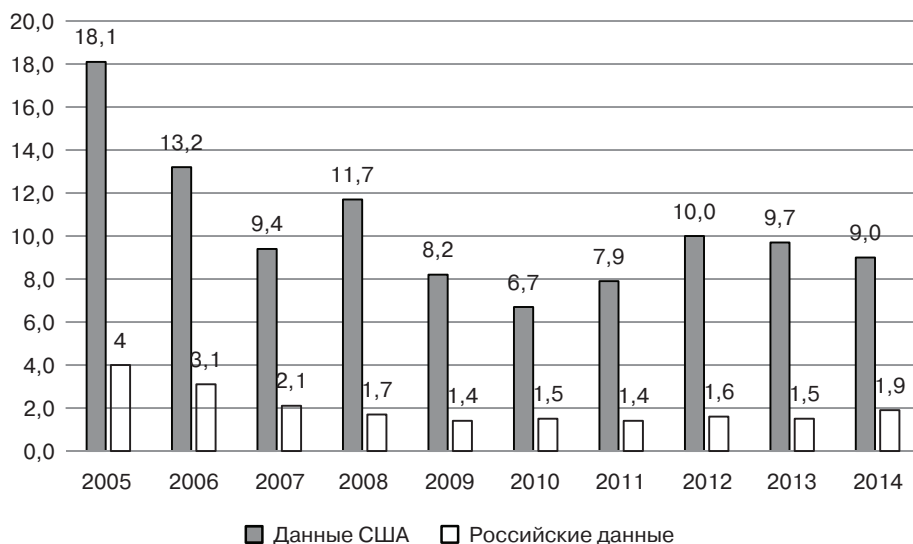

Рис. 2. Миграционные потоки из России в США в 2005–2014 гг. (сопоставление российских и американских данных), тыс. человек [Yearbook of Immigration Statistics: 2014]
(Figure 2. Migration flows from Russia to the USA in 2005–2014 (comparison of Russian and American data), thousand people [Yearbook of Immigration Statistics: 2014])

Парадоксально, но данные зарубежной статистики фиксируют большую численность россиян за границей и более адекватно отражают масштабы явления российской эмиграции. Российское государство, к сожалению, не располагает

адекватной статистической информацией о численности выходцев из России и российских гражданах, которые проживают в настоящее время за границей.

«Русскоговорящая» экономика как механизм адаптации «русскоговорящих» мигрантов: структура и механизмы функционирования

Благодаря миграции из стран бывшего СССР в некоторых странах сформировался новый феномен, который можно назвать «русскоязычной» экономикой (Ryazantsev S.V., 2015). Под «русскоязычной» экономикой можно понимать систему экономических институтов и экономических отношений, в основе которых лежит русский язык, он же — основной интеграционный фактор, а также движущая сила ее развития является удовлетворение потребностей русскоговорящего населения и туристов, а также экономические связи с Россией (Рязанцев, 2016). «Русскоговорящая экономика» функционирует и развивается благодаря активным экономическим связям с Россией, в том числе обслуживает туристические потоки, торгово-экономические отношения и торговлю. Масштабы «русскоговорящей экономики» находятся в тесной зависимости от численности русскоговорящих общин и объемов туристических потоков из России и стран бывшего СССР. Локализация русскоговорящей экономики и компактность проживания русскоговорящих общин свойственны не всем странам мира, но проявилась достаточно четко в некоторых регионах, например, в Юго-Восточной Азии (Рязанцев С.В., Письменная и др., 2014). Возникли и успешно функционируют ярко выраженные «русские поселки»: в Паттайе в Таиланде; в Вунгтау и Нячанге во Вьетнаме; в Суакнувиле в Камбодже. Именно в странах ЮВА «русскоговорящая экономика» приобрела ярко выраженный характер в силу того обстоятельства, что русскоговорящим мигрантам практически невозможно полностью интегрироваться («раствориться») в принимающих сообществах из-за культурно-бытовых, языковых, этнических, религиозных, социальных отличий (Рязанцев С.В., Кузнецов Н.Г. и др., 2016).

Исследование показало, что «русскоязычная экономика» и эмиграция — взаимосвязанные и взаимозависимые феномены. С одной стороны, вновь прибывшие русскоговорящие мигранты, зачастую не знающие хорошо языка принимающей страны, в первую очередь находят работу и адаптируются через механизмы русскоязычной экономики. Например, в районе Брайтон-бич в Нью-Йорке можно обнаружить этнические («русскоязычные») бюро по трудоустройству. И наличие русскоязычного сегмента рынка труда позволяет русским американцам начать процесс интеграции в американское общество. Русскоговорящие мигранты успешно интегрируются в американское общество в большинстве своем стартуя именно через институты русскоговорящей экономики, получая здесь поддержку, рабочие места, жизненный опыт, профессиональные навыки. Но в конечном счете, успешность процесса будет зависеть от многих факторов, в том числе от возможности вовремя вырваться из круга русскоязычной экономики и перейти в национальные (неэтнические) сегменты рынка труда.

С другой стороны, развитие самой русскоязычной экономики требует притока трудовых ресурсов с русским языком и русским менталитетом. Поэтому «русскоязычная» экономика в какой-то мере стимулирует новые миграционные вол-

ны из России и других стран бывшего СССР. Наиболее наглядными примерами можно считать активный приток российских предпринимателей, бизнесменов, представителей среднего класса на постоянное место жительства и работу в страны новой эмиграции (например, Испанию, Болгарию, Таиланд, Камбоджу и др.). Наглядный пример — оффшорное островное государство Кипр, которое до вхождения в состав Европейского Союза стало местом притока инвестиций из России, затем стимулировало развитие русского бизнеса (банки, рестораны, магазины, школы и др.), а потом и миграции из России трудовых ресурсов для своего развития. Можно сказать, что русскоязычная экономика является драйвером эмиграции части населения из современной России.

«Русскоязычная» экономика включает систему институтов, инфраструктуру и экономические отношения между представителями «русскоговорящих сообществ», основанные на использовании и доминировании русского языка. Структура «русскоязычной» экономики представлена несколькими элементами. Во-первых, компаниями, фирмами и организациями, которые основаны и развиваются выходцами из России или их потомками; во-вторых, «русскоязычным сегментом рынка труда», на котором существует спрос именно на русскоговорящих сотрудников; в-третьих, финансовыми потоками, происходящими из России и (или) обслуживающими «русскоязычную» экономику; в-четвертых, социальными сервисами и сектором услуг, ориентированных на потребителей, говорящих в основном или только на русском языке; в-пятых, средствами массовой информации, существующими для русскоговорящей аудитории. Можно сказать, что в основе идентификации русскоязычной экономики лежит этнолингвистический подход. Зачастую «русскоязычная» экономика основана на тесных экономических связях с Россией или русскоговорящих сообществами в соседних странах. Несмотря на значительные масштабы исследование «русскоязычной» экономики пока не получило широкого распространения в российской и зарубежной науке. В большей степени предыдущие исследования были посвящены вопросам формирования, расселения и адаптации к жизни в принимающих странах русскоговорящих мигрантов разных волн. Однако механизмы их экономической активности, последствия экономической деятельности, экономические связи с Россией оставались закрытым для исследователей феноменом. И хотя точные масштабы «русскоязычной» экономики не известны и трудно поддаются оценке, вполне возможно, что они сопоставимы с ВВП Российской Федерации.

Интересен кейс США. В 2010 г. в США проживали 3,2 млн выходцев из России, большинство из них были успешно интегрированы в американское общество и рынок труда. Около 40% русскоговорящих американцев проживает на северо-востоке страны. Крупнейшая община сосредоточена в Нью-Йорке. Уникальным районом компактного проживания выходцев из России является Брайтон-Бич на Манхэттене (хотя русским мигрантам не свойственно компактное проживание в других странах). Примерно четвертая часть выходцев из России живут на западном побережье (Сан-Франциско, Лос-Анджелесе, Сан-Диего, Сиэтле и других городах). Особый район концентрации высококвалифицированных бывших россиян — Силиконовая долина в Калифорнии. Около 20% выходцев из России

живут на юге США (главным образом, в Майами). Много выходцев из России живут в Детройте, Чикаго, Бостоне, Филадельфии, Хьюстоне.

Термин «русскоговорящие сообщества» более применим к русским в США, чем термин «русская диаспора» по трем причинам. Во-первых, русские не могут быть отнесены к традиционному понятию «диаспора», поскольку они слабо консолидированы и зачастую имеют слабую ориентацию на свою родину. Во-вторых, русский язык один из немногих факторов, который экономически скрепляет разнородные группы мигрантов из России и бывшего Советского Союза, имеющие разную этничность, религию, страну рождения. В-третьих, в национальной статистике США (данные переписей населения) доступна информация об использовании языка в семье. Язык сильно влияет на экономическое поведение, в том числе на рынке труда и в сфере потребления. Это хорошая статистическая база для определения границ объекта исследования — русскоговорящих сообществ. В 2010 г. перепись населения США выявила, что примерно четвертая часть выходцев из России (около 850 тыс. человек) говорят дома по-русски. Русскоговорящие сообщества включают людей разных этнических групп, не только русских, но и евреев, украинцев, белорусов, казахов, узбеков и др. Чаще всего сами мигранты и их окружение называют «русскими» всех, кто имеет хоть какое-то отношение к России (родился там, приехал оттуда, его родители или прародители русские по происхождению, говорит на русском языке и др.).

В большинстве своем в США «русскоязычная» экономика представлена дисперсно расположенными объектами (магазины, рестораны, клубы, фирмы, агентства и др.), как правило, разбросанными территориально. Их владельцы и персонал живут достаточно дисперсно среди местного населения, не стремясь к территориальной, а тем более этнической консолидации в принимающих странах. Но есть исключения. Например, с 1970-х гг. на Брайтон Бич, в одном из районов Нью-Йорка, начал формироваться «русскоязычный анклав» под названием «Маленькая Одесса» («Маленькая Россия»). Первоначально его образовали еврейские переселенцы из СССР. Затем здесь стали селиться выходцы из СССР. Но притягивал он не всех, а скорее менее успешных иммигрантов, плохо знавших английский язык и имевших низкие шансы для успешной адаптации на американском рынке труда. Профессионалы с высоким уровнем образования и степенью владения английским языком, несмотря на трудности, стремились расселяться вне этого «русскоязычного анклава», умышленно дистанцируясь от него. Представители «русскоговорящих сообществ» с высоким уровнем образования, профессиональной подготовки и мастерства работают в разных отраслях американской экономики. Например, в области высоких технологий и программирования, работающих в США, оценивается в 130 тыс. выходцев из России, в том числе компаниях в Силиконовой долине (штат Калифорния) работает около 50 тыс. русскоговорящих высококвалифицированных специалистов (Рязанцев С.В. и др., 2013). Также выходцы из России среди высококвалифицированных специалистов в образовании, медицине, биологии, бизнесе, средствах массовой информации, биологии и других сферах экономической активности. Выдержка из интервью с Майей, судебным переводчиком (г. Лос-Анджелес, Калифорния):

«В США приехали с мужем в 1970-е гг. Начинала в Америке с маникюры. Было тяжело. Английский я вообще не знала, начала изучать с нуля. Выучила его так, что стала основным переводчиком с русского на английский в суде. Сейчас принимаю экзамен у переводчиков во всех США».

В «русскоязычной» экономике значительная роль принадлежит русскоязычной прессе, телевизионным каналам, интернет-ресурсам. В США возникли и существуют целые русскоязычные медиа-концерны. Особенно интересна ситуация на Восточном побережье США. Выдержка из интервью с Сергеем, бизнесмен (г. Сакраменто, Калифорния): «В США я переехал из Узбекистана. Начинал как все с нуля. Сейчас у меня издательский бизнес. Издаем справочник русского бизнеса в Сакраменто. Много рекламных проектов. Давно вышли за рамки русской общины. Проводим ивенты (приемы), детский фестиваль, которые очень популярны среди американцев». Например, на экспозицию бизнеса и карьеры организаторы пригласили всех потенциальных работодателей, а не только представителей «русскоязычной» экономики. Представители русского бизнеса вышли за рамки узкого понимания общины, поскольку сделали это событие для всего местного сообщества. Это говорит о том, что у них есть понимание социальной миссии, что представляет собой пример гражданской позиции и успешной интеграции русских иммигрантов в США.

Интересный пример «русскоговорящей» экономики был зафиксирован в Таиланде. Согласно данным российского посольства в Таиланде насчитывается около 100 тыс. российских граждан, которые живут здесь постоянно или большую часть года. Здесь сформировались «молодые» «русскоговорящие» сообщества после распада СССР. Но, скорее всего, данная оценка занижена из-за отсутствия контакта посольства со всеми российскими гражданами в Таиланде. Не исключено, что их реальная численность в 1,5–2 раза больше (Рязанцев С.В., Кузнецов Н.Г., 2016). По оценке автора, реальная численность российских граждан временно находящихся и длительно проживающих в Таиланде может составлять единомоментно около 250 тыс. человек. Дополнительно к этому по оценкам посольства России в Таиланде находится единомоментно от 40 тыс. до 60 тыс. российских туристов, которые, как правило, приезжают на одну–две недели (Рязанцев С.В., Кузнецов Н.Г., 2016). Туристический поток русских в Таиланд носит сезонный характер, а также зависит от экономической ситуации в России. Например, финансовый кризис в России (падение рубля в 2014–2016 гг.) значительно усложнило жизнь тем россиянам, которые жили в Таиланде на деньги из России (пенсии, сдача квартиры внаем, работа на расстоянии и др.). Некоторые из них на время вернулись в Россию. Сократился и поток туристов. Большинство русскоговорящего населения сосредоточено в Паттайе — знаменитом курорте, расположенном недалеко от столицы. Здесь в полной мере проявился феномен «русскоязычной» экономики. Выходцы из стран бывшего СССР открыли здесь множество ресторанов, кафе, туристических фирм, магазинов, агентств по продаже недвижимости. Даже возник поселок, в котором русскоговорящее население проживает компактно. Он называется “Baan Dustin Pattaya Lake” и расположен в южной части курорта. Комплекс включает несколько типов вилл от 100 до

300 квадратных метров. Здесь приобрели недвижимость около 250 русских семей¹. Обслуживанием поселка также занимаются «русскоязычные» бизнесы (Рязанцев С.В., Кузнецов Н.Г., 2016). Также русские расселены дисперсно в столице королевства — в Бангкоке — здесь живут бизнесмены, профессионалы, учащаяся молодежь. В Бангкок летают крупнейшие российские авиакомпании «Аэрофлот» и «S7», а также целый ряд других авиакомпаний, причем имеются как регулярные, так и чартерные рейсы. Некоторая часть русскоговорящего населения также облюбовала остров Пхукет, который также стал популярным местом отдыха русских туристов. Сюда летают прямые регулярные рейсы Аэрофлота, чартерные рейсы многих российских компаний. На острове также есть русские магазины и рестораны, туристические компании. На острове даже издается русская газета «Русский Пхукет». Некоторая часть русских присутствует на других островах Таиланда (Самуи, Краби и др.), но в гораздо меньшем количестве.

Как правило, русский бизнес ориентирован на русскоговорящее население и туристов. Поэтому финансовый кризис в России также ударил по русскоговорящему бизнесу в Таиланде. Некоторые ограничения, которые существуют на иностранцев в Таиланде заставляют «русскоязычную» экономику приспосабливаться и иногда действовать на «границе фолы». Наглядный пример, связан с туристической отраслью. Официально иностранцы не могут работать туристическими гидами в Таиланде. Поэтому многие русские компании оформляют российских граждан как переводчиков. В этой связи даже возникали конфликты между тайландскими и русскими владельцами туристического бизнеса. Например, недавно отмечались выступления тайландцев против русского бизнеса на островах Пхукет, Карон, Ката, Банг Тао. В январе 2016 г. около 200 местных жителей собрались у мэрии Пхукета с лозунгами протестов против деятельности русских на острове с плакатами: «Алекс Тур убирайся прочь», «Освободите Банг Тао от русской мафии», «Мы приветствуем русских туристов, но против русского бизнеса»². Протестующие заявляли, что не могут конкурировать за русских туристов с русским бизнесом, потому что не могут предоставить услуги русским туристам на русском языке. Туристы идут в фирмы, массажные салоны, рестораны, прачечные, в которых могут объяснить пожелание и услышать ответ по-русски, устав от непривычной тайской еды. Среди протестовавших владельцы туристического бизнеса, таксисты, владельцы ресторанчиков, прачечных, массажных салонов. Также тайские предприниматели были недовольны деятельностью крупной российской туристической компании «Пегас», которая является поставщиком услуг и предоставляет полные туры для российских туристов. С ней не могут конкурировать местные турфирмы, таксисты и владельцы транспорта. После конфликты Управление труда Пхукета провело проверки бизнесов, закрывая некоторые из них за нарушения. В Паттайе к улучшению конкурентной среды и повышению качества услуг власти подошли иначе. Мэрия города организовала бесплатные курсы рус-

¹ Русский поселок в Таиланде // Комсомольская правда в Таиланде. Май 2013.

² Выступления против русского бизнеса на Пхукете // Новости Таиланда. URL: <http://thailand-news.ru/news/turizm/vystupleniya-protiv-russkogo-biznesa-na-phukete> (дата обращения: 15.02.2016).

ского языка для тайских предпринимателей¹. Однако в целом в Таиланде отношение к русскоговорящему населению и русским туристам дружелюбное и прагматичное. Когда в 2014–2015 гг. стал сокращаться поток русских туристов, власти и туристический бизнес были серьезно обеспокоены. Газеты выходили с заголовками, что туризм Таиланда несет потери от сокращения потока русских туристов (Рязанцев С.В., Письменная и др., 2014).

Таиланд можно назвать страной с относительно либеральным режимом въездом и пребыванием российских граждан. Россияне могут въезжать и находиться в Таиланде без визы 30 дней, но получение разрешения на работу, вида на жительство затруднено. Многие российские граждане, живущие в Таиланде, используют практики «быстрого пересечения границы» для продления пребывания в стране без визы (например, выезжают в Камбоджу и тут же возвращаются в Таиланд). Безвизовый въезд разрешает туризм, транзитный проезд, участие в деловых переговорах, образовательных, культурных и спортивных мероприятиях. Однако он не дает право работать, и нарушители подлежат преследованию по закону (арест, судебное разбирательство, штраф и, возможно, депортация с последующим запретом на въезд в Таиланд) (Рязанцев С.В., Письменная и др., 2014).

Основные выводы исследования

Русскоговорящие сообщества стали заметным и значимым социально-экономическим феноменом в количественном и качественном отношениях в некоторых странах. Они разнообразны в социально-экономическом и демографическом отношении и включают представителей среднего класса, бизнесменов, предпринимателей, профессионалов, инвесторов, пенсионеров, молодежь, студентов, «дауншифтеров». Однако российские данные и сведения принимающих стран относительно численности русскоязычного населения весьма ограничены, а порой и просто отсутствуют. Например, российские посольства, как правило, владеют информацией только частично, поскольку проживающие в странах российские граждане обращаются к ним лишь по мере необходимости (обмен паспорта, заверение документов, справки о подтверждении информации и др.). Оценки численности русских со стороны посольств носят весьма приблизительный характер. А официальная статистика принимающих стран зачастую не выделяет российских граждан или русскоговорящих мигрантов в отдельные статистические категории в силу различных причин.

США, Канада, Австралия, Израиль, европейские страны и страны Юго-Восточной Азии стали основными принимающими русских эмигрантов странами и местами концентрации крупнейших по численности русскоговорящих сообществ за пределами бывшего СССР. Это означает, что русскоговорящая аудитория очень велика и представляет собой крупный сегмент в некоторых национальных экономиках. В этой связи, некоторые зарубежные страны представляют собой очень

¹ Выступления против русского бизнеса на Пхукете // Новости Таиланда. URL: <http://thailand-news.ru/news/turizm/vystupleniya-protiv-russkogo-biznesa-na-phukete> (дата обращения: 15.02.2016).

интересный пример для исследования нового феномена «русскоязычной» экономики, который занимает важное место в процессе формирования русскоговорящих сообществ и включает систему институтов, инфраструктуру и экономические отношения между их представителями, основанные на использовании и доминировании русского языка.

Выявлена двойная связь между миграцией и русскоговорящими общинами. С одной стороны, вновь прибывающие иммигранты из России и стран бывшего СССР интегрируются в принимающие общества, приобретая первый опыт работы и жизни в новых условиях чаще всего именно через «этнические бизнесы», созданные ранее русскими мигрантами. Это своего рода социально-экономический «трамплин» для русскоговорящих мигрантов. С другой стороны, «русскоговорящие общины» расширяются и процветают благодаря постоянной подпитке со стороны иммиграции из России — это не только новые работники, но и покупатели товаров и потребители услуг. А порой развитие этнической экономики в сочетании с другими факторами становится стимулом для новой иммиграции.

«Русскоязычная» экономика и русскоговорящие сообщества представляют собой значительный ресурс для социально-экономического развития самой России и налаживания отношений с зарубежными странами. Однако, в настоящее время подобное стратегическое понимание у российских властей пока отсутствует и не используется в политике в отношении соотечественников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Все больше россиян задумываются об эмиграции. Исследование РОМИР [Электронный ресурс]. URL: http://romir.ru/studies/390_1348084800/ (дата обращения 11.02.2017).
- Информация Консульского департамента МИД России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kdmid.ru/opendata/default1.aspx> (дата обращения 13.03.2017).
- Рязанцев С.В.* Эмигранты из России: русская диаспора или русскоговорящие сообщества? // Социологические исследования. 2016. № 12. С. 84—94.
- Рязанцев С.В., Кузнецов Н.Г., Храмова М.Н., Лукьянец А.С.* Факторы, формы и тенденции эмиграции российских граждан в страны Юго-Восточной Азии // Сегодня и завтра российской экономики. 2016. № 79—80. С. 3—8.
- Рязанцев С.В., Письменная Е.Е.* Эмиграция ученых из России: «циркуляция» или «утечка» умов // Социологические исследования. 2013. № 4. С. 24—35.
- Рязанцев С.В., Письменная Е.Е., Кузнецов Н.Г.* Влияние визового режима на туризм россиян в страны Юго-Восточной Азии // Туризм: право и экономика. 2014. № 3 (50). С. 2—7.
- Выступления против русского бизнеса на Пхукете // Новости Таиланда. URL: <http://thailand-news.ru/news/turizm/vystupleniya-protiv-russkogo-biznesa-na-phukete> (дата обращения: 15.02.2016).
- Русский поселок в Таиланде // Комсомольская правда в Таиланде. Май 2013.
- Iontsev V.A., Ryazantsev S.V., Iontseva S.V. Emigration from Russia: New trends and forms Economy of Region Issue 2. 2016. Pages 499—509. DOI: 10.17059/2016-2-15
- Ryazantsev S.V. The Modern Russian-Speaking Communities in the World: Formation, Assimilation and Adaptation in Host Societies // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. Vol. 6. № 3. May. P. 155—164. DOI: 10.5901/mjss.2015.v6n3s4p155

Ryazantsev S., Pismennaya E. Demographic Development of Vietnam in the Context of the “Asian Vector” of Russia’s Foreign Policy // *The Social Sciences*. 2016. № 11. P. 5638–5642. DOI: 10.3923/sscience.2016.5638.5642

© Рязанцев С.В., 2017

Благодарности и финансирование:

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-10435 «Эмиграция из России и формирование русскоговорящих общин: новые тенденции, социально-демографические и экономические последствия»).

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 12 декабря 2016

Дата принятия к печати: 26 января 2017

Для цитирования:

Рязанцев С.В. «Русскоязычная» экономика как механизм интеграции русскоговорящих мигрантов в принимающих странах // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика*. 2017. Т. 25. № 1. С. 122–136.

Сведения об авторе:

Рязанцев Сергей Васильевич, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра социальной демографии Института социально-политических исследований РАН, профессор кафедры МЭО РУДН. *Контактная информация:* e-mail: riazan@mail.ru

**“RUSSIAN-RUSSIAN” ECONOMY AS THE MECHANISM
OF THE INTEGRATION OF RUSSIAN-SPEAKING MIGRANTS
IN THE RECEIVING COUNTRIES**

S.V. Ryazantsev

Institute for Socio-Political Studies of the Russian Academy of Sciences
ul. Fotievoy, 6, building 1, Moscow, Russia, 119333
Peoples’ Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

Annotation: Emigration from Russia led to the forcing and expansion of Russian-speaking communities in various countries of the world. The Russian-speaking audience is very large and represents a large segment of some national economies. The example of some countries of the world (the USA, Thailand, Australia, and European countries) explores a new social phenomenon — the “Russian-speaking” economy, which occupies an important place in the life of Russian-speaking communities and includes a system of institutions, infrastructure and economic relations between their representatives, based on the use and dominance of the Russian language. Newly arrived immigrants from Russia and the countries of the former USSR are integrated into host societies, acquiring first experience of work and living in new conditions more often in the “Russian-speaking” economy. Russian-speaking communities are expanding due to a constant supply of immigration from Russia — it is not just new workers, but also buyers of goods and consumers of services. In some cases, the

development of a “Russian-speaking” (ethnic) economy combined with other factors is a stimulus for migration from Russia to host countries.

Key words: “Russian-speaking” economy, Russian-speaking communities, emigration, adaptation, integration, economic institutions, economic relations, Russia, labor market

REFERENCES

- Vse bol'she rossiyan zadumyvayutsya ob ehмиграции. Issledovanie ROMIR [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://romir.ru/studies/390_1348084800/ (data obrashcheniya 11.02.2017) (In Russ.)
- Informaciya Konsul'skogo departamenta MID Rossii [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.kdmid.ru/opendata/default1.aspx> (Data obrashcheniya 13.03.2017) (In Russ.)
- Ryazancev S.V. Emigranty iz Rossii: russkaya diaspora ili russkogovoryashchie soobshchestva? // Sociologicheskie issledovaniya. 2016. № 12. S. 84—94. (In Russ.)
- Ryazancev S.V., Kuznecov N.G., Hramova M.N., Luk'yanec A.S. Faktory, formy i tendencii ehмиграции rossijskih grazhdan v strany Yugo-Vostochnoj Azii // Segodnya i zavtra rossijskoj ehkonomiki. 2016. № 79—80. S. 3—8. (In Russ.)
- Ryazancev S.V., Pis'mennaya E.E. Emigraciya uchenyh iz Rossii: «cirkulyaciya» ili «utechka» umov // Sociologicheskie issledovaniya. 2013. № 4. S. 24—35. (In Russ.)
- Ryazancev S.V., Pis'mennaya E.E., Kuznecov N.G. Vliyanie vizovogo rezhima na turizm rossiyan v strany Yugo-Vostochnoj Azii // Turizm: pravo i ehkonomika. 2014. № 3 (50). S. 2—7. (In Russ.)
- Vystupleniya protiv russkogo biznesa na Phukete // Novosti Tailanda. URL: <http://thailand-news.ru/news/turizm/vystupleniya-protiv-russkogo-biznesa-na-phukete> (data obrashcheniya: 15.02.2016) (In Russ.)
- Russkij poselok v Tailande // Komsomol'skaya pravda v Tailande. Maj 2013 (In Russ.)
- Iontsev V.A., Ryazantsev S.V., Iontseva S.V. Emigration from Russia: New trends and forms Economy of Region Issue 2. 2016. Pages 499—509. DOI: 10.17059/2016-2-15
- Ryazantsev S.V. The Modern Russian-Speaking Communities in the World: Formation, Assimilation and Adaptation in Host Societies // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. Vol. 6. № 3. May. P. 155—164. DOI: 10.5901/mjss.2015.v6n3s4p155
- Ryazantsev S., Pismennaya E. Demographic Development of Vietnam in the Context of the “Asian Vector” of Russia’s Foreign Policy // The Social Sciences. 2016. № 11. P. 5638—5642. DOI: 10.3923/sscience.2016.5638.5642

Article history:

Received: 12 December 2016

Revised: 22 January 2016

Accepted: 26 January 2017

For citation:

Ryazantsev S.V. (2017) “Russian-Speaking” Economy as the Mechanism of the Inegration of Russian-Speaking Migrants in the Receiving Countries. *RUDN Journal of Economics*, 25 (1), 122—136.

Bio Note:

Ryazantsev S.V. Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor, Head of the Center for Social Demography of the Institute for Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences, Professor of the Department of the Foreign Economic Activity of the PFUR. *Contact information:* e-mail: riazan@mail.ru

DOI 10.22363/2313-2329-2017-25-1-137-145

PARAGUAYANS IN THE FOREST SECTOR OF THE ARGENTINE ECONOMY

C.A. Pizarro

University of Buenos Aires
Av. San Martin 4453 – C1417DSE Buenos Aires, Argentina

Abstract: This paper analyses the participation of Paraguayan migrant men in the forestry labor market of the Paraná River Delta. Although forestry is not the principal activity in which these migrants work in Argentina, this case is relevant to show the way in which discrimination mechanisms based on ethno-national stereotypes make cheap foreign labor available. At first, based on the last Argentine Population Census, we show that Paraguayans are the most important migrant group in Argentina. Second, we describe the socio-demographic features of the Paraguayan population in the Paraná River Delta, and compare them with the trends in other places of destination in Argentina. Finally, based on our ethnographic research developed in the Delta, we analyze the labor hierarchies of forestry production; local discrimination discourses against Paraguayans; migratory networks that make these laborers available; and their working and living conditions. We argue that the expansion and profitability of forestry production in the Paraná River Delta is enabled by this segmented labor market that assigns migrant young men to the lowest positions of the labor hierarchy.

Key words: Paraguayan migrants, labor market, Argentina

Paraguayan migration to Argentina

Paraguayan is nowadays the most important migrant group in Argentina, followed by the Bolivian and the Peruvian ones. These three regional migrations are part of the wider migratory system in the Southern Cone of South-America within which Argentina is the main country of reception (Pizarro, 2016).

Paraguayan migrations to Argentina have taken place even before the conformation of both countries at mid 19th Century. Paraguayan population in Argentina has always been less than 1,5% of the total population in the country, and more than the 8% of the total in Paraguay (Bruno, 2013).

In 2010, according to the last Argentine Population Census, it was 1,37% of the total population of Argentina; 66,22 % of the foreign population in Argentina; 44,23% of the total population born in neighbor countries in Argentina; and 8,54% of the total population of Paraguay. The annual growth rate of Paraguayan population in Argentina between Census periods shows that these percentages have steadily grown since 1991 (Table 1).

Between 1869 and 1947, Paraguayans have mainly migrated to the North-East Argentine Provinces located in the border with Paraguay, where they worked in agriculture. Buenos Aires City (capital of Argentina) and in the Province of Buenos Aires became the most important places of destination at mid 20th Century, though Paraguayans have also been registered there in since 1869. Their concentration in these areas has increased

Table 1

Paraguayan Population in Argentina since 1991

Year	Total population in Argentina (A)	Total foreign population in Argentina (B)	Total population born in neighbor countries in Argentina (C)	Total Paraguayan population in Argentina (D)	Total population in Paraguay (E)	% of foreign population in Argentina compared to total population in Argentina (B/A)	% of Paraguayan population in Argentina compared to total population in Argentina (D/A)	% of Paraguayan population in Argentina compared to total foreign population in Argentina (D/B)	% of Paraguayan population in Argentina compared to total population born in neighbor countries in Argentina (D/C)	% of Paraguayan population in Argentina compared to total population in Paraguay (D/E)	Absolute growth of Paraguayan population in Argentina regarding the previous Census	Average annual growth rate (0/00) of Paraguayan population in Argentina between Census periods
1991	32.615.528	-----	841.697	250.450	4.357.615	-----	0,77	-----	29,76	5,75	-12.349	-4,50
2001	36.260.130	-----	916.264	322.962	5.456.418	-----	0,89	-----	35,25	5,92	72.512	24,50
2010	40.117.096	831.696	1.245.054	550.713	6.451.122	2,07	1,37	66,22	44,23	8,54	227.751	61,50

Source: Personal elaboration based on Bruno (2013) and 2010 Argentine Population Census Data.

and, in 2010, 85,9% of the Paraguayan population in Argentina lived there. Besides, Paraguayan population in North-East Argentina is gentrified in contrast with that in the City and the Province of Buenos Aires, where it concentrates within the economically active age range (Bruno, 2013).

Table 2 shows that, since 1991, the main places of destination of Paraguayans have been the North-East Provinces, the City of Buenos Aires and Province of Buenos Aires which includes several districts that are part of the Metropolis of the City of Buenos Aires (Table 2).

Table 2

Distribution of the Paraguayan Population in Argentina in 1991, 2001 and 2010 (in percentages)

Jurisdictions		Year		
		1991	2001	2010
Buenos Aires City		11,60	14,50	14,60
Province of Buenos Aires	Districts which are part of the Metropolitan Area of Buenos Aires City	53,90	58,80	60,80
	Districts which are not part of the Metropolitan Area of Buenos Aires City	5,30	7,10	10,60
	Total in the Province of Buenos Aires	59,20	65,90	71,40
North-East Provinces		25,70	16,60	9,90
Rest of Argentina		3,70	3,20	4,20

Source: Personal elaboration based on Bruno (2013) and 2010 Argentine Population Census Data.

The change in the distribution of the Paraguayan population in Argentina and the increase in the amount of exiles and labor emigrants in Paraguay are correlated with the Paraguayan civil war of 1947; the beginning of a long-standing dictatorship in 1954; and the aggravation of a socio-economic crisis that produced the impoverishment of many country people at Paraguay (Bruno, 2013; Halpern, 2009). Although the majority of Paraguayan migrants in Argentina come from peasant rural or peri-urban areas, most of them live in urban areas.

According to Argentine Population Census 2010, 75,39% of Paraguayan migrants live in the Metropolitan Area of Buenos Aires City. Their main economic activities are construction for men (31,4% of Paraguayan migrant working men in Argentina), and domestic services for women (58% of Paraguayan migrant working women). Feminization is significant: the sex ratio of the Paraguayan population in Argentina is 79,7 (Bruno, 2013).

Construction and domestic services are gender and ethno-national segmented labor markets where Paraguayan men and women are stereotyped as the most suitable workers (Bruno, 2013; del Águila, 2014; Pacceca, Courtis, 2008; Vargas, 2005; among others). This mechanism of race/cultural discrimination naturalizes the ethnicization of the production relationships, since Paraguayans are assigned to the lowest positions of labor hierarchies (Pizarro, 2016; Pizarro and Straccia, 2015).

On the one hand, Paraguayans -together with Bolivians, Peruvians, Chinese and Koreans- are considered non desired migrants according to Argentine socio-cultural classifications of the otherness. On the other hand, long-standing kinship social networks help them to economically and emotionally undergo the first stage of migration; and to find a job.

Paraguayan migrants in a rural area of the province of buenos aires

As said above, the main features of Paraguayan population in Argentina are: concentration in urban areas (mainly in the Metropolitan Area of Buenos Aires City); feminization; and domestic services and construction as the main economic activities of women and men. Thus, the participation of Paraguayan migrants in an agricultural labor market in the Province of Buenos Aires is outstanding.

According to our research in an area of the Paraná River Delta located in that Province, most of the forestry workers are Paraguayan men. The labor market demand has been steadily supplied by these migrants since the 1990s (Pizarro and Straccia, 2015; Pizarro, 2016).

The forestry plantations where they work are located in a territory administrated by two sub-provincial jurisdictions: the Districts of Campana and San Fernando. The socio-demographic features of the Paraguayan population in both Districts contrast with the general trends of the whole Paraguayan population in Argentina.

Paraguayans are the 2,62% of the total population in the District of San Fernando. This percentage is similar to that of the Province of Buenos Aires (2,67%), and it stands between those of Argentina (1,37%) and of Buenos Aires City (3,20%) (Table 3). This might be due to two facts, among others. First, this District is part of the Metropolitan Area of the City of Buenos Aires. Second, its urbanized area is remarkably populated; in contrast with the Delta area of the District, which is less populated although it is quite bigger. Many of the Paraguayans in this District work in urban areas, the same as in the City of Buenos Aires and its Metropolitan Area.

On the contrary, that percentage of the Paraguayan population of the total population in the District of Campana is considerably lower: 0,87% (Table 3). This might be due to the following reasons, among others. This District is not part of the Metropolitan Area of the City of Buenos Aires and that the demands of construction and domestic service labor markets are not so high. Besides, it provides fewer social services than the Metropolitan Area of the City of Buenos Aires, and its way of life is not so attractive to migrants wishing to live in a modern and European-like city, as Buenos Aires is thought of by many Latin American migrants.

Table 3

Main Socio-Demographic Features of Paraguayan Population in the Districts of Campana and San Fernando

Jurisdictions	% of Paraguayan population compared with the total population of the jurisdiction	% of Paraguayan population compared with the total foreign population in the jurisdiction	Paraguayan population sex ratio
Argentina	1,37	66,22	79,72
Buenos Aires City	3,20	21,04	65,37
Province of Buenos Aires	2,67	41,69	81,56
District of Campana	0,87	29,91	83,68
District of San Fernando	2,62	31,44	82,99

¹ Forestry plantations are located in part of each district.

Source: Personal elaboration based on 2010 Argentine Population Census Data

Sex ratio in both Districts is higher than in other places of destination in Argentina where feminization is remarkable: 83,68 in Campana and 82,99 in San Fernando (Table 3).

Unfortunately, the statistical areas of the Argentine Population Census within the Districts do not coincide with the areas comprised by the Delta islands in neither of both districts. Nevertheless, the distribution of Paraguayans in the urban¹, rural² and rural dispersed³ areas, show the relevance of those living in the latter (Table 4).

These areas refer to the Delta islands since there are not any villages or towns, houses are considerably separated of each other, and there are very few inhabitants per km². Since there are not any other areas in neither of both Districts with such a landscape, it can be inferred that data regarding rural dispersed population refers to people living in those islands.

Table 4

Paraguayan Population in or outside Urban and Rural Areas by Jurisdiction

Political-Territorial Jurisdictions	Population in Urban or Rural Areas						
	Urban	Rural	Rural Dispersed	Total	% Urban Population	% Rural Dispersed Population	% Rural Population
Province of Buenos Aires	387.570	1.007	4.120	392.697	98,69	1,05	0,26
District of San Fernando	3.723	0	224	3.947	94,32	5,68	0,00
District or Campana	661	49	89	799	82,73	11,14	6,13

Source: Personal elaboration based on 2010 Argentine Population Census Data.

It is interesting to note the gender and age structure of the census designated rural dispersed Paraguayan population in both Districts. The sex ratio in the District of Campana is 178,13, and 261,29 in the District of San Fernando. Besides, 88,76% of the Paraguayans in the former district are within the economically active range, while 84,82% in the latter. Thus, it can be assumed that forestry is the main economic activity of Paraguayan men in the Delta islands comprised in both jurisdictions.

Paraguayans in the forestry labor market in the Paraná River Delta

Willow and poplar wood for paper industry, pellets and furniture in the Paraná River Delta is mainly produced in the islands of the Districts of Campana and San Fernando. This agricultural activity has steadily expanded since the 1950s and is nowadays the main one. There are four important forestry companies which own very large plantations, and monopolize the transport and trading of the production of less capitalized local forestry farmers (Pizarro, 2016; Pizarro, Straccia, 2015).

One of the reasons why forestry has become a mono-activity is the existence of a segmented labor market. During the 1970s and 1980s, workers used to be local people and domestic migrants coming from nearby Provinces. Paraguayan young men have gradually substituted them since the 1990s.

These foreign migrants are hired in the lowest positions of labor hierarchies which do not require specific qualifications. Middle positions are mainly occupied by domestic

¹ This category comprises people living in places with more than 2.500 inhabitants.

² This category comprises people living in places with less than 2.500 inhabitants.

³ This category comprises people living outside census designated urban and rural places.

migrants who handle agricultural machinery. Argentine professionals, former non qualified workers who have accumulated experience and social capital, or farmers' relatives generally supply upper positions such as foremen, managers and executives.

According to local common sense, Paraguayan workers are the most suitable for hard, force requiring tasks such as handling machetes and chainsaws used to prune, harvest and plant trees. It is believed that they have a remarkable "working culture" due to their peasant background and that they are strong and resistant because of their "indigenous blood". These race/culture biased arguments naturalize xenophobic discrimination and justify precarious working and living conditions.

Before 2004, the Argentine Migration Law was extremely restrictive and did not recognize migrants' rights. Moreover, those defined as illegal foreigners were subject to be deported. At that time, many Paraguayans accepted low wages, informal contracts and precarious working and living conditions because they were undocumented. But nowadays many still do the same; even when Argentine regulations do not criminalize irregular migrants any more, proceedings to regularize migrant status are not so difficult, migrants coming from neighboring countries are not required visas or working permits, and the exchange rate between Argentine and Paraguayan money has not been so profitable for them between 2001 and 2015.

Paraguayan men still accept informal work contracts and low wages because of several reasons. Poverty in their places of origin is usually extreme. Therefore, a low wage in Argentina might make a great difference in the social reproduction of the relatives at their homeland. Besides, as many people born in peasant areas of other Latin American countries, they idealize Argentine modern and European way of life. Finally, not every Paraguayan migrates to find a job; some also want to save money in order to pay their studies or to visit those acquaintances that had migrated before, among other motivations.

Migratory networks might explain the continuous migration of Paraguayan men to the Paraná River Delta. Many are called by a relative or a friend who gives them the money to buy the tickets -or even goes to their homeland to pick them up- and helps them to find a job.

For instance, one of the Paraguayan forestry workers we interviewed during our research had been called by a cousin approximately in 1990, and was hired in the plantation where his relative worked. He kept on working seasonally even when his cousin quitted. He came and went across the border for several years, returning periodically to the rural village where he was born.

He fall in love with a women there, but kept on traveling to work in forestry in the Paran River Delta. After some years he convinced her of getting married and they went together to the islands. Even though she did not like the place at first, they settled down and had three children. He continued working in forestry but she was not able to find a job because there are scarce jobs for women and she had to bring up her children.

He began bringing relatives and friends from his village at Paraguay when his boss needed seasonal workers. Other farmers asked him to do the same for them, since he was known to be reliable and they believed that the men he brought were very good laborers.

He was paid for the work of the teams he managed, and distributed the earnings among the laborers while he kept a percentage for himself. This deal, together with his own wage as a permanent laborer, has enabled him to save enough money during the last years to buy a four-wheel truck and some land in Paraguay. In February, 2016, his brother, six

brothers in law, and many other men from his homeland were part of his several teams working in different plantations.

Paraguayan laborers' living conditions differ depending on the size of the plantation where they are hired. Those who work in forestry companies generally live in relatively well equipped houses and they have formal work contracts that guarantee their labor rights, though they are not provided health insurance. It must be remarked that this was not the case some years ago. The amelioration of working and living conditions in these companies might be due to two facts. On the one hand, state inspections of labor conditions as well as fiscal obligations have increased during the last ten years. On the other hand, the companies are nowadays wishful to achieve certain standards to certify Good Forestry Practices, which include the good quality of working and living conditions.

Nevertheless, ethno-national discrimination still occurs even in those companies that may fulfill those requirements. For instance, in one of the forestry companies we visited, workers live in different kind of houses according not only to their labor position but also to their nationality. The best ones are for local people or domestic migrants that work as foremen or handle machinery, while Paraguayans live in older, smaller and not so comfortable houses.

Regarding the living conditions of those Paraguayans working in small forestry farms, their bosses usually lend them old, precarious and small houses as part of the work contract.

This is also the case in forestry companies, as it turns out of the following example. At the beginning of 2016, during an extraordinary flow that periodically occur in the islands, the only families that had to be evacuated were those of two Paraguayans who work in forestry companies. The houses were in very bad conditions and had no protections against flood, even though both companies wish to certificate Good Forestry Practices.

Farmers are fond of Paraguayans because they think that there would be no forestry activity if it was not for their eagerness to work hard. Nevertheless, these labor migrants are stereotyped as criminals and dangerous. This might be related to Argentine common sense prejudices not only during the 1990s, when they were considered illegal migrants, but also nowadays as they are associated to drugs and people trafficking.

But there is another reason that must be also taken into account. The Paraná River Delta has been considered an inhospitable and isolated area until recent years. It was thought to be a very suitable hiding place for either native or migrant malefactors escaping from justice. Local people say that during the 1990s illegal Paraguayans did not work in urban areas because it was too risky, while there were almost no state controls in the Delta because of its isolation.

Nowadays, local people still discriminate against Paraguayans arguing that they are criminals even though Argentine Migratory Law 2004 does not criminalize undocumented migrants. Nevertheless, forestry companies and farmers still hire them, since they provide very cheap working force.

Conclusions

Paraguayan migration is nowadays the most important in Argentina. It has taken place since at least mid 19th Century, and has steadily increased during the last 25 years. Paraguayans tend to concentrate in urban areas, mainly in the Metropolitan Area of Buenos Aires City; women migrants predominate over men; women mainly work in

domestic services and men in construction. Although forestry production is not their principal economic activity, their participation in that labor market in the Paraná River Delta is an interesting case that shows the way in which discrimination mechanisms based on ethno-national stereotypes make cheap foreign labor available.

Based in the analysis of the Argentine Population Census 2010, we have showed that the socio-demographic features of the Paraguayan population that live in the Districts of Campana and San Fernando, where the forestry area of the Paraná River Delta is located, are quite different from the main trends at the national level. As much as the available statistical data allow, we have argued that the majority of Paraguayan people in these Districts are men that live and work in the forestry area.

Finally, our ethnographic research results show that local discourses against Paraguayan workers assign them certain cultural and biological attributes that naturalize race discrimination and justify their precarious working and living conditions. We explained how migration networks contribute to exploitation by providing laborers that accept low wages, harsh tasks and informal working conditions. We also described the precarious dwellings which are lent to Paraguayan workers by the owners of the forestry companies and farms where they are hired.

Briefly, we have argued that the forestry labor market in the islands of the Paraná River Delta comprised in the Districts of Campana and San Fernando of the Province of Buenos Aires is segmented by ethno-national discrimination, and assigns Paraguayan men to the lowest positions of labor hierarchies. In this way, these migrants are the cheap working force that enables the expansion and profitability of forestry production in the area.

REFERENCES

- Bruno, S. El proceso migratorio paraguayo hacia argentina: evolución histórica, dinámica asociativa y caracterización socio-demográfica y laboral // *Migrantes paraguayos en Argentina: Población, instituciones y discursos*. Cuadernos Migratorios. Editorial de la OIM. 2013. No. 4. P. 9—56.
- Del Águila, A. Etnicidad y clase social entre migrantes paraguayos en la industria de la construcción del Área Metropolitana de Buenos Aires // *Trabajo y Sociedad*. 2014. No. 23. P. 439—463.
- Halpern, G. Etnicidad, inmigración y política. Representaciones y cultura política de exiliados paraguayos en Argentina. Buenos Aires: Editorial Prometeo, 2009.
- Herrera Lima, F. *Vidas itinerantes en un espacio laboral transnacional*. México D.F.: Editorial de la Universidad Autónoma de México, 2005.
- Pacceca, M.I., Courtis, C. *Inmigración Contemporánea//Argentina: Dinámica y políticas*. Santiago de Chile: Editorial del Centro Latinoamericano y Caribeño de Demografía — División de Población. 2008.
- Pizarro, C. *Trabajadores paraguayos en la producción forestal del Delta Inferior del río Paraná*. In: Aparicio, S. y Benencia, R. (ed.) *De migrantes y asentados. Trabajo estacional en el agro argentino*. Buenos Aires: Editorial CICCUS, 2016. P. 112—136.
- Pizarro, C. y Straccia, P. “Hay mucho paraguayo acá”. *Nuevas formas de organización laboral en la producción forestal del Delta Inferior del río Paraná*. Paper presented at IX Jornadas Interdisciplinarias de Estudios Agrarios y Agroindustriales Argentinos y Latinoamericanos. Buenos Aires. 2015.
- Vargas, Patricia. *Bolivianos, paraguayos y argentinos en la obra: identidades étnico-nacionales entre los trabajadores de la construcción*. Buenos Aires: Editorial Antropofagia, 2005.

© Pizarro C., 2017

Acknowledgements:

The study was conducted with the support from the University of Buenos Aires grant, Project 20020130100147BA.

Article history:

Received: 6 December 2016

Revised: 16 January 2017

Accepted: 28 January 2017

For citation:

Pizarro C. (2017) Paraguayans in the forest sector of the Argentine economy. *RUDN Journal of Economics*, 25 (1), 137—145.

Bio note:

Pizarro C., Professor at the School of Agriculture of the University of Buenos Aires. *Contact information:* e-mail: pizarro.cynthia@gmail.com

ПАРАГВАЙЦЫ В ЛЕСНОЙ ОТРАСЛИ ЭКОНОМИКИ АРГЕНТИНЫ

С. Пизарро

Университет Буэнос-Айреса
Проспект Сан-Мартин 4453 — C1417DSE, Буэнос-Айрес, Аргентина

В статье анализируется участие парагвайских мужчин-мигрантов на рынке труда в лесном секторе дельты реки Парана. Хотя лесное хозяйство не является основным видом деятельности, в котором работают эти мигранты в Аргентине, этот случай имеет отношение к тому, чтобы показать, каким образом механизмы дискриминации, основанные на этнонациональных стереотипах, делают дешевой иностранную рабочую силу. Основываясь на данных последней переписи населения Аргентины установлено, что парагвайцы являются наиболее важной группой мигрантов в Аргентине. На основе этнографических исследований проанализирована структура миграционных потоков, выявлены проблемы дискриминации мигрантов. Исследование доказало, что расширение и рентабельность лесного хозяйства в дельте реки Парана обеспечивается благодаря сегментированному рынку труда, основанному на дискриминации трудовых мигрантов на местном рынке труда.

Ключевые слова: парагвайские мигранты, рынок труда, Аргентина

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 6 декабря 2016

Дата принятия к печати: 28 января 2017

Для цитирования:

Пизарро С. Парагвайцы в лесной отрасли экономики Аргентины // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика*. 2017. Т. 25. № 1. С. 137—145.

Сведения об авторе:

Пизарро Синтия Александра, профессор Школы агрономии Университета Буэнос Айреса.
Контактная информация: e-mail: pizarro.cynthia@gmail.com

К АВТОРАМ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ. СЕРИЯ: ЭКОНОМИКА»

Общие сведения и тематика журнала

Редакция журнала «Вестник РУДН. Серия: Экономика» приглашает к сотрудничеству авторов — преподавателей, научных работников, аспирантов.

Серия «Экономика» выходит 4 раза в год — в марте, июне, сентябре и декабре. Портфель со статьями в очередной номер «Вестника» формируется постоянно по мере их поступления. С момента поступления статьи в редакцию до выхода журнала из типографии проходит примерно 4—5 месяцев. Редакция журнала не берет денег за публикацию. Важнейшее условие публикации — качественная статья, оформленная в строгом соответствии с требованиями «Вестника».

Журнал публикует статьи в следующих рубриках:

- вопросы экономической теории;
- продвижение экономических реформ в России и других странах СНГ;
- экономическая интеграция и глобализация;
- экономика развитых и развивающихся стран;
- валютно-финансовые проблемы;
- экономика отраслевых рынков;
- вопросы менеджмента и маркетинга;
- междисциплинарные исследования;
- методика и методология преподавания экономических дисциплин;
- экономические обзоры;
- аналитическая информация и статистика;
- рецензии и пр.

Общие требования, предъявляемые к статьям

1. В «Вестник» представляются статьи, которые не публиковались ранее.

2. Статья должна носить проблемный характер, быть структурированной, т.е. разбитой на подразделы (с подзаголовками, примерно 5—6), которые соответствовали бы тем или иным аспектам рассматриваемой темы.

3. В начале статьи (во введении) должна присутствовать постановка исследовательского вопроса: что Вы хотите показать в Вашей работе; как строится Ваша работа, какой научный результат вы хотите получить.

4. Необходимо дать краткий обзор литературы по теме: кто писал по этой теме, насколько она разработана, какой аспект темы остался неисследованным и будет рассмотрен в Вашей статье, т.е. здесь должна идти речь о новизне Вашего подхода или специфике Вашей позиции. Серьезные работы по теме надо обязательно поместить в список литературы в конце статьи. Если Вы указываете фамилии авторов, в списке литературы обязательно должны быть приведены названия их работ.

5. Работа должна завершаться выводами (Заключение), которые коррелировали бы с поставленными во введении задачами исследования: каков научный результат исследования.

6. Оптимальный объем материалов:

— статьи: до 20 тыс. знаков (включая пробелы);

— обзоры: до 15 тыс. знаков;

— рецензии: до 5 тыс. знаков.

Структура представляемой статьи

1. Название статьи, например: Особенности внутриотраслевой торговли.

2. Фамилия, имя, отчество автора, например: Иванов И.И.

3. Место работы автора, например: Российский университет дружбы народов

4. Адрес места работы автора, например: ул. Миклухо-Маклая, д. 6, Москва, Россия, 117198.

5. Аннотация содержания статьи на русском языке: около 7—8 строк (не менее 700 знаков с пробелами), где представляются основные идеи и выводы работы.

6. Ключевые слова на русском языке (5—6), которые, которые в полной мере характеризуют содержание статьи.

7. Сам текст статьи, обязательно разбитый на подзаголовки, которые отражают логику работы.

8. Литература (т.е. список всей использованной литературы, ссылки на которую даются в самом тексте статьи в квадратных скобках).

9. Название статьи на английском языке (после текста статьи).

10. Фамилия, имя, отчество автора на английском, например: Ivanov I.I.

11. Место работы автора на английском языке.

12. Адрес места работы автора на английском языке.

13. Аннотация на английском языке.

14. Ключевые слова на английском языке.

15. Сведения об авторе (см. ниже).

16. Сведения о рецензентах (см. ниже).

Аннотация

Как указывалось выше, каждая статья должна иметь аннотацию на русском и английском языках. Вот основные требования к аннотации:

1. Объем аннотации: около 7—8 строк (не менее 700 знаков с пробелами).

2. Аннотация не должна просто повторять название работы, цель аннотации состоит в том, чтобы на ее основе читатель смог представить себе, о чем в статье идет речь, и стоит ли ему эту статью читать.

3. В аннотации должно быть четко указано, какие цели автор ставил в своей работе, какие использовал инструменты анализа. Далее надо указать, к каким конкретным выводам пришел автор, каковы основные научные результаты исследования.

4. Обратите внимание на грамотный перевод аннотации на английский язык.

Список литературы, транслитерация и перевод русскоязычных источников

В соответствии с Приказом ректора РУДН № 91 от 8 февраля 2013 г. в целях приведения «Вестник РУДН» в соответствии с требованиями базы данных SCOPUS каждая статья должна содержать два пристатейных списка литературы, первый — под названием **БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК** и второй — под названием **REFERENCES**. **БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК** содержит традиционно оформленный список литературы на языке оригинала публикации (русский, английский, французский и пр.). **REFERENCES** содержит транслитерацию, а также перевод источника на английский язык.

Как правильно составить список REFERENCES

1. Сначала надо провести транслитерацию всех источников в списке литературы в соответствии с таблицей:

Буква	Транслит	Буква	Транслит	Буква	Транслит	Буква	Транслит
А	A	З	Z	П	P	Ч	CH
Б	B	И	I	Р	R	Ш	SH
В	V	Й	Y	С	S	Щ	SCH
Г	G	К	K	Т	T	Ъ, Ъ	опускаются
Д	D	Л	L	У	U	Ы	Y
Е	E	М	M	Ф	F	Э	E
Ё	E	Н	N	Х	KN	Ю	YU
Ж	ZH	О	O	Ц	TS	Я	YA

2. Затем после транслитерированного названия статьи/книги/монографии надо перевести русскоязычное название на английский язык и заключить его в квадратные скобки.

3. Источники на языках, где используется латиница, не надо транслитерировать или переводить.

Образцы оформления различных источников (для удобства даны в таблице, однако в тексте сначала идет **БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК**, а после п. 13, 14 — **REFERENCES**):

- 1) монография одного автора;
- 2) коллективная монография под редакцией;
- 3) статья в научном журнале;
- 4) источник, взятый из Интернета;
- 5) источник на иностранном языке (не меняется ничего).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	REFERENCES
1. <i>Шишков Ю.В.</i> Интернационализация производства — новый этап развития мировой экономики. М.: ИМЭМО РАН. 2009. 92 с.	1. Shishkov Yu.V. Internatsionalizatsiya proizvodstva — novyy etap razvitiy mirovoy ekonomiki [Internationalization — the new stage of the development of world economy]. Moscow, IMEMO RAN. 2009. 92 p.

2. Россия: интеграция в мировую экономику / под ред. Р.И. Зименкова. М.: Финансы и статистика, 2003. 430 с.	2. Rossija: integracija v mirovuju ekonomiku / pod red. R.I. Zimenkova [Russia: Integration into the world economy]. Moscow, Finansy i statistika, 2003. 430 p.
3. Волгина Н.А., Возмилова С.С. Особенности глобальных цепочек стоимости в автомобильной промышленности // Вестник РУДН. Серия «Экономика». 2015. № 2. С. 36—48.	3. Volgina N.A., Vozmilova S.S. Osobennosti globalnykh tsepoček stoimosti v avtomobilnoj promyshlennosti [Global value chains in the automotive industry: modern trends]. Vestnik RUDN. Seriya Ekonomika [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Economics], 2015, no 2, pp. 36—48.
4. Кондратьев В.В. Автомобильная промышленность: перспективы развития после кризиса. 2010. Октябрь. URL: http://www.perspectivy.info/o/ykumena/ekdom/avtomobilnaja_promyshlennost_perspektivy_razvitija_posle_krizisa_2010-10-01.htm (дата обращения 01.10.2014).	4. Kondratiev V.V. Avtomobilnaya promyshlennost: perspektivy razvitiya posle krizisa [Automotive industry: development prospects after the crisis]. October 2010. Available at: http://www.perspectivy.info/o/ykumena/ekdom/avtomobilnaja_promyshlennost_perspektivy_razvitija_posle_krizisa_2010-10-01.htm (Accessed 01 October 2014).
5. Humphrey J., Memedovic O. The Global Automotive Industry Value Chain: What Prospects for Upgrading by Developing Countries. UNIDO. 2003. 62 p.	5. Humphrey J., Memedovic O. The Global Automotive Industry Value Chain: What Prospects for Upgrading by Developing Countries. UNIDO. 2003. 62 p.

Сведения об авторе

В конце статьи необходимо указать сведения об авторе для раздела «Наши авторы»: фамилия, имя отчество (полностью), научная степень и звание, должность, место работы, включая факультет и кафедру. Обязательно указать e-mail и контактный телефон, по которым можно связаться с автором. Пример:

Иванов Иван Иванович — доктор экономических наук, профессор кафедры мировой экономики экономического факультета Экономического университета (e-mail: ivanov@yahoo.com) 8-926-111-11-11.

Технические требования к оформлению статей

1. Работа должна быть представлена в редакторе Word, формат docx, шрифт Times New Roman, размер шрифта — 12, межстрочный интервал — полуторный, размер полей по 2 см, отступ в начале абзаца 1 см, форматирование по ширине.

2. Рисунки, таблицы, схемы, графики и пр. должны быть обязательно пронумерованы, иметь источники и «вмещаться» в печатное поле страницы. Название таблицы — над таблицей; название рисунка/графика — под рисунком/графиком. Все рисунки и таблицы выполняются только в черно-белой гамме, полноцветные иллюстрации не допускаются. На все рисунки и таблицы должна быть ссылка в самом тексте статьи.

3. Переносы в статье не использовать.

4. Все аббревиатуры, используемые в тексте, при первом упоминании должны «расшифровываться».

5. Разрядка текста исключается.

6. Все выделения в тексте статьи — только курсивом (а не жирным шрифтом или подчеркиванием).

7. Смысловые сноски нумеруются по порядку, заключаются в круглые скобки и выносятся в конец статьи в раздел ПРИМЕЧАНИЯ, которые следует сразу за текстом статьи до раздела БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.

8. Ссылки на литературу оформляются так: [номер по списку литературы в конце статьи, страница, если есть], например [7. С. 159]. Списки литературы (а также REFERENCES) в конце составляются в алфавитном порядке.

Что нужно сделать, чтобы подать статью на рассмотрение в «Вестник»

Прислать текст статьи, оформленный в полном соответствии с нашими требованиями, на адрес редакции: vestnik_rudn_ec@yahoo.com только прикрепленным файлом (Microsoft Word). Контактное лицо — заместитель главного редактора серии — Волгина Наталья Анатольевна. Пожалуйста, не забудьте включить в файл с текстом статьи сведения об авторах.

Статьи, оформленные в нарушение требований, не рассматриваются и не возвращаются.

Когда статья принята к публикации

После того, как статья принята к публикации (о чем автор получает уведомление по электронной почте), автор должен оформить подписку на «Вестник РУДН. Серия: Экономика» для того, чтобы иметь свой печатный экземпляр статьи. Вот бланк для подписки на почте, где Вы легко можете изменить данные и поставить нужное полугодие и нужный год.

Подписку можно осуществить не только на почте, но и в редакции журнала «Вестник».

Телефон Издательства РУДН (для оформления подписки) 8-495-955-08-85.

ф. СП-1	Министерство связи РФ Российской Федерации										
	АБОНЕМЕНТ на журнал	36431 (индекс издания)									
ВЕСТНИК РУДН Серия «Экономика»		Количество комплектов:									
(наименование издания)											
на 2016 год по месяцам											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
						X	X	X	X	X	X
Куда											
(почтовый индекс)		(адрес)									
Кому											
(фамилия, инициалы)		Тел.:									

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА											
		на журнал 36431 (индекс издания)									
ПВ	место	литер									
ВЕСТНИК РУДН Серия «Экономика»											
(наименование издания)											
Стоимость	подписки	руб. ___ коп.	Количество комплектов:								
	пересылки	руб. ___ коп.									
на 2016 год по месяцам											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
						X	X	X	X	X	X
Куда											
(почтовый индекс)		(адрес)									
Кому											
(фамилия, инициалы)		Тел.:									

ф. СП-1

ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»

АБОНЕМЕНТ на журнал

36431

(индекс издания)

ВЕСТНИК РУДН
Серия «Экономика»

Количество
комплектов:

на 2017 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

на журнал

36431

(индекс издания)

ПВ	место	литер

ВЕСТНИК РУДН
Серия «Экономика»

Стои- мость	подписки	_____ руб. ____ коп.	Количество комплектов:	
	переадресовки	_____ руб. ____ коп.		

на 2017 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ф. СП-1

ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»

АБОНЕМЕНТ на журнал

(индекс издания)

ВЕСТНИК РУДН

Серия _____

Количество комплектов:

на 2017 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ПВ	место	литер

на журнал

(индекс издания)

ВЕСТНИК РУДН

Серия _____

Стоимость	подписки	_____ руб. ____ коп.	Количество комплектов:	<input type="text"/>
	переадресовки	_____ руб. ____ коп.		

на 2017 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)